Библиотека приключений

Р. Л. Стивенсон

Остров сокровищ

Издательство
Клуб семейного досуга

Остров Сокровищ
Роберт Льюис Стивенсон

Аннотация
Роберт Льюис Стивенсон. Остров сокровищ
Часть первая. Старый пират
Глава 1. Старый морской волк в таверне «Адмирал Бенбоу»
Глава 2. Черный Пес приходит и уходит
Глава 3. Черная метка
Глава 4. Матросский сундук
Глава 5. Конец слепца
Глава 6. Бумаги капитана
Часть вторая. Судовой повар
Глава 7. Я отбываю в Бристоль
Глава 8. Под вывеской с подзорной трубой
Глава 9. Порох и оружие
Глава 10. Плавание
Глава 11. Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок
Глава 12. Военный совет
Часть третья. Мои приключения на суше
Глава 13. Как начались мои приключения
Глава 14. Первое убийство
Глава 15. Островитянин

Часть четвертая. В блокгаузе
Глава 16. Рассказ доктора Ливси о том, как была покинута «Эспаньола»
Глава 17. Продолжение рассказа доктора. Последний рейс на ялике
Глава 18. Окончание рассказа доктора. Первый день осады
Глава 19. Рассказ Джима Хокинса. Гарнизон в блокгаузе
Глава 20. Переговоры с Сильвером
Глава 21. Атака
Часть пятая. Мои приключения на море
Глава 22. Как я удрал из блокгауза
Глава 23. Во власти отлива
Глава 24. В челноке
Глава 25. Черный флаг спущен
Глава 26. Израэль Хендс
Глава 27. «Пиастры!»
Часть шестая. Капитан Сильвер
Глава 28. В лагере врагов
Глава 29. Снова черная метка
Глава 30. Под честное слово
Глава 31. Указующая стрела Флинта
Глава 32. Таинственный голос
Глава 33. Падение главаря
Глава 34. Последняя глава

Аннотация

Поиски сокровищ, борьба с пиратами, тайны необитаемого острова, коварство, заговоры, настоящая дружба – все это в знаменитом романе Р. Л. Стивенсона. Захватывающие приключения юного Джима Хокинса и его верных друзей не оставят равнодушными никого из читателей.

Роберт Льюис Стивенсон
Остров сокровищ

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009

* * *

Часть первая
Старый пират

Глава 1
Старый морской волк в таверне «Адмирал Бенбоу»

Сквайр[1] Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены убедительно просили меня рассказать все без утайки об Острове Сокровищ. Кроме, конечно же, географических координат острова, поскольку оттуда не вывезена еще часть клада. Уступая их просьбам, я берусь за перо в нынешнем 17… году и мысленно переношусь в то время, когда мои отец и мать содержали таверну «Адмирал Бенбоу»[2] и когда старый моряк со шрамом на лице неожиданно появился в нашем доме.

Я помню все, как будто это случилось только вчера. Тяжело ступая, он подошел к дверям таверны. За ним катили тачку с его морским сундуком. Незнакомец был здоровенным малым с загоре-

---

[1] Сноски: 1

Сквайр — титул помещика, принадлежащего к джентри — нетитулованному английскому дворянству. Сквайры играли видную роль в жизни провинции, часто занимали различные административные или судебные должности.

[2] Сноски: 2

Адмирал Бенбоу (1653–1702) — английский адмирал, который благодаря своей отчаянной отваге стал героем матросских песен.

лым и обветренным лицом. Длинные волосы косицами падали на воротник его грязной куртки. На заскорузлых, покрытых ссадинами руках темнели грязные обломанные ногти. Поперек одной щеки тянулся багровый сабельный шрам. Помню, как он оглянулся на залив, насвистывая под нос, а затем вдруг заорал старую морскую песню, которую потом так часто распевал:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пел он высоким, по-стариковски хриплым и надтреснутым голосом, напоминавшим скрипение вымбовки[3].

Затем он постучал в нашу дверь своей палкой, похожей на ганшпуг[4], и грубо потребовал у моего отца стакан рому. Когда ром был подан, он стал медленно потягивать его, смакуя с видом знатока и поглядывая то на берег, то на нашу вывеску.

— Недурная бухта, — пробормотал он наконец. — И неплохое место для таверны. А много ль

---

[3] Сноски: 3

Вымбовка — рычаг, служащий на парусных судах для подъема якоря вручную.

[4] Сноски: 4

Ганшпуг — рычаг для подъема и перемещения тяжестей на судах.

народу у вас, хозяин?

Отец ответил, что, к сожалению, немного.

— Отлично, — сказал моряк. — Подходящее место для стоянки. Эй, малый, поди сюда! — окрикнул он человека, который катил за ним тачку. — Подъезжай поближе и помоги мне втащить сундук. Я здесь остановлюсь ненадолго. Я человек покладистый, — продолжал он. — Ром, свиная грудинка и яйца — вот все, что мне нужно, да еще этот утес в придачу, чтобы следить за проходящими судами. Как звать меня? Вы можете называть меня просто капитаном. Ах да, еще вот это!

И он швырнул на порог три или четыре золотых монеты.

— Скажете, когда потребуется доплатить, — прибавил он с надменным видом.

И в самом деле, несмотря на поношенную одежду и грубость в обращении, он все же не походил на простого матроса. Его скорее можно было принять за штурмана или шкипера, привыкшего командовать и раздавать зуботычины.

Человек, привезший на тачке сундук, сообщил нам, что моряк прибыл накануне утром с почтовым дилижансом в таверну «Король Георг» и расспрашивал там, какие есть еще в округе таверны поближе к морю. Услышав добрые отзывы о нашей таверне и выяснив, что она находится на отшибе, он, как я полагаю, выбрал именно ее. Вот и все, что нам удалось узнать о нашем постояльце.

Обычно он бывал молчалив. Целый день слонялся с медной подзорной трубой у моря или среди скал, по вечерам же сидел в столовой в углу и потягивал ром. Когда с ним заговаривали, он, как правило, не отвечал — лишь свирепо поглядывал да посапывал носом, словно фаго-

том[5]. Вскоре все привыкли к нему и оставили в покое. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он неизменно спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк? Сначала мы думали, что он ищет собутыльников, но вскоре заметили, что он, наоборот, старается избегать моряков. Если один из них, пробираясь береговой дорогой в Бристоль, заворачивал в таверну «Адмирал Бенбоу», то капитан сначала разглядывал его из-за портьеры и только потом входил, при этом он становился нем как рыба.

Я отметил для себя поведение капитана, а вскоре узнал и о его опасениях. Однажды он отвел меня в сторону и обещал вручать первого числа каждого месяца четыре пенса серебром, если я стану «смотреть в оба за моряком на одной ноге», а увидев такого человека, немедленно сообщу ему. Не раз, бывало, когда наступало первое число и я являлся к нему за деньгами, он только сопел и глядел на меня со злобой. Однако уже к концу недели сменял гнев на милость и выплачивал мне мои четыре пенса, снова приказывая «смотреть в оба за одноногим».

Признаюсь, что этот таинственный моряк му-

---

[5] Сноски: 5
Фагот — деревянный духовой музыкальный инструмент.

чил меня в ночных кошмарах. По ночам, особенно во время штормов, когда ветер сотрясал весь дом и прибой ревел, разбиваясь об утесы, он являлся мне во сне в самых дьявольских образах. То с ногой, отрезанной до колена, то с ногой, оттяпанной по самое бедро, то вообще в виде ужасного одноногого чудища. Страшнее всего был сон, в котором он гнался за мной, перепрыгивая через изгороди и канавы. Как видите, мне приходилось дорого расплачиваться за свои ежемесячные четыре пенса.

Но хоть одноногий моряк и приводил меня в ужас, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем наши постояльцы. Иногда по вечерам он надирался сверх всякой меры и начинал буйствовать и горланить свои проклятые морские песни, не обращая ни на кого внимания. Порой он требовал, чтобы и остальные пили вместе с ним, и заставлял трепещущих от страха посетителей выслушивать его нескончаемые рассказы или подпевать хором. Частенько стены нашего дома содрогались от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», поскольку бедолаги попросту боялись старого дебошира и орали во все горло, лишь бы только не разозлить его. Во хмелю капитан становился страшен и неукротим. Он то грохал кулаком по

столу, требуя тишины, то приходил в ярость, если к нему обращались с вопросом, то, наоборот, свирепел, если его ни о чем не спрашивали. Он не позволял никому из посетителей уйти из трактира до тех пор, пока сам не напивался до чертиков и, пошатываясь, отправлялся спать.

Его рассказы отчаянно пугали наших постояльцев. Это были жуткие истории о висельниках, об отчаянных храбрецах, о тропических штормах, о пустынях, о пиратских рейдах к берегам испанских владений. По его словам выходило, что он провел всю жизнь среди самых отъявленных негодяев, какие только ступали по земле или плавали по морю. Затейливая брань, которой он обильно приправлял свои россказни, пугала слушателей не меньше, чем описываемые им злодеяния.

Мой отец не раз говаривал, что наша таверна вскоре разорится, ибо посетители перестанут к нам заглядывать, чтобы не подвергаться издевательствам и не возвращаться домой, трясясь от страха. Но я придерживался иного мнения. Пребывание капитана явно приносило нам выгоду. Поначалу посетители пугались, но потом с удовольствием вспоминали страшные истории нашего капитана — они будоражили

воображение и вносили разнообразие в унылую деревенскую жизнь. Кое-кто из них называл нашего капитана «истинным морским волком», утверждая, что благодаря таким людям Англия и стала грозой морей.

Впрочем, в одном отношении капитан вполне мог содействовать нашему разорению. Он жил у нас неделю за неделей, месяц за месяцем. Деньги, которые он дал поначалу, давно закончились, а мой отец больше не мог выжать из него ни гроша. Стоило ему только намекнуть об этом, как капитан начинал свирепо сопеть, и мой бедный отец тут же улетучивался. Я видел, как он после такого отпора в отчаянии ломал руки, и уверен, что испытанное им при этом волнение во многом приблизило его преждевременную кончину.

За все время пребывания у нас капитан ни разу не сменил и не обновил своей одежды, только купил несколько пар чулок у разносчика. Поля его шляпы истрепались и обвисли, куртка покрылась пестрыми заплатами, так как он сам чинил ее в своей комнате наверху. Капитан никогда не писал и не получал писем и ни с кем не заговаривал, кроме соседей по столу, да и то лишь будучи в подпитии. И никто из нас ни разу не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только однажды этот грубиян получил достойный отпор. Это случилось незадолго до смерти моего отца. Как-то после полудня нас навестил доктор Ливси, осмотрел своего пациента, перекусил и спустился в общую столовую выкурить трубку и дождаться, пока приведут лошадь, которую он оставил в соседней деревне, поскольку в нашей старой таверне не было конюшни.

Я последовал за ним и помню, какое впечатление производил доктор — приветливый, подтянутый, в завитом парике, осыпанном белоснежной пудрой, — по сравнению с угрюмыми деревенскими пьяницами. Но особенно разительным был контраст между доктором и нашим мрачным, грязным капитаном, который сидел за столом, развалившись и потягивая, по обыкновению, ром. Внезапно он хриплым и оглушительным голосом заорал свою любимую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Поначалу я решил было, что «сундук мертвеца» — это и есть тот сундук, который стоял в комнате

капитана. В моих страшных снах он нередко являлся мне в компании с одноногим моряком. Но потом мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В тот вечер она явилась новостью только для доктора, и, как я заметил, он был явно не в восторге от услышанного. Сердито взглянув на крикуна, он продолжил разговор со стариком садовником Тэйлором о новом способе лечения ревматизма. Капитан, насупившись, вдруг грохнул кулаком по столу, призывая к молчанию. Все моментально умолкли, один только доктор Ливси продолжал добродушно и весело беседовать, попыхивая трубкой. Капитан грозно взглянул на него, снова грохнул кулаком по столу и прогремел:

— Эй там, на нижней палубе, потише!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — осведомился доктор.

Грубиян ответил утвердительно, добавив пару ругательств.

— В таком случае, сэр, — невозмутимо продолжал доктор, — могу сказать вам только одно: если вы будете продолжать увлекаться ромом, то вскоре избавите мир от одного из самых отъявленных мерзавцев.

Капитан жутко рассвирепел. Он вскочил, вы-

хватил свой складной матросский нож и начал махать им, грозя пригвоздить доктора к стене. Но тот спокойно продолжал сидеть. Слегка повернувшись к капитану, он негромко, но так, чтобы все посетители могли расслышать, сказал:

— Если вы немедленно не спрячете свой нож, то, клянусь честью, вам придется иметь дело с судом.

Взгляды их скрестились, словно шпаги. Неожиданно капитан сдался, спрятал нож и уселся на прежнее место, как побитая собака.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — я должен вас предупредить. Поскольку на моем участке завелся такой молодчик, то можете быть уверены, что я буду следить за вами в оба. Я ведь не только доктор, а и должностное лицо, и при первой жалобе на вас — хотя бы за грубость вроде сегодняшней, — я приму все меры, чтобы немедленно выселить вас отсюда. Помните об этом!

Доктору Ливси подали лошадь, и он уехал. С тех пор капитан попритих и стал вести себя сдержаннее.

Глава 2
Черный Пес приходит и уходит

Вскоре благодаря одному загадочному происшествию мы наконец-то избавились от нашего капитана, но, как выяснилось позже, не от его наследия. Стояла суровая зима с сильными морозами и штормами, и было очевидно, что мой бедный отец не дотянет до весны. Он слабел и чахнул с каждым днем, управляться с таверной приходилось мне и моей матушке.

Мы были заняты своими делами и почти не обращали внимания на нашего постояльца.

Случилось это рано утром в январе. На улице было довольно холодно, прибрежные скалы казались седыми от инея. Солнце только что показалось над вершинами холмов и осветило равнину моря. Капитан поднялся раньше обычного и направился к бухте. Кортик[6] болтался у него на боку, под мышкой он держал медную подзорную трубу. Заломив шляпу на затылок, он брел к берегу, тяжело дыша и отдуваясь. Вдруг

---

[6] Сноски: 6

Кортик — холодное колющее оружие с прямым тонким обоюдоострым клинком. В XVI–XVIII вв. применялся как оружие абордажного боя.

я услышал, как он, уже почти скрывшись за прибрежной скалой, сердито выругался. Должно быть, вспомнил недавний разговор с доктором Ливси, подумал я.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к возвращению капитана. Неожиданно входная дверь распахнулась, и в столовую вступил незнакомец. Он был бледен, на его левой руке не хватало двух пальцев. И хотя за поясом у него торчал кортик, вид у него был вовсе не воинственный. Пришелец привел меня в некоторое замешательство. Хоть он и не походил на моряка, тем не менее чувствовалось, что он имеет какое-то отношение к мореплаванию.

Я спросил, что ему угодно, и он заказал стакан рому. Не успел я вернуться, как он уселся за стол и дал мне знак подойти поближе. Я остановился рядом с салфеткой в руке.

— Подойди еще ближе, приятель, — сказал он, — подойди ближе!

Я подошел.

— Этот прибор поставлен для штурмана Билли? — спросил он меня, подмигнув при этом.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли, а стол этот накрыт для нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Отлично, — проговорил он, — штурман Билли может назваться капитаном, это не меняет сути дела. У него шрам на щеке и весьма приятные манеры, особенно когда выпьет. Да, он таков, штурман Билли… Думаю, и у вашего капитана имеется шрам на одной щеке, допустим, на правой. Не так ли? Выходит, штурман Билли сейчас здесь?

Я ответил, что капитан вышел прогуляться.

— А куда он пошел, приятель? По какой дороге?

Когда я сообщил, куда и по какой дороге отправился капитан, незнакомец воскликнул:

— Отлично! Билли обрадуется мне больше, чем бесплатной выпивке!

Однако выражение его лица при этих словах осталось довольно мрачным, и я подумал, что, наверно, незнакомец ошибся. Однако я решил, что меня все это не касается, тем более что и не знал, как поступить в подобных обстоятельствах.

Незнакомец пристально следил за входной дверью, словно кошка, караулящая мышь у норки. Я попытался было выйти на крыльцо, но он тотчас позвал меня назад. Я послушался не сразу, и внезапно его лицо исказилось таким гневом, и он так бешено заорал на меня, что я в страхе отпрянул.

Но стоило мне вернуться, как он взял прежний тон, не то льстивый, не то насмешливый, потрепал меня по плечу и сказал, что я славный паренек.

— У меня есть сынишка, — сказал он, — и ты очень на него похож. Я им горжусь. Но для мальчиков главное — послушание. Да-да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли на одном судне, тебя не пришлось бы окликать дважды. Билли никогда не повторял приказаний… А вот и он, мой штурман, с подзорной трубой под мышкой, да благословит его Бог! Давай-ка пойдем в столовую, спрячемся за дверью и устроим Билли сюрприз. Ох и обрадуется же он, разрази меня гром!

Мы вернулись в столовую, и незнакомец спрятался вместе со мной за открытой настежь дверью. Признаться, я порядком струхнул, да и незнакомец, как я заметил, похоже, сам трусил. Он то и дело хватался за рукоятку кортика, не вынимая его, впрочем, из ножен. Все время, пока мы стояли за дверью, он судорожно глотал слюну, словно у него что-то застряло в горле. Наконец в комнату ввалился наш капитан и, захлопнув за собой дверь, направился прямиком к столу, где его ждал завтрак.

— Билли! — окликнул его незнакомец, стараясь, как мне почудилось, придать своему голосу побольше решительности.

Капитан мгновенно обернулся и оказался прямо перед нами. Он заметно побледнел, словно с его лица мигом сошел весь загар, и теперь походил на человека, увидевшего перед собой привидение, а то и самого дьявола. Честное слово, мне даже жалко стало его в ту минуту, до того он постарел и осунулся.

— Подойди сюда, Билли! — продолжал незнакомец. — Разве ты не узнаешь меня? Не узнаешь своего старого товарища?

Капитан глубоко вздохнул и вдруг ссутулился.

— Черный Пес! — прохрипел он.

— Кто же еще, если не он? — отвечал незнакомец, заметно приободрившись. — Черный Пес явился проведать своего старого штурмана в таверну «Адмирал Бенбоу». Эх, Билли, Билли! Много воды утекло с тех пор, как я лишился этих двух когтей! — При этих словах он показал искалеченную руку.

— Что ж, — проворчал капитан, — тебе удалось взять мой след. Вот он я, перед тобой! Говори, зачем пришел и чего тебе надобно?

— Узнаю тебя, Билли! — отвечал Черный Пес. —

А впрочем, ты прав. Я хочу, чтобы этот мальчуган подал мне стаканчик рому. Мы сядем, если тебе угодно, здесь и поговорим по душам как два старых товарища.

Когда я принес ром, они уже сидели друг напротив друга за столом, накрытым для капитана. Черный Пес сидел ближе к двери, несколько боком, чтобы, как мне показалось, удобней наблюдать за собеседником и быть наготове удрать в любую минуту. Он велел мне удалиться и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы никто не подслушал через замочную скважину, — пояснил он мне.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

Некоторое время я, несмотря на все мои усилия, ничего не мог расслышать. Сначала они говорили шепотом, потом разговор стал громче и до меня начали долетать отдельные слова.

— Нет, нет и нет! И довольно об этом! — вдруг прогремел капитан. — Уж если дело дойдет до виселицы, то пусть болтаются на ней все!

Вдруг послышались отчаянная брань и страшный грохот. Опрокинутые стол и стулья полетели на пол, зазвенели клинки и раздался чей-то глухой стон. Вслед за тем я увидел Черного Пса, убегающего прочь, капитан преследовал его. У

обоих в руках были обнаженные кортики, из левого плеча Черного Пса хлестала кровь. Прямо у наружной двери капитан замахнулся на него кортиком и, наверное, рассек бы своего гостя пополам, если бы ему не помешала вывеска над таверной. Вы и сейчас у ее нижнего края можете увидеть эту отметину.

Этим ударом схватка и закончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на ранение, бросился бежать с такой скоростью, что через минуту скрылся за соседним холмом. Капитан же стоял в оцепенении и смотрел на поврежденную вывеску. Затем он несколько раз провел ладонью по глазам и вернулся в комнату.

— Джим! — сказал он мне. — Рому!

При этих словах он слегка пошатнулся и оперся рукой о стену.

— Вы не ранены? — спросил я.

— Рому! — повторил он. — Мне пора выметаться отсюда! Рому! Рому!!!

Я помчался за ромом, но был так взволнован всем происшедшим, что разбил стакан и разлил напиток. Вдруг из столовой раздался грохот, словно рухнуло что-то очень тяжелое. Вбежав туда, я увидел капитана, растянувшегося во весь свой огромный рост на полу. В ту же минуту сверху

прибежала моя матушка, напуганная криками и шумом. Вдвоем мы приподняли капитана. Он дышал тяжело, с огромным трудом. Глаза его были закрыты, лицо побагровело и раздулось.

— Боже мой, боже мой! — воскликнула моя матушка. — Что за проклятье тяготеет над нашим домом! И бедный твой отец лежит совсем больной…

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он получил смертельную рану в схватке с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот, но его зубы были крепко стиснуты, а челюсти сжаты, как стальной капкан.

На наше счастье в дверях показался доктор Ливси, приехавший навестить моего отца.

— Доктор! — кинулись мы к нему. — Что делать? Капитан ранен!

— Ранен? — удивленно переспросил доктор. — Ничего подобного, он не больше ранен, чем мы с вами. Просто его хватил удар, о чем я его и предупреждал. А теперь, миссис Хокинс, отправляйтесь-ка наверх к своему супругу и не говорите ему ни слова о случившемся. А я сделаю все, чтобы спасти никчемную жизнь этого негодяя. Пусть Джим принесет сюда таз.

Когда я принес таз, доктор засучил рукав капи-

тана и обнажил его огромную жилистую руку, покрытую татуировками. Там было очень четко и красиво выведено: «Пусть будет удача!», «Попутного ветра!», «Пусть сбудутся мечты Билли Бонса». У самого плеча красовалась виселица с болтающимся в петле висельником.

— Пророческая картинка! — буркнул доктор, потрогав пальцем изображение виселицы. — А теперь, мистер Билли Бонс, если вас так действительно величают, посмотрим, какого цвета у вас кровь. Ты ведь не боишься вида крови, Джим? — обратился он ко мне.

— Нет, сэр, — отвечал я.

— И прекрасно. Тогда подержи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену. Пришлось выпустить немало крови, прежде чем капитан открыл глаза и обвел комнату мутным взором. Сначала он узнал доктора и нахмурился, потом увидел меня и слегка успокоился. Вдруг его лицо снова налилось кровью, и он попробовал приподняться с воплем:

— Где Черный Пес?

— Здесь нет никакого пса, — отвечал доктор, — кроме того, что сидит за вашей спиной. Вы выпили слишком много рому, и вас хватил удар, как я и предсказывал. Мне пришлось помочь

вам выкарабкаться из могилы. А теперь, мистер Бонс...

— Меня зовут не Бонс, — перебил капитан.

— Это не важно, — отвечал доктор. — Это имя одного морского разбойника, которого я знаю, и я зову вас так просто ради удобства. Вот что я вам скажу: один стаканчик рому вас не убьет сразу, но если вы не бросите пить, то умрете. Это понятно? Умрете и отправитесь в то местечко, которое по вам давно плачет. А теперь постарайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С огромным трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Голова его в изнеможении упала на подушку, точно он лишился чувств.

— Итак, запомните как следует, — сказал ему доктор. — Ром для вас — это смерть.

С этими словами он подхватил меня под руку и направился к моему отцу.

— Это пустяки, — заметил он, прикрыв дверь. — Я выпустил ему порядочно крови, и он с недельку проваляется в постели. Так будет лучше и для него, и для вас. Но второго удара он не переживет.

Глава 3
Черная метка

Около полудня я принес капитану прохладительное питье и лекарство. Он лежал неподвижно в том же положении, в котором мы его оставили, и казался одновременно ослабевшим и возбужденным.

— Джим, — сказал он. — Ты один здесь добрый малый. Я всегда хорошо относился к тебе и давал каждый месяц четыре пенса серебром. Ты видишь, парень, как мне скверно. Никто за мной не ухаживает. Будь же добр, Джим, принеси мне стаканчик рому. Принесешь?

— Доктор… — начал было я.

Но тут он принялся злобно ругать доктора.

— Все доктора — олухи! — объявил он. — Что твой доктор понимает в моряках! Я бывал в таких местах, где жарко, как в котле с кипящей смолой, где люди дохнут как мухи от желтой лихорадки и где земля, словно море, колышется от землетрясений. Много знает твой доктор о таких вещах? И жив я остался только благодаря рому: он заменял мне пищу, питье, жену и детей. И если я сейчас не

глотну рому, то буду чувствовать себя, как дряхлая посудина, выброшенная шквалом на берег. Моя смерть останется на твоей совести, Джим, и на совести этого олуха доктора.

Он снова выругался и продолжал умоляюще:

— Смотри, Джим, как трясутся мои пальцы. Я не могу даже сжать их в кулак. Ведь я не выпил ни глотка за весь день. Говорю тебе, этот доктор — болван! Если я не выпью рому, Джим, то мне начнут мерещиться ужасы — мне и без того уже привиделось кое-что. Я видел старого Флинта вон там в углу — так ясно, как живого. Если я снова увижу такой кошмар, то окончательно озверею. Доктор и сам сказал, что один стаканчик мне не повредит. Я дам тебе золотую гинею[7], Джим, за одну маленькую кружечку рому.

Он становился все более настойчивым, и я уже опасался, как бы его голос не услышал мой отец, который был совсем плох и нуждался в покое.

— Мне ваши деньги не нужны, — ответил я. — Уплатите только то, что вы задолжали моему отцу. Я принесу вам стакан рому, но только один, не больше.

Я принес рому, и капитан с жадностью осушил

---

[7] Сноски: 7

Гинея — английская золотая монета. В гинее, в отличие от фунта стерлингов, не 20, а 21 шиллинг.

стакан.

— Ого! — воскликнул он. — Теперь мне стало куда лучше! Не говорил ли тебе доктор, сколько времени мне придется проваляться на этой койке?

— По крайней мере, неделю, — отвечал я.

— Проклятье! — вскричал он. — Целая неделя! Я не могу лежать так долго — они успеют прислать мне черную метку! Негодяи уже пронюхали, где моя стоянка. Не сумели сберечь свое, а теперь гоняются за чужим. Разве это достойно настоящих моряков, скажи на милость? Но я стреляный воробей, и меня не проведешь. Я никогда не сорил своими деньгами и не намерен их терять. Я сумею обвести этих негодяев вокруг пальца и не боюсь их. Я справлюсь с ними, говорю тебе, дружок!..

При этих словах он приподнялся на постели, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал. Затем он тяжело, как две колоды, спустил на пол ноги. В его угрозы, произнесенные едва слышным голосом, верилось с трудом. У него не хватило сил, чтобы встать, и капитан присел, тяжело дыша, на край кровати.

— Твой доктор прикончил меня, — пробормотал он. — В ушах у меня звенит, в глазах темно. Помоги мне лечь…

Но не успел я протянуть руку, как капитан повалился навзничь. Некоторое время он лежал молча, а потом спросил:

— Джим, видел ты этого моряка, что явился сегодня?

— Черного Пса? — спросил я.

— Да, Черного Пса, — ответил он. — Он очень плохой человек, но тот, кто послал его сюда, еще хуже. А теперь слушай сюда. Если мне не удастся выкарабкаться, знай — им нужен мой сундук. Тогда мигом садись на лошадь и скачи как можно быстрей… Все равно, раз ничего не поделаешь… Скачи к этому доктору и скажи ему, чтобы он собрал как можно больше людей и перехватил бы здесь, в таверне, всю шайку старого Флинта. Я был первым штурманом у старика Флинта… И я один знаю это место… Он сам сказал мне об этом в Саванне, когда лежал при смерти, как вот я сейчас. Но ты ничего не предпринимай, Джим, пока они не пришлют мне черную метку или покуда ты снова не увидишь Черного Пса или одноногого моряка.

— А что за черная метка, капитан? — спросил я.

— Это обвинение, парень. Я все расскажу тебе, если они ее пришлют. Ты только смотри в оба,

Джим, и клянусь, я разделю все, что осталось, с тобой поровну.

Он начал заговариваться, голос его становился все слабее. Я дал ему лекарство, и он проглотил его покорно, как ребенок, со словами: «Если какой-нибудь моряк и нуждается в лекарстве, так это я».

Вскоре он забылся тяжелым сном, и я вышел. Не знаю, как бы я поступил, если бы все шло благополучно. Вероятно, сообщил бы обо всем доктору, так как ужасно боялся, что капитан потом пожалеет о своей внезапной откровенности и прикончит меня. Но обстоятельства сложились иначе — вечером скончался мой отец, и я позабыл обо всем на свете. Я был так поглощен нашим горем, похоронами и прочими хлопотами, что даже не вспоминал о капитане.

На следующее утро капитан спустился вниз и отобедал, как обычно. Ел он немного, зато много пил. Я думаю, что он выпил рому даже больше своей нормы, так как самостоятельно хозяйничал у стойки и при этом так сердито сопел, что никто не решился ему помешать. В ночь накануне похорон он был совершенно пьян. Ужасно и отвратительно было слышать его дикое пение в доме, где лежал покойник. Но, несмотря на бо-

лезнь капитана, мы по-прежнему опасались его. Доктора, который бы мог заткнуть ему глотку, не было поблизости, его вызвали к одному больному за несколько миль, и после смерти моего отца он не заглядывал в наши края.

Я уже говорил, что капитан был слаб. Силы его стремительно убывали. Он с трудом взбирался на лестницу, подходил, пошатываясь, к стойке, и лишь изредка высовывал нос за дверь, чтобы глотнуть свежего морского воздуха. При этом он хватался за стену и дышал тяжело, как человек, одолевший высокую гору. Он почти не разговаривал со мной и, очевидно, забыл о своей недавней откровенности.

Характер его сделался еще более вспыльчивым, он раздражался из-за малейшего пустяка. У него появилась дурная привычка, напиваясь, класть на стол рядом с собой кортик. Впрочем, на посетителей он почти не обращал внимания и казался полностью погруженным в свои мысли. Однажды, к нашему крайнему удивлению, он даже начал насвистывать какую-то деревенскую песенку, которую запомнил, вероятно, в юности, еще до того, как стал моряком.

На следующий день после похорон я вышел около трех часов пополудни из таверны и оста-

новился перед входом. Я с грустью думал о своем отце. День выдался пасмурный, холодный и туманный.

Внезапно я заметил человека, который медленно тащился по дороге. Очевидно, это был слепой, так как дорогу перед собой он нащупывал палкой, а глаза его прятались под зеленым козырьком. Закутанный в рваный матросский плащ с капюшоном, он казался скрюченным от старости или слабости. Мне никогда не доводилось видеть более отвратительного и пугающего лица. Остановившись перед таверной, он громко обратился куда-то в пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь добрый человек несчастному слепцу, потерявшему зрение, защищая нашу родину Англию, где и в какой местности он сейчас находится?

— Возле таверны «Адмирал Бенбоу», у бухты Черного Холма, — ответил я.

— Я слышу голос, — проговорил слепой. — Совсем молодой голос. Не могли бы вы, мой юный друг, подать мне руку и проводить меня в дом?

ADMIR
BENB

Я протянул ему руку, и этот жуткий слепой горбун вцепился в нее, точно клещами. Я испугался и хотел освободиться, но незнакомец притянул меня к себе.

— А теперь, мальчуган, — сказал он, — веди меня к капитану!

— Сэр, — запротестовал я, — честное слово, я не могу.

— Не можешь? — засмеялся он. — Вот как? Веди сейчас же, а не то я сломаю тебе запястье!

И он так крепко сжал мою руку, что я вскрикнул от боли.

— Сэр, — начал я, — ведь я опасаюсь не за себя, а за вас. Наш капитан теперь сильно изменился. Он даже за стол садится с обнаженным кортиком…

— Прекрати болтать и веди меня к нему! — приказал слепец.

Я еще никогда в жизни не слышал такого скрипучего и отвратительного голоса, он напугал меня даже больше, чем угроза сломать руку. Я повиновался и повел слепца прямо в столовую, где сидел больной и уже довольно пьяный капитан. Слепец вцепился в меня своей железной клешней и навалился так, что я едва удерживался на ногах.

— Веди прямо к нему и, как только мы войдем,

кричи: «Билли, а вот и ваш старый друг!». Если ты этого не сделаешь, я сделаю вот что…

Он снова стиснул мою руку, да так, что я едва не упал в обморок. Напуганный до смерти, я позабыл про свой страх перед капитаном и, распахнув дверь в столовую, выкрикнул дрожащим голосом то, что мне было приказано.

Бедолага капитан только взглянул на нас, и весь хмель разом вылетел у него из головы. На его лице отразилась мучительная боль. Он попытался было встать, но, видимо, сил ему не хватило.

— Ничего, Билли, не беспокойся, сиди, где сидишь. Хотя я и не вижу, зато все слышу. Но сначала дело. Подай-ка сюда свою правую руку! А ты, парень, поднеси ее к моей правой руке.

Мы оба повиновались слепцу, и я увидел, как он переложил что-то из своей правой руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, а та мигом сжалась в кулак.

— Дело сделано! — твердо сказал слепой.

Он выпустил мою руку и с невероятной скоростью выскочил из столовой. Я не успел и слова вымолвить, как с дороги послышался удаляющийся стук его палки.

Мы с капитаном не сразу пришли в себя. Я выпустил его руку, которую все еще держал, и он

взглянул на то, что в ней было зажато.

— В десять вечера! — вскричал он. — У нас еще целых шесть часов в запасе! Используем их с толком!

Он вскочил на ноги, но вдруг пошатнулся, схватился за горло и, издав какой-то странный звук, рухнул на пол.

Я бросился к нему, призывая на помощь свою матушку. Но спешить уже было некуда: капитан скончался от апоплексического удара. И странное дело — как только я понял, что он мертв окончательно и бесповоротно, я заплакал, хотя не любил его и лишь изредка жалел. Но это была вторая смерть, случившаяся на моих глазах за последние дни, к тому же рана в моей душе, нанесенная потерей отца, еще не зажила.

Глава 4
Матросский сундук

Не теряя времени, я вкратце поведал матушке обо всем, что знал. Мы поняли, что попали в очень сложное и опасное положение. Часть денег капитана (если они у него только имелись), несомненно, должна была бы принадлежать нам. Но его товарищи вроде Черного Пса и слепого старика вряд ли согласились бы уплатить долги покойного из того, что считали своей добычей. Я не мог выполнить просьбу капитана и скакать за доктором Ливси, оставив матушку без всякой защиты. С другой стороны, мы больше не могли находиться в доме. Мы вздрагивали от каждого звука, даже от треска поленьев в кухонном камине или боя часов. Нам казалось, что мы слышим за окнами чьи-то крадущиеся шаги.

Распростертое на полу тело капитана и мысль о том, что страшный слепец бродит где-то неподалеку и в любую минуту может вернуться, приводили меня в ужас. Надо было немедленно что-то предпринять, и мы решили, что лучше всего отправиться за помощью в соседнее селе-

ние. Сказано — сделано. Не раздумывая, в чем были, мы выскочили наружу и бросились бежать сквозь холодный туман и сгущающиеся сумерки.

Селения от нас не было видно, оно находилось у соседнего залива, причем в направлении, совершенно противоположном тому, откуда появился и куда направился слепец. Мы бежали недолго, временами останавливаясь и прислушиваясь. Но ничего подозрительного не услышали, кроме плеска воды и карканья ворон.

Огни в окнах уже зажигались, когда мы добрались до селения, и я никогда не забуду, как обрадовался этому свету. Но никакой помощи мы тут не получили. Ни один мужчина не решился отправиться вместе с нами в таверну «Адмирал Бенбоу».

Напрасно мы уговаривали их: мужчины, женщины, дети — все в страхе жались к семейным очагам. Имя капитана Флинта, совсем незнакомое мне, оказалось здесь до того известным, что внушало леденящий страх. Некоторые из тех, кто работал в полях близ нашей таверны, вспомнили, что видели на дороге каких-то подозрительных людей. Они приняли их за контрабандистов, так как те поспешно скрылись. Кто-то даже заметил небольшое судно в бухте, носящей название

Логово Китта. Все местные жители были так запуганы капитаном, что всякий, кто имел к нему хоть малейшее отношение, пугал их до дрожи. Некоторые готовы были поехать к доктору Ливси, жившему в противоположной стороне, но никто не пожелал помочь нам защитить таверну.

Говорят, трусость заразительна. Но, с другой стороны, она порой толкает людей на отчаянные поступки. Выслушав всех, матушка моя вдруг объявила, что не намерена оставлять без гроша своего сына, бедного сироту.

— Если никто из вас не решается пойти с нами, — сказала она, — мы с Джимом идем одни! Благодарю вас, мужчины с цыплячьими душами! Хотя и ценою жизни, но мы откроем этот сундук! И я буду признательна вам, миссис Кроссли, если вы позволите мне прихватить вашу сумочку, чтобы принести в ней деньги, принадлежащие нам по праву и по закону.

Я заявил, что иду с матерью. Все начали нас отговаривать, называя это безумием, но никто из мужчин не решился нас проводить. Помощь их ограничилась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения злодеев и обещали держать наготове оседланных лошадей, если нам придется спасаться бегством. Один молодой

человек вызвался съездить к доктору за вооруженным подкреплением.

Когда мы, набравшись смелости, уже в полной темноте возвращались домой, мое сердце колотилось как бешеное.

Полная луна уже выглянула из-за окутанного туманом горизонта. Надо было спешить — скоро станет светло как днем, и нас могут заметить. Крадучись, мы с матушкой осторожно пробрались вдоль изгороди, но не увидели и не услышали ничего подозрительного. Наконец, к огромному нашему облегчению, мы очутились за дверью нашей таверны.

Я тотчас задвинул засов, и мы наконец перевели дух, оставшись одни в темном пустом доме, где лежало мертвое тело. Матушка взяла со стойки свечу, зажгла ее, и мы, крепко держась за руки, прошли в столовую.

Капитан лежал в том же положении, в каком мы его оставили, — на спине, с открытыми мертвыми глазами и вытянутой рукой.

— Закрой ставни, Джим, — шепнула мать. — Нас могут увидеть снаружи.

Я исполнил то, что мне велели.

— А теперь, — продолжала она, — нам надо найти ключ от сундука. Да только кто же решится

дотронуться до покойника! — прибавила она с тяжелым вздохом.

Я наклонился к телу капитана. На полу у его вытянутой руки лежал вырезанный из бумаги кружок, измазанный с одной стороны чем-то черным. Я не сомневался, что это и есть пресловутая черная метка. Подняв ее, я увидел на чистой стороне выведенные четким красивым почерком слова: «Сроку тебе — до десяти вечера».

— Ему дали время до десяти вечера, матушка! — воскликнул я, и ровно в эту минуту начали бить наши старые стенные часы. Неожиданный звук заставил нас вздрогнуть, но, к счастью, часы пробили всего шесть раз.

— Джим, дорогой, ищи же ключ! — торопила мать.

Я обшарил карманы капитана. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и сапожная игла, кусок прессованного табаку, нож с кривой рукоятью, карманный компас и огниво — вот и все, что я там обнаружил. Я уже потерял надежду найти ключ, когда мать сказала:

— Может, он у него на шее?

Преодолев страх и отвращение, я разорвал ворот рубашки капитана. Действительно, у него на шее на просмоленном шнурке болтался ключ.

Шнурок я перерезал найденным в кармане моряка ножом.

Обнадеженные находкой, мы, не теряя ни минуты, бросились наверх в маленькую комнату, где обитал капитан и где со дня его прибытия в нашу таверну стоял сундук.

С виду он ничем не отличался от обычных матросских сундуков. На верхней крышке была выжжена раскаленным железом буква «Б». Углы были сбиты и поцарапаны, словно этот сундук отслужил долгую и нелегкую службу.

— Дай-ка ключ! — сказала матушка.

Несмотря на тугой замок, она мигом отперла сундук и подняла крышку.

Изнутри ударил крепкий запах табака и дегтя. Сверху лежал новый, старательно вычищенный и отутюженный костюм, с виду ни разу еще не надеванный. Под ним обнаружились всевозможные вещи: квадрант[8], жестяная кружка, несколько пачек табаку, пара великолепных пистолетов, слиток серебра, старые испанские часы и несколько других вещиц, не представляющих ценности, два компаса в медных оправах и пять-

---

[8] Сноски: 8

Квадрант — мореходный инструмент для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между ними. Используется для определения положения судна в море.

шесть причудливых вест-индских раковин. Я часто думал потом: зачем капитан таскал с собой эти раковины в своих опасных разбойничьих скитаниях?

Ничего по-настоящему ценного, кроме серебра и нескольких побрякушек, мы не нашли. В самом низу обнаружился старый морской плащ, выцветший от времени и соленой воды. Моя мать поспешно отбросила его в сторону, и мы увидели то, что лежало на дне сундука: обернутый непромокаемой клеенкой бумажный свиток и увесистый холщовый мешок, в котором что-то позвякивало.

— Я покажу этим негодяям, что я честная женщина, — пробормотала матушка. — Я возьму ровно столько, сколько он нам задолжал, и ни пенни больше. Подержи сумку миссис Кроссли, Джим!

И она начала отсчитывать деньги из мешка капитана.

Дело двигалось медленно и не без труда, так как монеты там были самые разнообразные — дублоны, луидоры, гинеи, пиастры, — и все они были беспорядочно перемешаны. Гиней было меньше всего, а матушка только их и знала.

В самый разгар подсчета я вдруг схватил ее

за руку, различив в тихом морозном воздухе за окном звук, от которого у меня заледенела кровь. Это было постукиванье палки слепого по дороге. Мы затаили дыхание. Стук приближался. Потом послышался удар рукоятью палки в дверь таверны, кто-то подергал снаружи дверную ручку, пытаясь войти, а потом навалился на дверь, и засов затрещал. Затем все замерло. Снаружи стало так же тихо, как и внутри. Потом опять раздалось постукивание палки.

К нашей неописуемой радости, стук начал медленно удаляться и наконец замер вдали.

— Матушка, — прошептал я, — бери деньги и бежим поскорее!

Я не сомневался, что закрытая изнутри дверь показалась слепому подозрительной, и он удалился только затем, чтобы созвать остальную шайку.

Какое счастье, что я догадался запереть дверь на засов! Моих чувств никогда не понять тому, кто не видел этого ужасного слепца.

Но моя матушка, несмотря на страх, ни за что не соглашалась взять больше того, что ей следовало, и в то же время не желала взять и меньше.

— Еще нет семи, — проговорила она, — и мы наверняка успеем сосчитать свои деньги.

Она все еще спорила со мной, когда с вершины холма донесся тихий свист. Этого было достаточно, чтобы мы испуганно переглянулись.

— Я возьму только то, что успела отсчитать, — сказала матушка, поднимаясь.

— А я прихвачу еще и это для ровного счета, — добавил я, пряча в карман сверток в клеенке.

В один дух мы сбежали вниз по лестнице, оставив свечу у опустевшего сундука, и выскочили наружу. Нельзя было терять ни секунды. Ту-

ман быстро рассеивался, и луна поднялась уже довольно высоко. Только в глубине лощины и вокруг таверны висела сырая мгла, скрывавшая наше бегство. Но уже на полпути к селению мы должны были неизбежно оказаться в полосе яркого лунного света. Вдобавок издалека послышался звук шагов. Мы обернулись и увидели быстро приближающийся и колеблющийся свет — должно быть, кто-то из разбойников нес фонарь.

— Мой дорогой Джим, — простонала в отчаянии мать, — бери деньги и беги со всех ног! Мне дурно!

«Мы оба погибли», — подумал я. О, как проклинал я в эту минуту трусость наших соседей и осуждал свою собственную мать одновременно за честность и жадность, за прежнюю отчаянную решимость и нынешнюю слабость!

К счастью, мы оказались у какого-то мостика. Я помог спотыкающейся матери спуститься к берегу ручья. Там она вдруг лишилась чувств и склонилась на мое плечо. Уж и не знаю, откуда у меня взялись силы, но мне удалось затащить ее под мостик, хотя, боюсь, действовал я довольно грубо. Мостик оказался настолько низким, что забраться под него можно было только на четвереньках.

Так мы и спрятались неподалеку от нашей таверны.

Глава 5
Конец слепца

Однако любопытство мое оказалось сильнее страха. Я выполз из-под мостика в ложбину по соседству и укрылся за кустом ракитника. Оттуда хорошо был виден участок дороги перед нашим домом.

Едва я успел занять эту позицию, как появились враги. Их было человек семь-восемь, и они очень спешили. Шаги их гулко отдавались в тишине. Впереди шел мужчина с фонарем, за ним следовали еще трое, держась за руки. Несмотря на туман, я сумел разглядеть, что посреди этой троицы находился тот самый слепец. А через несколько мгновений до меня явственно донесся его голос.

— Ломайте дверь, парни! — гаркнул он.

— Есть, сэр! — разом ответили несколько голосов.

Злодеи бросились к дому, за ними последовал человек с фонарем. У двери они остановились и начали совещаться, удивленные тем, что дверь оказалась не запертой. Замешательство продолжалось недолго, и слепец снова начал зычно

отдавать приказания. В его голосе слышались нетерпение и бешенство.

— Скорее в дом! — орал он, досадуя на медлительность спутников.

Четверо или пятеро ворвались в дом, двое остались на дороге со слепцом. Несколько минут стояла тишина, потом раздался возглас удивления и чей-то голос крикнул изнутри:

— Билли окочурился!

Слепец снова выругался.

— Обыщите его, бездельники! — скомандовал он. — Остальные бегом наверх и тащите сюда сундук!

Я слышал, как скрипели под их тяжелыми шагами ступени нашей старой лестницы, и мне казалось, что содрогается весь дом. Затем снова послышались крики изумления. Окно в комнате капитана распахнулось, посыпалось битое стекло, и в оконный проем высунулся до пояса человек, крича слепцу, поджидавшему на дороге:

— Пью, здесь успели побывать до нас! Кто-то вскрыл сундук и перерыл его сверху донизу.

— А они там? — проревел в ответ Пью.

— Деньги на месте.

— К дьяволу деньги! Я толкую о бумагах Флинта!

— Никаких бумаг не видать.

— Эй вы, там, внизу! Живо обыщите Билли! — снова заорал слепец.

Один из тех, что оставались внизу около тела капитана, появился в дверях таверны и сообщил:

— Мы обыскали его с головы до пят, но ничего не нашли.

— Проклятье! Нас ограбили хозяева таверны! Это тот чертов мальчишка! Жаль, что я сразу не выколол ему глаза, — взревел слепой Пью. — Они только что были здесь! Это они заперлись на засов, когда я пытался открыть дверь. Ищите как следует, парни, и вы найдете их.

— Ясно, что хозяева! Они и свечу здесь оставили! — сообщил тот, что высовывался из окна.

— Ищите хорошенько! Перероите весь дом! — орал Пью, колотя палкой о мерзлую землю.

В таверне поднялись такая суматоха и такой грохот, что эхо проснулось в скалах на берегу. Гремели тяжелые шаги, хлопали двери, падала мебель. Наконец разбойники стали один за другим выползать наружу, докладывая, что ничего не обнаружено.

Издалека снова послышался чей-то свист — тот самый, который так напугал меня и мою матуш-

ку, когда мы пересчитывали деньги капитана. Он повторился дважды. Я-то думал, что этим свистом слепец созывает своих пособников на штурм. Но теперь я понял, что это был сигнал со стороны селения, предупреждающий разбойников о надвигающейся опасности.

— Это Дерк, — сказал один из них. — Два сигнала! Надо убираться отсюда, парни!

— Убираться? Проклятые олухи! — закричал Пью. — Дерк всегда был дураком и трусом, нечего обращать на него внимание. Ведь они не могли уйти далеко! Они где-то рядом, почти у нас в руках… Ищите же их живее, псы! О, проклятье! Если б только у меня были глаза!..

Призыв слепца подстегнул злодеев. Двое из них принялись рыскать вокруг таверны, но делали они это, как мне почудилось, без особой охоты. Остальные в нерешительности торчали посреди дороги.

— Дурачье! У вас в руках бочонки с золотыми дублонами, а вы топчетесь! Вы можете стать богатыми, как королевские особы, если найдете эти бумаги, и они наверняка здесь, а вы стоите, развесив уши. Ни один из вас не решился встретиться с Билли, и только я один пошел к нему! Я не намерен потерять из-за вас удачу, остаться

нищим и дальше попрошайничать, когда мог бы разъезжать в карете!

— Да черт с ними, с бумагами, Пью! Дублоны-то у нас! — ворчливо отозвался один из разбойников.

— Они, видно, припрятали бумагу, — сказал другой. — Бери золото, Пью, и прекращай выть!

От этих слов слепой Пью окончательно взбеленился и начал молотить своей палкой направо и налево, при этом кое-кому изрядно досталось. Но и они не остались в долгу, осыпая слепого отборными ругательствами и тщетно пытаясь выхватить у него из рук палку.

Эта ссора спасла нам с матушкой жизнь.

В самый ее разгар со стороны селения послышался топот копыт скачущих лошадей. В ту же минуту прогремел пистолетный выстрел и под изгородью блеснул огонек. Очевидно, это был сигнал, предупреждавший о самой крайней опасности. Разбойники бросились врассыпную — кто к берегу залива, кто напрямик через холмы. Через полминуты из всей шайки на дороге остался только Пью. Его бросили, то ли позабыв в панике, то ли в отместку за его грязную брань и побои — не берусь сказать. Оставшись в одиночестве, он в бешенстве застучал палкой по дороге, призывая

на помощь, но никто не откликался. Наконец, окончательно потеряв ориентацию, слепец, вместо того, чтобы броситься к морю, помчался по направлению к селению.

— Джонни, Черный Пес, Дерк! — выкрикивал он, проносясь через мостик. — Ведь вы не покинете старого Пью! Парни, не бросайте одинокого слепца!

С вершины холма уже совсем близко доносился конский топот. В блеске лунного диска возникли четверо или пятеро всадников, которые во весь опор неслись к таверне.

Пью, осознав свою ошибку, с воплем бросился обратно и рухнул в канаву. Выбравшись из нее, он метнулся прямо под копыта лошадей.

Всадник, скакавший впереди, попытался осадить коня, но тщетно: Пью, угодив под копыта разгоряченного скакуна, пронзительно завопил. Смяв его, конь понесся дальше. Пью упал сначала на бок, потом перевернулся, уткнулся лицом в мерзлую пыль и застыл неподвижно.

Я выскочил из своей засады и окликнул всадников. Напуганные случившимся, они тотчас остановились, и я узнал их. Одним из них был молодой человек из селения, вызвавшийся съездить к доктору Ливси. Остальные оказались страж-

никами береговой охраны, которых он встретил по пути и догадался позвать на помощь. Слухи о каком-то подозрительном судне в Логове Китта дошли до начальника охраны мистера Данса, и он отправился туда ночью с дозором. Только благодаря этому мы с матушкой избежали неминуемой гибели.

Пью был мертв. Мою матушку отнесли в поселок, обрызгали холодной водой, дали понюхать ароматических солей, и она пришла в себя. Несмотря на перенесенный кошмар, она продолжала сетовать на то, что так и не успела отсчитать необходимую сумму. Между тем, начальник охраны со своим отрядом помчался к Логову Китта. В конце пути им пришлось спешиться и, спускаясь с крутого берегового откоса, вести лошадей под уздцы. К тому же, они опасались засады. Поэтому неудивительно, что, когда стражники добрались до бухты, разбойничье судно успело уже поднять якорь, хоть и находилось еще невдалеке от берега.

Начальник охраны окликнул шкипера и в ответ услышал голос, посоветовавший ему получше укрыться, чтобы не получить добрую порцию свинца. В ту же минуту у его плеча просвистела пуля. Судно обогнуло мыс и вскоре исчезло из

виду. Мистер Данс, по его словам, остался на берегу, словно рыба, выброшенная из воды. Все, что он мог сделать, это послать гонца в город за быстроходным катером.

— Но это все равно бесполезно, — безнадежно заметил он. — Их уже не догнать. Единственное, чему я рад, — прибавил он, выслушав мой рассказ, — это тому, что мистер Пью получил по заслугам.

Вместе с ним я вернулся в таверну. Вы и вообразить не можете, какой разгром мы там застали. Даже стенные часы валялись на полу. И хотя разбойники ничего не унесли, кроме денежного мешка капитана и мелкой монеты из ящика за стойкой, я тотчас же понял, что мы разорены. Мистер Данс долго не мог ничего понять.

— Вы говорите, Хокинс, они взяли деньги покойного моряка? Ну хорошо, но что еще они тут искали? Может, еще какие-то деньги?

— Нет, сэр. Я полагаю, что вовсе не деньги им были нужны, — отвечал я. — Вероятно, они искали свиток, который все это время находился у меня в кармане. Говоря по правде, я бы хотел подыскать для него более безопасное место.

— Это верно, мой мальчик, — согласился он. — Я могу взять его и сохранить для тебя, если ты

не против.

— Но я хотел бы отдать его доктору Ливси, — сказал я.

— И прекрасно! — подхватил мистер Данс. — Самое правильное решение. Доктор — джентльмен и к тому же должностное лицо. Я, пожалуй, сам поеду к нему или к нашему сквайру и расскажу обо всем, что случилось. Ведь с какой стороны ни посмотри, но ваш капитан и мистер Пью умерли. Не то чтобы я особенно жалел об этом, но могут найтись люди, которые обвинят меня, начальника береговой стражи, в его гибели. Если вам угодно, Хокинс, могу прихватить вас с собой.

Я поблагодарил его за любезное предложение, и мы пошли обратно в селение, где остались лошади.

Пока я сообщал о своем намерении матери, стражники уже были в седлах.

— Доггер, — сказал мистер Данс, — у вас крепкая кобылка. Посадите-ка к себе этого паренька.

Как только я уселся позади Доггера, крепко держась за его пояс, начальник охраны подал команду, и отряд на рысях двинулся к дому доктора Ливси.

Глава 6
Бумаги капитана

Так мы скакали всю дорогу, пока не оказались перед домом доктора Ливси. Ни в одном из окон не было света. Мистер Данс велел мне спешиться и постучать, а Доггер подставил мне стремя, чтобы легче было спрыгнуть. Дверь тут же открыла служанка.

— Дома ли доктор Ливси? — спросил я.

Служанка ответила, что доктора нет, что он вернулся от больного после полудня, но отправился провести вечер к сквайру Трелони.

— Скорее туда, парни! — велел мистер Данс.

На этот раз я не стал садиться в седло, а побежал, держась за стремя, рядом с лошадью к воротам парка.

Голая, озаренная луной аллея вела к видневшемуся в ее конце помещичьему дому, окруженному старым садом. У дома мистер Данс спрыгнул с седла, и мы вместе с ним направились к главному входу. Нас тотчас впустили. Слуга провел нас по устланному ковром коридору в библиотеку, обставленную книжными шкафами и бюстами

классиков. У камина сидели, покуривая трубки, доктор Ливси и местный сквайр.

Я никогда не видел сквайра Трелони вблизи. Это был высокий и широкоплечий человек с багровым лицом, обветренным и покрытым морщинами от долгих странствий. Подвижные темные брови свидетельствовали, что хоть характер у него не злой, но отчасти высокомерный и вспыльчивый.

— Входите же, мистер Данс, — проговорил сквайр покровительственно.

— Добрый вечер, Данс, — приветствовал нас доктор кивком головы. — Здравствуй, Джим! Каким ветром вас обоих сюда занесло?

Начальник стражи вытянулся по-армейски и рассказал обо всем случившемся так, словно рапортовал начальству. Видели бы вы, с каким любопытством выслушали его оба джентльмена, какими удивленными взглядами они обменивались, позабыв про свои трубки! Когда же они услыхали о том, как моя мать вместе со мной отправилась ночью обратно в таверну, доктор Ливси в знак одобрения хлопнул себя по бедру, а сквайр гаркнул «Браво!» и так энергично выбил о каминную решетку свою длинную трубку, что она переломилась. В середине рассказа мистер

Трелони вскочил с места и принялся расхаживать по комнате, а доктор Ливси снял свой напудренный парик, чтобы лучше слышать. Признаюсь, странно было видеть его без парика с коротко остриженными черными волосами!

Наконец начальник стражи окончил свое сообщение.

— Мистер Данс, — воскликнул сквайр, — вы поступили как благородный человек! А насчет того, что вы прикончили этого кровожадного мерзавца, то, право же, это вам зачтется. Ведь это почти то же самое, что раздавить ядовитое насекомое. Хокинс, по-моему, тоже держался молодцом. Позвоните-ка, пожалуйста, Хокинс, в этот звонок — мистер Данс, я думаю, не откажется пропустить кружечку эля.

— Итак, Джим, — сказал доктор. — Значит, у тебя находится то, что эти люди искали?

— Вот оно, — отвечал я, протягивая доктору сверток, обернутый клеенкой.

Доктор осмотрел его со всех сторон; должно быть, ему очень хотелось открыть его. Но он справился с собой и спокойно положил сверток в карман.

— Сквайр, — сказал он, — после того, как Данс покончит с элем, ему придется вернуться к ис-

полнению своих служебных обязанностей. Джим Хокинс переночует у меня, и, с вашего позволения, я попрошу прислугу подать ему кусок паштета на ужин.

— Разумеется, Ливси, — ответил сквайр. — Хокинс, вне всякого сомнения, заслуживает большего.

Мне тотчас подали на отдельном маленьком столике тарелку паштета из дичи, и я не стал с ним особенно церемониться, потому что был голоден как волк.

Данс, выслушав еще несколько похвал в свой адрес, откланялся и вышел.

— Итак, сквайр! — воскликнул доктор.

— Итак, Ливси! — тут же отозвался сквайр.

— Мы оба подумали об одном и том же, — засмеялся доктор. — Вы, конечно, слышали об этом капитане Флинте?

— Слышал ли я о нем? — воскликнул сквайр. — Еще бы! Это же был самый кровожадный из всех пиратов, какие только плавали в водах Вест-Индии! Черная Борода был сущим младенцем в сравнении с ним! Испанцы до того боялись его, что, признаюсь откровенно, я порой даже гордился тем, что Флинт мой соотечественник. Я собственными глазами видел его флагман на

горизонте — мы как раз выходили из бухты Тринидада, но наш капитан струсил и мгновенно повернул обратно.

— Да, и я слышал о нем, но уже здесь, в Англии, — заметил доктор. — Но главный вопрос заключается в следующем: были ли у него деньги?

— Деньги? — вскричал сквайр. — Но ведь вы же слышали о том, что случилось. Что еще могли искать эти негодяи, если не золото? Стали бы они рисковать своей шкурой ради чего-либо иного?

— Это мы сейчас и узнаем, — ответил доктор. — Но вы так горячитесь, что не даете мне слова сказать. Я бы хотел выяснить следующее: допустим, что в кармане моего камзола находится ключ, с помощью которого можно определить, где Флинт спрятал свои сокровища. Сумеем ли мы до него добраться?

— Разумеется, сэр! — воскликнул сквайр. — Игра стоит свеч. Если действительно в наших руках находится ключ, о котором вы говорите, я немедленно зафрахтую судно в Бристоле, прихвачу с собой вас и Хокинса и добуду этот клад, хотя бы нам пришлось потратить на его поиски целый год!

— Превосходно, — кивнул доктор. — А теперь,

если Джим не возражает, мы вскроем сверток.

Он положил его на стол, но клеенка была так крепко зашита, что доктору пришлось открыть свой ящик с медицинскими инструментами и разрезать суровые нитки хирургическими ножницами. В свертке мы обнаружили два предмета — тетрадь и запечатанный сургучом пакет.

— Прежде всего заглянем в тетрадь, — предложил доктор.

Сквайр и я с жгучим любопытством следили за тем, как доктор перелистывает страницу за страницей. На первой были записи, сделанные как будто для пробы пера. Между прочим, была здесь и та, которую наш покойный моряк вытатуировал у себя на руке: «Пусть сбудутся мечты Билли Бонса», и другие в том же роде, например: «Мистер Б. Бонс, штурман», «Довольно рома!», «У Палм-Ки[9] он получил все, что ему причиталось». Много было и других отрывочных записей, неразборчивых и непонятных. Я даже задумался над вопросом — кто таков был этот «он», который получил «все, что ему причиталось»? Может, речь шла просто об ударе ножом в спину?

— Ну, здесь для нас больше нет ничего интерес-

---

[9] Сноски: 9
Палм-Ки — островок у берегов полуострова Флорида.

ного, — сказал доктор.

Следующие десять или двенадцать страниц были заполнены своего рода бухгалтерией. В начале строки стояла дата, в конце — сумма, как в обычных конторских книгах. Но вместо статей прихода между датой и суммой располагалось только разное количество крестиков. Так, 12 июня 1745 года в приход были внесены шестьдесят фунтов стерлингов, а в качестве пояснения стояли шесть крестиков. Изредка, впрочем, к крестикам прибавлялось название местности — например, «под Каракасом», или же долгота и широта.

Подобные записи охватывали почти два десятка лет, а суммы поступлений становились все солиднее и солиднее. В самом же конце, после многочисленных выкладок и подсчетов, был подведен итог, который сопровождала надпись «Вклад Бонса».

— Я тут совершенно ничего не понимаю, — сказал доктор Ливси.

— А между тем все ясно как день! — воскликнул сквайр. — Это приходная книга негодяев. Крестики стоят вместо названий пущенных ими на дно судов или разграбленных прибрежных городов, а цифры обозначают долю этого негодяя в общей

добыче. Там, где он опасался неточности, капитан вставлял пояснения вроде «под Каракасом». Там, очевидно, какое-то несчастное судно подверглось их нападению. Да упокоятся души его команды и пассажиров!

— Думаю, вы правы, — согласился доктор. — Вот что значит пострaнствовать по свету! И суммы прихода, я полагаю, росли по мере того, как наш приятель повышался в должности и ранге.

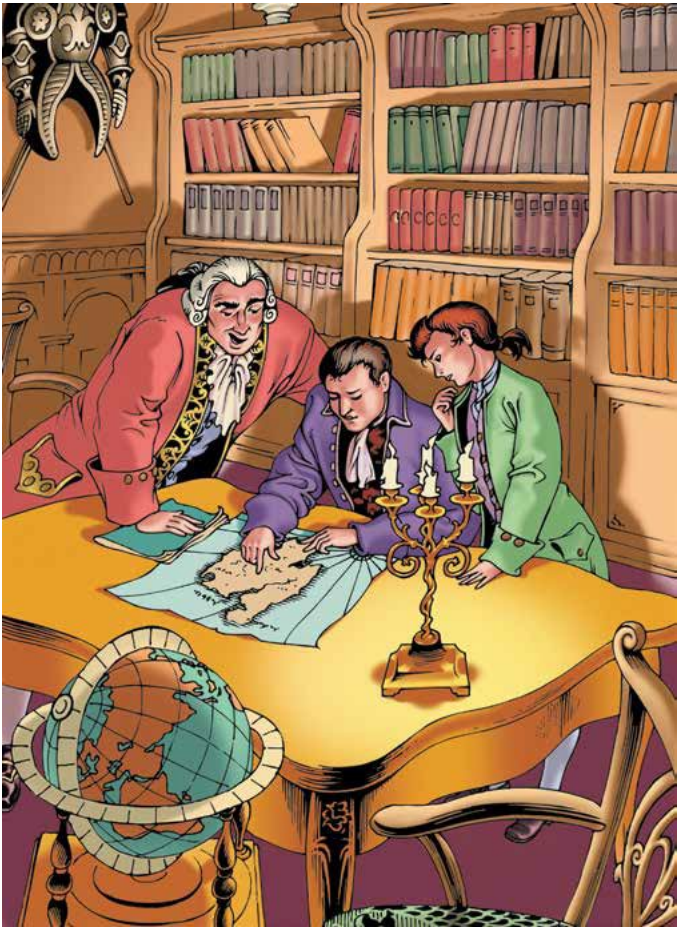
Больше никаких записей в тетради не было, кроме названий каких-то местностей, выписанных на отдельной странице в конце, и таблицы перевода стоимости французских и испанских монет в английские фунты.

— Ловкий парень! — воскликнул доктор. — Его, очевидно, не так-то просто было надуть!

— А теперь посмотрим, что здесь, — сказал сквайр.

Пакет оказался запечатанным сургучом в нескольких местах. Печатью, должно быть, служил наперсток, может и тот, который я обнаружил в кармане капитана. Доктор осторожно вскрыл пакет и оттуда выпала карта какого-то острова с обозначениями его долготы, широты, глубины моря у берега, а также с названиями бухт, мысов и заливов. Там было указано вообще

все, что нужно штурману, чтобы подвести судно к берегу и встать на якорную стоянку. Остров имел девять миль в длину и пять миль в ширину и формой напоминал вставшего на дыбы разжиревшего дракона. На карте также были обозначены две закрытые от штормов гавани и холм в центре острова, носивший название «Подзорная Труба».



Кроме того, имелись дополнительные обозначения, сделанные, очевидно, позже. Сразу бросались в глаза три креста, начертанные красными чернилами: два в северной части острова и один в юго-западной. Около последнего теми же красными чернилами мелким и разборчивым почерком, совершенно не похожим на каракули капитана, было написано: *«Главная часть клада здесь»*.

На оборотной стороне карты тем же почерком значилось:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы по направлению к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов.

Слитки серебра в яме на севере. Ее можно найти, следуя по опушке с восточной стороны, в десяти саженях к югу от черной скалы, прямо напротив нее.

Оружие в песчаном холме на северной оконечности Северного мыса, держась на В. и на четверть румба к С.

Д. Ф.»

Хотя записи эти и показались мне маловразумительными, они привели в восторг сквайра и

доктора Ливси.

— Ливси! — вскричал сквайр. — Вы должны немедленно бросить эту вашу несчастную практику. Завтра я еду в Бристоль. Через две-три недели, а если повезет, то и через десять дней в нашем распоряжении окажется самое лучшее судно и самая отборная команда. Хокинс отправится с нами в качестве юнги. Ты, Джим, я верю, будешь превосходным юнгой! Вы, Ливси, станете судовым врачом, а я — адмиралом. Мы обязательно возьмем с собой Редрута, Джойса и Хантера. При попутном ветре мы легко отыщем и остров, и сокровища. Мы будем купаться в деньгах, клянусь вам!

— Трелони, — невозмутимо ответил доктор. — Я готов отправиться с вами. Ручаюсь, что мы — и я, и Джим, — оба оправдаем доверие. Но есть один человек, которому я не могу доверять.

— Кто же он? Назовите имя этого негодяя, сэр!

— Это вы, — со вздохом проговорил доктор, — потому что вы не умеете держать язык за зубами. Помните — не нам одним известно об этой карте. Те злодеи, которые ночью напали на таверну, и те, что остались на борту их судна, тоже знают о ней. Больше того — они во что бы то ни стало попытаются добраться до этих сокровищ. Значит,

мы постоянно должны быть начеку и не выходить в одиночку из дома. Поэтому я останусь здесь с Джимом, а вы, отправляясь в Бристоль, возьмете с собой Джойса и Хантера. Но самое главное — никому ни слова о нашей находке!

— Ливси, — отвечал сквайр, — вы абсолютно правы. Клянусь, я буду нем как могила!

Часть вторая
Судовой повар

Глава 7
Я отбываю в Бристоль

Чтобы подготовится к отплытию, потребовалось гораздо больше времени, чем предполагал сквайр. Не осуществились и другие наши планы. Доктору Ливси пришлось расстаться со мной и отправиться в Лондон, чтобы найти врача, который подменил бы его на время отсутствия. Сквайр пребывал в Бристоле, а я жил в его доме под охраной старого егеря[10] Редрута, никуда не отлучаясь и уже предвкушая необыкновенные приключения, которые ждут нас на таинственном острове.

Часами просиживая над картой, я изучил остров в мельчайших подробностях. В мечтах я обследовал каждый его уголок, тысячу раз взбирался на возвышенность, которую пираты назвали Подзорной Трубой, и любовался открывавшимся оттуда великолепным видом. Я представлял, как мы сражаемся с обитающими на острове дикарями, как на нас нападают хищ-

---

[10] Сноски: 10

Егерь — профессиональный охотник, надзирающий за охотничьими угодьями в поместье.

ники и ядовитые змеи. Но на самом деле наши приключения оказались куда более необычными и опасными, чем все мои фантазии.

Неделя проходила за неделей. Наконец прибыло письмо, адресованное доктору Ливси, с припиской: *«В случае отсутствия доктора, разрешается вскрыть Тому Редруту или Джиму Хокинсу».*

Следуя этому указанию, мы открыли пакет и прочитали (вернее, я прочитал, так как егерь с грехом пополам разбирал только печатные буквы) следующее сообщение:

> *«Таверна “Старый Якорь”, Бристоль, 1 марта 17… г.*
>
> *Дорогой Ливси! Я не знаю, где вы сейчас находитесь, в моем поместье или в Лондоне, поэтому одновременно пишу в оба адреса.*
>
> *Судно куплено и снаряжено. Оно стоит на якоре, готовое к отплытию. Вы не можете себе представить, какая это превосходная шхуна – даже ребенок может с нею управиться в море. Она носит имя «Эспаньола», а ее водоизмещение – двести тонн. Я раздобыл ее лишь благодаря*

помощи моего старинного приятеля Блендли, который оказался на удивление ловким дельцом. Ради меня он трудился, как каторжник. Впрочем, помогали мне и другие бристольцы, узнав о том, что мы отправляемся за сокровищами…»

— Редрут, — сказал я, прервав чтение. — Боюсь, доктору Ливси это сильно не понравится. Сквайр, оказывается, все разболтал.

— Ну так что же? — проворчал егерь. — Значит, он счел необходимым так поступить, вот и все!

Я не стал с ним спорить и продолжил читать дальше:

«…Блендли нашел для нас “Эспаньолу” и приобрел ее, благодаря своей ловкости, чуть ли не даром. В Бристоле очень многие его недолюбливают и болтают, что Блендли на все готов ради денег, а “Эспаньола”, дескать, прежде принадлежала ему самому, и он продал мне ее за баснословную цену. Гнусная клевета! Впрочем, никто из болтунов не отрицает достоинств шхуны. Таким образом, судно у нас есть. Но больше всего хлопот доставил мне подбор экипажа. Я решил, что нам

нужны не менее двадцати человек – на случай нападения туземцев, пиратов или французов. С невероятным трудом мне удалось набрать с полдюжины людей, пока по счастливой случайности я не наткнулся как раз на такого человека, который все устроил.

Я без всякой особой цели заговорил с ним на набережной. Оказалось, что он старый мореплаватель, владелец таверны. Он хорошо знает всех моряков в Бристоле, но скверно переносит жизнь на суше и теперь хочет наняться хотя бы поваром на какое-нибудь судно. На набережную он вышел, по его словам, только затем, чтобы подышать морским воздухом.

Я был растроган такой любовью к морю и из чистого сострадания предложил ему место повара на нашем судне. Зовут его Долговязый Джон Сильвер, у него нет одной ноги, но я считаю это лучшей рекомендацией, так как ноги он лишился, сражаясь за родину под командованием бессмертного Хоука[11]*. Вообразите, он*

[11] Сноски: 11

Эдвард Хоук — английский адмирал, живший в середине XVIII столетия.

не получает даже скромной пенсии. Что за несправедливость, что за ужасные времена!

Но вместе с поваром я получил в придачу целую команду! С помощью Сильвера я в несколько дней сколотил экипаж из настоящих морских волков, не слишком привлекательных с виду, но, судя по их лицам, отчаянных храбрецов. С такой командой мы сможем взять на абордаж даже тридцатипушечный фрегат!

Сильвер посоветовал мне также рассчитать двоих нанятых раньше матросов, доказав, что они годятся только драить палубу и станут помехой в нашем опасном плавании.

Я чувствую себя и телесно, и духовно превосходно, ем, как волк, сплю, как бревно. Жду не дождусь того момента, когда наконец мои морячки кое-что подлатают и заштопают на судне. Море, только оно манит меня! К дьяволу сокровища! Не они, а дальние странствия кружат мне голову! Одним словом, Ливси, приезжайте скорее, не тратя ни минуты лишней, если вы меня уважаете.

Пусть Хокинс в сопровождении Редрута немедленно отправляется проститься со своей матерью, а затем пусть оба немедленно выезжают в Бристоль.

Джон Трелони.

P. S. Я забыл сообщить вам, что Блэндли, который, кстати сказать, обещал отправить нам на помощь другое судно, если мы не вернемся в конце августа, подыскал нам отличного капитана. Это человек чертовски упрямый, но превосходный во всех остальных отношениях. Долговязый Джон Сильвер нашел отменного штурмана по имени Эрроу. А у меня уже есть на примете боцман, который умеет играть на боцманской дудке. Словом, у нас на "Эспаньоле" все будет, как на заправском военном корабле.

Я забыл также упомянуть, что Джон Сильвер – вполне состоятельный человек. У него, по моим сведениям, текущий счет в банке, и немалый. Хозяйничать в таверне он оставляет жену. Она не принадлежит к белой расе, и я как старый холостяк подозреваю, что именно она, а не пошатнувшееся здоровье, гонит его в открытое море.

Д. Т.

P. P. S. Хокинс может провести один вечер вместе со своей матерью.

Д. Т.»

Вы и представить не можете, как взбудоражило меня это письмо. Я был вне себя от восторга и всей душой презирал старого Тома Редрута, который только и знал, что ворчать да жаловаться. Любой из его подручных согласился бы отправиться вместо него, но таково было повеление самого сквайра, и никто не решился его нарушить.

На следующее утро мы оба пешком отправились в таверну «Адмирал Бенбоу», и я наконец-то увиделся с матушкой. Она была здорова и весела, так как с кончиной капитана завершились и

наши неприятности. Сквайр велел отремонтировать за свой счет нашу таверну и даже прибавил кое-что из мебели. Теперь за стойкой стояло удобное кресло, в котором посиживала моя матушка. В подмогу ей он нанял мальчишку, который должен был исполнять те же обязанности по хозяйству, которые прежде исполнял я.

Только увидев этого паренька, я окончательно осознал, что надолго расстаюсь с родным домом. До этой минуты я помышлял только о предстоящих приключениях и совсем забыл о доме. При виде неуклюжего подростка, занявшего мое место, я даже прослезился.

На следующий день после обеда мы с Редрутом пустились в обратный путь. Я простился с матерью и с заливом, даже с добрым старым «Адмиралом Бенбоу», который после ремонта казался мне слегка чужим. Невольно вспомнил я и о капитане, бродившем по берегу в своей потертой треуголке, с медной подзорной трубой под мышкой. Но вскоре мы перевалили через холм, и наш дом исчез из виду.

Уже смеркалось, когда мы с Редрутом сели в почтовый дилижанс, который останавливался у «Таверны короля Георга». Меня втиснули между егерем и каким-то пожилым толстяком. Несмотря

на тряску и холодную ночь, вскоре я заснул как убитый, проспав все остановки. Когда я наконец очнулся от толчка в бок и открыл глаза, карета стояла перед большим зданием на городской улице. Уже давно рассвело.

— Где мы? — спросил я.

— В Бристоле, — отвечал Том. — Пора выходить.

Мистер Трелони поселился в таверне неподалеку от доков, чтобы следить за ходом работ на шхуне. Нам пришлось довольно долго идти пешком по причалам мимо кораблей самых различных видов, оснастки и национальности. На одном судне матросы слаженно распевали за работой, на другом висели в снастях, как пауки в паутине. И хоть я всю жизнь прожил на берегу, море в порту показалось мне таинственным и удивительным, словно я увидел его впервые. Воздух был словно пропитан дегтем и солью. Я видел резные форштевни кораблей, побывавших за океаном, старых морских волков с походкой вразвалку, серьгами в ушах, рыжими бакенбардами и косичками. Я впадал в восторг от одной мысли, что и сам скоро выйду в море, услышу свист боцманской дудки и голоса матросов и устремлюсь к таинственному острову в поисках

невиданных сокровищ.

Погрузившись в эти мечты, я и не заметил, как мы добрались до большой таверны и предстали перед сквайром Трелони. На нем был синий суконный мундир, какие обычно носят морские офицеры, вдобавок он вышел нам навстречу, довольно ловко подражая качающейся походке моряков.

— А, вот и вы! — воскликнул он. — Доктор накануне уже прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе!

— О сэр, — вскричал я, — когда же мы отчаливаем?

— Как когда? — отвечал он. — Разумеется, завтра!

Глава 8
Под вывеской с подзорной трубой

После того как мы позавтракали, сквайр дал мне записку, чтобы я отнес ее Джону Сильверу в таверну «Подзорная Труба». Он сказал, что я легко найду ее, если буду идти прямо по набережной, пока не увижу большую медную подзорную трубу на вывеске. Я отправился в путь, радуясь возможности снова поглазеть на корабли и моряков. С трудом пробираясь между людьми, толпившимися между повозок и тюков с товарами, я наконец разыскал таверну. Это было довольно чистое и уютное заведение с новенькой вывеской, красными занавесками на окнах и полом, посыпанным песком. Таверна располагалась на углу и выходила на две улицы. Обе ее двери были распахнуты настежь, и в просторной столовой с низким потолком было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма.

Таверна была полна моряков. Сидя за столиками, они так громко беседовали, что я остановился на пороге, не решаясь войти.

Из боковой комнаты вышел человек, и я сразу

понял, что это и есть Долговязый Джон Сильвер. Его левая нога отсутствовала по самое бедро. Он опирался на костыль, с которым управлялся с невероятной ловкостью, подпрыгивая на ходу, словно птица. Он был высок и широкоплеч, с широким и плоским, как окорок, бледным, но умным и оживленным лицом. Настроение у него, по-видимому, было отменное. Насвистывая, он разгуливал между столиками, шутил и дружески хлопал по плечам завсегдатаев.

Правду говоря, когда сквайр упомянул в своем письме одноногого моряка, я с ужасом подумал, уж не тот ли это одноногий, которого я так долго караулил в нашей таверне по просьбе покойного капитана. Но при первом же взгляде на Сильвера мои подозрения рассеялись. Я видел капитана, Черного Пса и слепца Пью, и этого мне хватило, чтобы составить представление о том, как должен выглядеть морской разбойник. Ничего похожего не было в этом веселом и приветливом трактирщике.

Набравшись духу, я переступил, наконец, порог и направился прямо к Сильверу, который, опираясь на костыль, беседовал с каким-то посетителем.

— Это вы мистер Сильвер? — спросил я, протя-

гивая записку.

— Именно, мой мальчик! — ответил он. — Конечно, это я. Но ты-то кто такой?

Но при виде записки сквайра он необыкновенно оживился.

— О! — воскликнул он, протягивая мне руку. — Понимаю… Значит, ты наш новый юнга? Рад познакомиться!

И он крепко пожал мне руку своей огромной лапищей.

В это время один из посетителей, сидевший в дальнем углу, вдруг вскочил и поспешно выбежал на улицу. Его торопливость привлекла мое внимание, и я успел узнать его. Это был тот самый трехпалый человек с одутловатым лицом, который приходил к капитану в таверну «Адмирал Бенбоу».

— Эй! — закричал я. — Держите его! Это же Черный Пес!

— Мне наплевать, как его зовут! — взревел Сильвер. — Но он удрал, не заплатив за выпивку. Гарри, догони его!

Один из сидевших у двери тотчас вскочил и бросился вдогонку за Черным Псом.

— Если бы даже он был сам адмирал Хоук, и то я заставил бы его заплатить, — продолжал Силь-

вер. — Как его зовут? Ты назвал его Черный… как там дальше?

— Черный Пес, сэр! — ответил я. — Разве мистер Трелони не рассказывал вам о пиратах? Это один из них.

— В самом деле? — встревожился Сильвер. — И это в моей таверне! Бен, беги и помоги Гарри изловить его. Значит, это один из тех негодяев? Морган, ты сидел рядом с ним за одним столом. Поди-ка сюда!

Посетитель, которого назвали Морганом, — старый седой моряк с обветренным лицом, опасливо приблизился, жуя табачную жвачку.

— Скажи-ка, Морган, — сурово спросил его Долговязый Джон. — Ты никогда прежде не встречался с этим… как его… Черным Псом?

— Нет, сэр! — с поклоном ответил Морган.

— И ты даже не знал, как его зовут?

— Нет, сэр!

— Ну, твое счастье, Морган! — воскликнул Сильвер. — Если б ты водил дружбу с подобными людьми, ноги б твоей здесь не было! О чем он говорил?

— Уж и не помню, сэр! — отвечал моряк.

— Что у тебя на плечах: голова или пивной котел? — снова вскричал Сильвер. — А ну-ка,

постарайся припомнить, о чем он болтал — о плаваньях, о капитанах, о судах? Живо выкладывай!

— Мы толковали о том, как преступников под килем протаскивают…[12]

— Под килем? Ох и разговорчики у вас! Ну, вали на место, Морган!

Когда моряк удалился, Сильвер шепнул мне:

— Честнейший малый этот Том Морган, но глуповат. А теперь, — прибавил он уже громко, — давай-ка припомню и я. Черный Пес? Нет, не знаю такого имени. Но все же я где-то видел этого негодяя. Он, кажется, не раз заглядывал сюда вместе со старым слепым нищим.

— Точно, — вскричал я, — это был Слепой Пью!

— Вот-вот! — снова заволновался Сильвер. — Пью! Так его и звали! Он выглядел отъявленным негодяем! Эх, если бы нам изловить этого Черного Пса, капитан Трелони был бы доволен! Бен — превосходный бегун, никто из моряков с ним не сравнится. Кого хочешь изловит! Значит, Черный Пес болтал тут о том, как моряков под килем протягивают? Мы покажем-таки ему киль!

Сильвер прыгал на костыле по таверне, громы-

---

[12] Сноски: 12

Протаскивание под килем — одно из самых жестоких наказаний в английском флоте XVIII в. Нередко заканчивалось смертью преступника.

хал кулаком по столам и так искренне возмущался, что даже лондонский полицейский поверил бы в его полнейшую непричастность к делу.

Однако встреча с Черным Псом в таверне «Подзорная Труба» пробудила мои прежние опасения, и я стал пристально наблюдать за Сильвером, хотя и не заметил ничего особенно подозрительного. Вскоре вернулись запыхавшиеся Гарри и Бен и объявили, что Черному Псу удалось затеряться в толпе. Сильвер обрушился на них с таким негодованием, что я сам был готов за них заступиться.

— Знаешь, Хокинс, — наконец проговорил он, — для меня эта история может иметь очень неприятные последствия. Что подумает обо мне капитан Трелони? Этот негодяй преспокойно пил ром у меня в таверне! А потом приходишь ты и сообщаешь, кто он такой. И все-таки этому проклятому псу удается ускользнуть! Ты, Хокинс, должен поддержать меня перед капитаном. Ты еще молод, но я чувствую, что сообразителен не по летам. Я сразу это заметил, едва ты вошел. Но что мог поделать старый калека на деревяшке? Будь я о двух ногах, как прежде, пират не отделался бы так легко…

Он вдруг остановился и разинул рот, словно

что-то вспомнив.

— А деньги-то! — вскричал он. — За три кружки рому! Дьявол меня раздери, о них-то я даже не вспомнил!

И, повалившись на скамью, он принялся так неудержимо хохотать, что из его глаз потекли слезы. Смеялся он так заразительно, что и я не мог удержаться от смеха, глядя на него. Теперь мы оба хохотали на всю таверну.

— Вот какого морского теленка я свалял! — сказал он наконец, вытирая глаза. — Мы, наверно, неплохая пара с тобой, Хокинс! Из меня тоже когда-то вышел бы, клянусь честью, юнга! Однако нам пора, парни! Я только нацеплю свою старую треуголку, и мы вместе с молодым человеком отправимся к капитану Трелони, чтобы поведать о случившемся. Дело-то серьезное, Хокинс, и, надо признаться, не делает чести ни мне, ни тебе. Мы оба угодили впросак — верно? Черт побери, ловко же он меня надул с этими тремя кружками рому!

И он снова захохотал так открыто, что я опять присоединился к нему, хоть и не понимал, что, собственно, тут смешного.

Мы зашагали по набережной. Сильвер оказался отменным собеседником. О каждом корабле, мимо которых мы проходили, он сообщал кучу

подробностей: какой они грузоподъемности, что у них за такелаж, под флагом какой страны они плавают. Он объяснял, что происходит в порту, какие суда стоят на разгрузке, какие грузы принимают на борт, как готовятся к отплытию. Речь свою он пересыпал морскими байками и словечками, которые я иной раз просил повторить, чтобы запомнить. В конце концов я пришел к выводу, что лучшего спутника в дальнем плавании, чем Сильвер, пожалуй, не найти.

Наконец мы добрались до таверны. В номере сквайр и доктор Ливси пили пиво, закусывая поджаренными ломтиками белого хлеба. Они как раз собирались пойти взглянуть на шхуну.

Долговязый Джон подробно, ничего не утаив, выложил всю историю с Черным Псом. «Верно, Хокинс?» — то и дело обращался он ко мне, и я только утвердительно кивал.

Оба джентльмена жалели, что Черному Псу удалось сбежать, но согласились с нами, что ничего нельзя было поделать. Они даже похвалили Долговязого Джона за рвение, и он, простившись и прихватив свой костыль, направился к двери.

— Завтра в четыре пополудни полный сбор экипажа, — крикнул ему вдогонку сквайр.

— Есть, сэр! — ответил Сильвер.

— Ну, сквайр, — сказал доктор, когда Долговязый Джон удалился, — хоть я и не все одобряю в ваших действиях, но этот Джон Сильвер мне пришелся по душе.

— Да, это превосходный малый! — подтвердил сквайр.

— Джим сейчас отправится с нами на шхуну, не так ли? — спросил доктор.

— Разумеется, — отвечал сквайр. — Бери шляпу, Джим, и следуй за нами.

Глава 9
Порох и оружие

«Эспаньола» стояла на якоре невдалеке от берега, и нам пришлось добираться к ней на шлюпке, лавируя между стоящими чуть ли не вплотную судами. Наконец мы причалили к шхуне и поднялись на борт, где нас встретил штурман Эрроу — старый морской волк, косоглазый и загорелый, с серьгами в обоих ушах. Похоже, что между ним и сквайром установились самые дружеские отношения, тогда как с капитаном судна Трелони явно не ладил.

Капитан Смоллетт выглядел человеком суровым и постоянно чем-то недовольным. Причины этого вскоре выяснились. Как только мы спустились в каюту, к нам вошел матрос и объявил:

— Сэр, капитан желает побеседовать с вами.

— Я всегда к его услугам, — ответил сквайр. — Просите его сюда.

Капитан тут же возник на пороге и плотно прикрыл за собой дверь.

— Что скажете, капитан Смоллетт? Надеюсь, на судне все в порядке?

— Сэр, я хочу поговорить с вами откровенно, хотя вам, быть может, не слишком понравится то, что я скажу. Мне совсем не нравится ни эта ваша затея с экспедицией, ни набранная вами команда, ни мой помощник.

— Может быть, сэр, вам не нравится и сама шхуна? — раздраженно поинтересовался сквайр.

— Я ничего не могу сказать о ней, сэр, пока не испытаю ее на ходу, — отвечал капитан. — С виду она неплоха.

— Тогда, может быть, сэр, вам не нравится и хозяин судна? — язвительно заметил сквайр.

Но тут вмешался доктор Ливси.

— Погодите! — сказал он. — Погодите, джентльмены. Не стоит ссориться. Капитан сказал нам или слишком много, или слишком мало, чтобы делать выводы. Поэтому я считаю, что мы вправе попросить более подробных пояснений. Вы сказали, вам не нравится наша экспедиция? Но почему?

— Меня пригласили, сэр, чтобы я вел это судно туда, куда пожелает этот джентльмен. Отлично. Но вскоре я убедился, что даже последний матрос на судне знает о цели плавания больше, чем я. По-моему, это неправильно. А вы как считаете?

— Согласен, — кивнул доктор Ливси.

— Затем я узнаю, — продолжал капитан, — что мы отправляемся на поиски сокровищ; заметьте — от собственных подчиненных. Поиски сокровищ — дело щекотливое, тут нужна особая осторожность. Я не одобрил бы такую экспедицию даже при условии соблюдения глубокой тайны, и тем более не одобряю ее, когда все секреты, как говорится, известны даже попугаю.

— Вы имеете в виду попугая Джона Сильвера? — перебил сквайр.

— Нет, это просто поговорка, которая означает, что секрет уже ни для кого не секрет. Я думаю, никто из вас не представляет себе, на что вы решились. Вы должны быть готовы бороться не на жизнь, а на смерть.

— Вы правы, капитан, — согласился доктор. — Риск действительно велик, но и мы не так уж неопытны, как вы думаете. Вы сказали, вам не нравится команда? Разве она состоит из неопытных моряков?

— Мне она просто не нравится, — повторил капитан Смоллетт. — И я думаю, что набор экипажа следовало бы поручить мне.

— Возможно, вы и правы, — отвечал доктор. — Моему другу Трелони следовало бы советоваться с вами. Но это промах совершенно случайный.

Затем вы сказали, что вам не нравится мистер Эрроу. Это действительно так?

— Совершенно верно, сэр. Он неплохой моряк, но распустил команду. Штурман не должен пьянствовать с матросами, он должен держать дистанцию.

— Разве он пьяница? — возмутился сквайр.

— Нет, сэр, — возразил капитан. — Но с командой он держится панибратски.

— Скажите прямо, капитан, чего вы хотите? — спросил доктор.

— Вы окончательно приняли решение отправиться в это путешествие?

— Окончательно и бесповоротно, — отрезал сквайр.

— Отлично, — сказал капитан. — Если уж вы терпеливо выслушали все, что я сказал до того, то выслушайте и остальное. Порох и оружие складывают в носовой части судна, где размещаются матросы. Между тем, есть подходящее трюмное помещение под вашей каютой — почему бы не сложить их туда? Далее: вы берете с собой четырех слуг. Их тоже хотят поселить в носовой части. Почему бы не разместить их рядом с вашей каютой?

— Что еще? — спросил Трелони.

— А еще, — ответил капитан, — на шхуне слишком много болтают.

— Это так, — согласился доктор.

— Сообщу вам только то, что слышал собственными ушами, — продолжал капитан. — Говорят, у вас есть карта какого-то острова и что на ней красными крестиками обозначены места, где зарыты сокровища. И этот остров лежит на…

Капитан точно назвал долготу и широту острова.

— Клянусь, я никому ни слова не говорил об этом, — вскричал сквайр.

— Вся команда знает об этом, сэр, — возразил капитан.

— Может, это вы проговорились, Ливси, — оправдывался сквайр, — или Хокинс?

— Теперь уже не важно, кто разболтал, — буркнул доктор.

Я заметил, что ни он, ни капитан не поверили сквайру, несмотря на все его усилия оправдаться. И я тоже не поверил, потому что Трелони в самом деле был отчаянный болтун. Но теперь-то думаю, что он говорил правду: команда и без нас знала местоположение острова.

— Я продолжаю, джентльмены, — сказал капитан. — Я не знаю, у кого из вас хранится карта,

но я требую, чтобы ее держали в тайне и от меня, и от мистера Эрроу. В противном случае я буду просить вас уволить меня.

— Понимаю, — кивнул доктор, — вы хотите скрыть карту и разместить надежных людей в кормовой части судна, рядом со складом оружия и пороха. Вы опасаетесь бунта?

— Сэр, — возразил капитан, — я не обижаюсь, но вам не следовало бы приписывать мне слова, которых я не произносил. Ни один капитан не выйдет в море, если он подозревает возможность бунта на своем судне. Я думаю, что мистер Эрроу вполне порядочный человек, то же самое я могу сказать и о прочих, кого я хотя бы отчасти знаю. Но я отвечаю за безопасность и жизнь каждого человека на корабле. Когда я вижу, что что-то идет не так, я принимаю все возможные меры. Если вас это не устраивает, можете меня уволить. У меня все.

— Капитан Смоллетт, — улыбнулся доктор, — приходилось ли вам слышать басню о горе, которая родила мышь? Простите, но вы мне ее невольно напомнили. Когда вы вошли, то я готов был биться об заклад на мой собственный парик, что вы потребуете большего!

— Вы очень догадливы, доктор, — отвечал ка-

питан. — Действительно, явившись сюда, я хотел требовать расчета и не надеялся, что мистер Трелони пожелает меня выслушать.

— Я бы и не стал слушать, — взвился сквайр, — не будь здесь доктора! Я просто послал бы вас ко всем чертям. Но теперь я поступлю так, как вы предлагаете. Однако мнение мое о вас изменилось к худшему.

— Это как вам будет угодно, сэр, — ответил капитан. — Я только исполнил свой долг.

С этими словами он повернулся и вышел.

— Трелони, — внезапно проговорил доктор. — К своему изумлению я убедился, что у вас в команде всего два надежных человека — это капитан Смоллетт и Джон Сильвер.

— Относительно Сильвера я с вами совершенно согласен; что же касается этого несносного враля, то я считаю его поведение недостойным мужчины, моряка и англичанина.

— Ладно, — усмехнулся доктор, — увидим!

Когда мы вышли на палубу, то увидели, что матросы уже взялись перетаскивать оружие и порох на корму. За ними присматривали штурман Эрроу и капитан.

Мне очень понравилось, как мы разместились по-новому. На корме, ближе к середине, было

устроено шесть кают, которые соединялись проходом со стороны левого борта с камбузом[13] и баком[14]. Сначала предполагалось, что эти помещения займут капитан, штурман, Хантер, Джойс, доктор и сквайр. Но теперь в двух из них поселили меня и Редрута, а капитан и Эрроу устроились на палубе в тамбуре над трапом, который так расширили, что он мог сойти за каюту. Там оказалось достаточно места, чтобы повесить два гамака. Штурман Эрроу, кажется, остался доволен таким размещением. Возможно, у него тоже были сомнения насчет команды, но это всего лишь предположение, так как он очень недолго пробыл на нашем судне.

Мы все усердно трудились, перетаскивая бочонки с порохом и устраивая наши каюты, когда на судно прибыли в шлюпке последние матросы, а с ними и Долговязый Джон Сильвер.

Он взобрался на палубу с обезьяньей ловкостью и, как только заметил нас, закричал во всю глотку:

— Эй, парни! Что это вы затеяли?

---

[13] Сноски: 13

Камбуз — судовая кухня.

[14] Сноски: 14

Бак — верхняя часть палубы от передней мачты (фок-мачты) до носа судна.

— Мы перемещаем на ют[15] порох и оружие, Джон, — ответил один из матросов.

— Зачем, черт побери?! — занервничал Долговязый Джон. — Ведь этак мы прозеваем утренний отлив!

— Это мой приказ, — сухо отрезал капитан. — Ступайте-ка лучше вниз, Сильвер, и позаботьтесь об ужине.

— Есть, сэр, — ответил Сильвер и, прикоснувшись ладонью к треуголке, резво запрыгал по направлению к камбузу.

— Сильвер — славный человек, капитан, — заметил доктор.

— Вполне возможно, сэр, — ответил капитан Смоллетт. — Осторожней, парни! — крикнул он матросам, которые катили бочонок с порохом. И тут же, заметив, что я стою без дела, накинулся на меня:

— Эй, юнга! — крикнул он. — Прочь с палубы! Ступай к повару, он найдет тебе дело.

Спускаясь на камбуз, я слышал, как он громко сказал, обращаясь к доктору:

— Я не потерплю никаких любимчиков на судне!

---

[15] Сноски: 15
Ют — кормовая часть судна.

Уверяю вас, в ту минуту я совершенно согласился со сквайром и возненавидел капитана от всей души.

Глава 10
Плавание

Суматоха на шхуне продолжалась целую ночь — нужно было все привести в порядок. С берега то и дело прибывали на шлюпках друзья и знакомые сквайра вроде мистера Блендли, чтобы проститься и пожелать ему счастливого плавания и благополучного возвращения. В «Адмирале Бенбоу» мне никогда не приходилось столько работать, и я едва таскал ноги от усталости.

Наконец, на рассвете боцман засвистал отплытие, и команда кинулась поднимать якорь. Если бы я устал и вдвое сильнее, и тогда бы не ушел с палубы — настолько было интересным все вокруг: отрывистые команды капитана, резкий звук боцманской дудки, матросы, суетящиеся в тусклом свете судовых фонарей.

— Эй, Окорок, затяни-ка песню! — крикнул один из матросов.

— Только старую, — поддержал другой.

— Ладно, парни! — отозвался Долговязый Джон, стоявший на палубе с костылем под мышкой. И вдруг затянул ту, что была мне хорошо знакома:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

Вся команда тотчас грянула хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

С последним «хо» якорь был поднят на палубу, а вымбовки выдернуты из кабестана.

В ту минуту я невольно вспомнил нашу старую гостиницу, и мне даже почудился в матросском хоре хриплый голос покойного капитана. Затем якорь был укреплен на носу, ветер наполнил паруса, и берег начал удаляться. Еще до того, как я спустился в каюту, чтобы вздремнуть часок, «Эспаньола» вышла из Бристольского залива в открытое море и взяла курс на Остров Сокровищ.

Я не стану описывать подробности нашего плавания. Все обстояло благополучно. Мореходные качества шхуны были выше всяких похвал, команда оказалась опытной, а капитан хорошо знал свое дело. Но прежде чем мы достигли Острова Сокровищ, произошли некоторые события, о которых я считаю своим долгом рассказать.

Прежде всего, штурман Эрроу оказался даже хуже, чем думал о нем капитан. Он не пользовался никаким авторитетом, матросы ему не подчинялись. А через несколько дней после отплытия

он начал появляться на палубе в явно нетрезвом виде: глаза его блуждали, щеки горели, а язык заплетался. Капитану в таких случаях приходилось с позором отправлять его в каюту. Иногда мистер Эрроу падал и расшибался, после чего целый день валялся в каюте. Иногда он протрезвлялся на день-другой и тогда более-менее справлялся со своими обязанностями.

Мы никак не могли понять, где он добывает выпивку. Сколько мы его ни выслеживали, это оставалось тайной. Когда мы в лоб спрашивали его об этом, он, будучи пьяным, только хихикал, а в трезвом виде клятвенно заверял, что не берет в рот ничего крепче воды.

В общем, Эрроу был не только совершенно бесполезен, но и оказывал разлагающее влияние на команду. Долго так продолжаться не могло, и никто особенно не удивился, когда однажды ночью во время сильной качки наш штурман бесследно исчез.

— Ясное дело — свалился за борт! — подвел итог капитан. — Это, джентльмены, избавило нас от необходимости заковать его в кандалы.

Так мы остались без штурмана. Надо было заменить его кем-нибудь из состава команды, и выбор пал на боцмана Джоба Эндерсона. Так он и остал-

ся на двух должностях — боцмана и штурмана. Сквайр Трелони, немало путешествовавший и имевший некоторые познания в морском деле, тоже пригодился и, случалось, становился на вахту в хорошую погоду. Наш второй боцман, Израэль Хендс, был опытным старым моряком, и ему можно было доверить любую работу на судне. Он, между прочим, дружил с Долговязым Джоном Сильвером, а раз уж я упомянул это имя, придется рассказать о нем поподробнее.

Нашего кока матросы почему-то называли Окороком. На шхуне он привязывал костыль веревкой к шее, чтобы освободить руки, и очень забавно было следить за тем, как он, упираясь костылем в переборки, приспосабливался к качке и возился со стряпней так же ловко, как на суше. Еще любопытней было видеть, с какой ловкостью и быстротой он пересекал палубу во время шторма, цепляясь за специально протянутые для него канаты, которые матросы называли «серьгами Долговязого Джона». Все, кому доводилось знавать его раньше, очень сожалели, что Сильвер уже не таков, как был в молодости.

— Окорок — не простой человек, — говорил мне боцман, — он учился в школе и может говорить как по книге, когда захочет. А отважен он, как

сущий лев! Я однажды видел, как он без оружия расправился с четверыми молодчиками!

Вся команда относилась к Сильверу с почтением и прислушивалась к его словам. Он умел найти подход к каждому и нужное слово. Ко мне он относился дружелюбно и всегда радовался, когда я навещал его на камбузе, который содержался в образцовом порядке. Надраенная до блеска и аккуратно развешанная на переборках посуда сверкала, а в углу стояла клетка со старым попугаем.

— Входи, Хокинс, поболтай со старым Джоном! — зазывал он меня. — Я никому не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай новости. Вот, Капитан Флинт — так я назвал своего попугая в память знаменитого пирата — предсказывает нам удачное плаванье. Верно, Капитан?

Попугай в ответ на его слова начинал с невероятной быстротой выкрикивать: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!», и так до тех пор, пока не выбивался из сил или пока Джон не накрывал клетку платком.

— Этой пташке, — говаривал он, — должно быть, лет двести. Ведь попугаи живут дьявольски долго. И только сам дьявол повидал больше зла, чем он. Он плавал еще с Инглендом, с прослав-

ленным капитаном Инглендом, прожженным пиратом. Бывал он и на Мадагаскаре, и на Малабарских островах, и в Суринаме, и на острове Провидения, и в Портобелло. Он видел, как вылавливают груз с затонувших испанских галеонов, — там-то он и выучился кричать «Пиастры!». И нечему тут удивляться — ведь тогда было поднято со дна целых триста пятьдесят тысяч пиастров серебром, Хокинс! Он был свидетелем взятия на абордаж флагмана вице-короля Индии близ берегов Гоа… А ведь если посмотреть на него, так эта птица выглядит совсем молодой. Но ты, Капитан Флинт, немало понюхал пороху, верно?

— Пр-риготовиться! — проскрипел в ответ попугай. — Меняем галс!

— О, он у меня превосходный моряк! — похвалил птицу кок, угощая попугая кусочком сахару. Вместо благодарности тот принялся грызть клювом прутья клетки и грязно ругаться.

— Да, сынок, сам видишь: поживешь среди дегтя — поневоле измажешься. Так и эта бедная старая птица выучилась браниться как целое скопище чертей, сама не зная, что произносит. Мой Капитан готов сквернословить даже в присутствии священника!

При этих словах Джон подмигивал мне с такой ужимкой, что казался самым добродушным человеком на свете.

Между тем сквайр Трелони и капитан Смоллетт по-прежнему относились друг к другу холодно. Сквайр отзывался о капитане с презрением. Тот, в свою очередь, никогда не заговаривал со сквайром, а когда приходилось докладывать, излагал дело кратко, отрывисто и сухо. Смоллетту пришлось признать свою ошибку насчет состава команды — большинство моряков оказались людьми толковыми и вели себя сдержанно. Что касается шхуны, то она не раз удостаивалась капитанской похвалы.

— «Эспаньола» слушается руля, как добрая жена своего мужа, сэр, — говорил он. — Но до тех пор, пока мы не вернемся в Бристоль, я буду стоять на том, что это плавание мне не нравится!

Сквайр при этом обычно поворачивался спиной к капитану Смоллетту и принимался расхаживать по палубе, бормоча под нос:

— Еще немного, и этот человек окончательно выведет меня из терпения…

Вскоре нам пришлось пережить бурю, которая только подтвердила достоинства нашей шхуны. Команда выглядела довольной, и в этом не было

ничего удивительного: со времен Ноева ковчега нигде так не баловали экипаж, как на нашем судне. Двойная порция грога[16] выдавалась по праздничным дням и всякий раз, когда сквайр узнавал о дне рождения кого-нибудь из матросов. На палубе всегда стояла бочка с яблоками, чтобы каждый желающий мог полакомиться, когда вздумается.

— Из этого не выйдет ничего хорошего, — ворчал капитан. — Такие поблажки только развращают команду, уж вы мне поверьте.

Однако бочка с яблоками, как вы вскоре убедитесь, сослужила нам добрую службу. Только благодаря ей мы вовремя узнали о грозящей нам опасности и не погибли от рук предателей и негодяев.

Вот как это случилось.

Благодаря попутному ветру, мы быстро приближались к острову, местоположение которого я пока не вправе вам открыть. Днем и ночью мы всматривались в горизонт, надеясь увидеть землю. Согласно штурманским вычислениям, до цели оставалось менее суток ходу. Этой ночью или, при самом неблагоприятном ветре, завтра до

[16] Сноски: 16

Грог — ром, разбавленный горячей водой с сахаром, лимоном и корицей. Порция грога во флоте составляла полпинты — примерно 280 г.

наступления полудня мы должны были увидеть Остров Сокровищ. Ветер держался ровный, море было спокойным, «Эспаньола» стремительно неслась вперед. Экипаж работал слаженно, и все были в отличном расположении духа, радуясь окончанию первой половины плавания.

Вскоре после захода солнца, покончив с повседневными обязанностями, я отправился было к себе, но вдруг мне отчаянно захотелось яблок, и я снова поднялся на палубу. Вахтенные продолжали следить, не покажется ли остров, рулевой, поглядывая на наветренный[17] край парусов, негромко насвистывал. Тишину нарушал только шум волн, разбивавшихся о форштевень[18] судна.

На дне бочки валялось всего одно яблоко, и мне пришлось забраться внутрь, чтобы выудить его оттуда. Усевшись в темноте, убаюкиваемый плеском воды и мерным покачиванием судна, я сгрыз яблоко, а потом чуть было не заснул. Вдруг бочка дрогнула — кто-то навалился на нее ши-

---

[17] Сноски: 17

Наветренная сторона — обращенная туда, откуда дует ветер; подветренная — противоположная наветренной.

[18] Сноски: 18

Форштевень — продолжение киля, образующее носовую водонепроницаемую оконечность корпуса судна.

рокой спиной и тяжело опустился на палубу. Я хотел уже выбраться наружу, так как узнал голос Джона Сильвера. Но первые же слова, которые он произнес, заставили меня в ужасе скорчиться в соломе на дне бочки. Я тотчас понял, что жизнь всех честных людей на этом судне сейчас находится в моих руках.

Глава 11
Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок

— …Нет, капитаном был не я, — произнес Сильвер, — а сам Флинт. Я из-за своей деревяшки занимал должность квартирмейстера[19]. Ногу свою я, кстати, потерял в той же стычке, в которой старый Пью лишился зрения. Мне отнял ее один ученый хирург из колледжа, знавший наизусть всю латынь. Потом, правда, его повесили как собаку вместе со всеми остальными. Это были люди Робертса, и погибли они из-за того, что взяли моду менять названия своих судов. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра уже как-нибудь иначе. А по-нашему — как окрестили судно, так оно и должно зваться. Так было и с «Кассандрой», которая благополучно доставила нас домой с Малабара после того, как Ингленд захватил вице-короля Индии, и со старым судном Флинта — «Моржом», который весь был пропитан кровью и нагружен золотом так, что едва держался на плаву.

---

[19] Сноски: 19
Квартирмейстер — заведующий продовольствием на корабле.

— Эх! — послышался восторженный голос одного из молодых матросов. — Ну и молодчага же был этот Флинт!

— Дэвис, говорят, был не хуже, — продолжал Сильвер. — Но мне не довелось плавать с ним. Сначала я был у Ингленда, а потом у Флинта — вот и вся моя служба. Теперь я отправился в плавание, так сказать, вполне самостоятельно. У Ингленда я заработал девятсот фунтов, а у Флинта две тысячи. Неплохой капитал для простого матроса! И все мои денежки лежат в банке и приносят неплохой процент, будьте уверены!

— А куда подевались люди Ингленда?

— Не знаю.

— А экипаж Флинта?

— Большинство уцелевших — здесь, на шхуне. Они рады, что пристроились, ведь некоторые из них нищенствовали. Старый Пью, потеряв зрение, ухитрился спустить за пяток лет двенадцать тысяч фунтов, точно какой-нибудь лорд.

— А что с ним теперь?

— Ну, теперь-то он помер, бедняга. Но последние два года и голодал, и нищенствовал, и воровал, а при случае и резал глотки. И все равно чуть не подыхал с голоду!

— Видно, деньги не пошли ему впрок, — заме-

тил молодой матрос.

— Дуракам вообще ничто не впрок, ты прав! — воскликнул Сильвер. — Ни деньги, ни что иное. Ты еще молод, правда, но не глуп. Я сразу это смекнул, как увидел тебя в первый раз. Потому-то и хочу поговорить с тобой, как мужчина с мужчиной.

Можете себе представить, что я чувствовал, услышав, как этот висельник охмуряет другого, помоложе, теми же льстивыми словами, какие он говорил и мне. Я готов был выскочить из бочки и уложить его на месте. Не подозревая, что его слышат, Сильвер продолжал:

— Это обычная судьба всех джентльменов удачи! Жизнь их нелегка, и они постоянно рискуют угодить на рею, но зато едят и пьют до отвала, а после удачного плавания медяки в их карманах превращаются в гинеи. Впрочем, как правило, вся добыча пропивается и проигрывается в кости, и им опять приходится выходить в море ни с чем. Я поступаю иначе. Вкладываю все свои деньги частями в разные банки, чтобы не возбуждать подозрений. Ведь мне уже полсотни лет. Вернувшись из этого плаванья, я стану настоящим джентльменом и больше никуда носа не высуну из Бристоля. Хватит с меня, говорю тебе. И все-та-

ки я пожил неплохо и не отказывал себе ни в чем: мягко спал и сладко ел, разумеется, за исключением того времени, что находился в море. А с чего я начинал? Был таким же матросом, как и ты.

— А ведь ваши деньги теперь пропадут, — заметил матрос. — Как вы сможете показаться в Бристоле после этого плавания?

— А где, по-твоему, сейчас мои деньги? — насмешливо спросил Сильвер.

— В Бристоле, лежат себе в разных банках, — ответил его собеседник.

— Лежали, когда мы снимались с якоря. А теперь моя старуха забрала их оттуда. И «Подзорная Труба» продана с потрохами, и старуха выехала и теперь станет ждать меня в условленном месте. Я бы сказал тебе где, потому что доверяю тебе, да, боюсь, остальные обидятся, что я им не говорю.

— А своей старухе вы доверяете?

— Джентльмены удачи редко доверяют друг другу. И они правы, можешь поверить. Но меня провести нелегко. Если б кто-нибудь вздумал облапошить старого Джона Сильвера, недолго бы он прожил на этом свете. Многие боялись Пью, многие — Флинта, а меня побаивался даже сам Флинт. И даже гордился мною. Команда у него была донельзя разнузданная — сам дьявол не ре-

шился бы выйти с ней в море. Но могу поклясться, когда я был квартирмейстером, все пираты Флинта слушались меня, как овечки.

— Скажу по совести, — признался молодой матрос. — Поначалу ваша затея мне совсем не нравилась, но теперь, когда я поговорил с вами, я согласен. Вот моя рука!

— Ты славный малый, и очень неглуп! — повторил Сильвер, с такой силой встряхивая руку матроса, что даже бочка покачнулась. — Из тебя выйдет отменный джентльмен удачи!

Мало-помалу до меня начал доходить смысл их беседы. Под «джентльменами удачи» они подразумевали пиратов, а сцена, невольным свидетелем которой я оказался, была не чем иным, как совращением честного малого, может, последнего из всей команды. И вскоре я в этом убедился. Сильвер негромко свистнул, и к ним присоединился еще один матрос.

— Дик согласен, — сообщил ему Сильвер.

— Я так и знал, — донесся до меня голос боцмана Израэля Хендса. — Он ведь не последний дурак, этот Дик.

Хендс сплюнул табачную жвачку и снова заговорил:

— Ты лучше вот что скажи мне, Окорок. Сколь-

ко мы еще будем вилять и топтаться на месте? Мне уже осточертел этот капитан Смоллетт. Он стоит у меня поперек глотки, будь он проклят! Я хочу жить в его каюте, пить его вина и есть разносолы, которые ты ему подаешь.

— Израэль, — сказал Сильвер, — у тебя всегда было неважно с мозгами. Но слышать-то ты в состоянии — уши у тебя в порядке. И вот что я тебе скажу: ты будешь спать в кубрике и усердно работать, будешь трезвым и исполнительным до тех пор, пока я не скажу заветное слово. Ты должен слушаться меня, сынок.

— Так разве я отказываюсь, — проворчал боцман. — Я только спрашиваю — когда? Только и всего!

— Когда? Дьявол! — разозлился Сильвер. — Если хочешь знать, я скажу. Это случится, когда все будет готово — и не раньше! Капитан Смоллетт — первоклассный моряк и отлично ведет судно. У кого находится карта, у сквайра или у доктора, и где именно она хранится — я не знаю. Ты ведь тоже не знаешь, верно? Так вот: нам нужно, чтобы сквайр и доктор отыскали сокровища и помогли нам погрузить их на корабль. Вот тогда я и скажу слово. Если б я был уверен в таком проклятом голландском отродье, как ты, я бы предоставил

капитану Смоллету вести судно и обратно — по крайней мере, до половины пути, и только тогда начал бы действовать.

— Но разве мы не моряки и не справимся сами с «Эспаньолой»? — запальчиво перебил Дик.

— Моряки? Наверно, ты хотел сказать — матросы, — огрызнулся Сильвер. — Мы умеем стоять у руля, но кто из нас сможет правильно проложить курс? Определить положение судна? Ты первый запутался бы, как младенец. Если б все зависело от меня, то я дал бы капитану Смоллету довести нас хотя бы до зоны пассатов[20]. Тогда бы мы уже не сбились с пути и не выдавали бы пресную воду по столовой ложке. Но я-то вашего брата знаю! Поэтому с ними придется покончить прямо на острове, как только сокровища окажутся в трюме. И это меня огорчает, так как все вы только и ждете, чтобы дорваться до выпивки! По правде сказать, у меня сердце начинает болеть при мысли, что придется возвращаться обратно с такими людьми!

— Полегче, полегче, Долговязый Джон! — возмутился Израэль. — Разве кто-нибудь спорит с тобой?

---

[20] Сноски: 20

Пассаты — постоянно дующие между тропиками ветры. В Северном полушарии имеют юго-западное направление.

— Что, мало я видел кораблей, взятых на абордаж? А сколько молодцов угодило на виселицу? — горячился Сильвер. — И все оттого, что они спешили, спешили, спешили. Послушайте меня, я кое-что повидал в жизни. Если бы вы умели держать верный курс и управляться с парусами, вы бы давно уже разъезжали в каретах. Но куда там! Налакаетесь рому — и на виселицу.

— Всем известно, что ты горазд поговорить, Джон! Но ведь были и такие, кто не хуже тебя умел командовать, — проговорил Израэль. — Да, они любили выпить и держались не так заносчиво, но свое дело знали и другим не препятствовали.

— Да неужто? — ухмыльнулся Сильвер. — А где они теперь, позволь тебя спросить? Пью был из таких — и умер нищим. И Флинт был таким же — и умер от рома в Саванне. Да, они были веселые парни, любители покутить и позабавиться, да только где они теперь?

— Так что же мы сделаем с ними, когда они окажутся в наших руках? — вдруг спросил Дик.

— Молодец! — с одобрением воскликнул Сильвер. — Вот это мне по душе! Ну а как по-вашему? Высадить их на необитаемый остров, как поступал Ингленд, или перерезать, как свиней, — так обычно действовали Флинт и Билли Бонс.

— Да, у Билли была такая привычка, — подтвердил Израэль. — «Мертвые не кусаются», — говаривал он. Только теперь он тоже мертв, и проверил все это на себе. Вот кто умел расправляться быстро и без всякой пощады.

— Верно, — согласился Сильвер. — Быстро и без пощады. Я, заметьте, мягкий человек, почти джентльмен, но тут дело непростое. Долг в первую очередь, парни! И поэтому я двумя руками за смерть. Не хотел бы я, чтобы ко мне, когда я стану членом парламента, ввалился бы, как черт к монаху, один из этих болтунов. Но надо уметь ждать и начинать действовать только тогда, когда плод созреет!

— Молодчина, Джон! — одобрительно хохотнул боцман.

— Ты увидишь меня в деле, Израэль! — продолжал Сильвер. — Я потребую только одного: отдать мне Трелони. С каким наслаждением я сверну его баранью башку! Дик, — обратился он вдруг к молодому матросу, — будь добр, слазай в бочку и добудь мне яблочко — освежить глотку.

Можете представить мой ужас! Я хотел было выскочить из бочки и пуститься наутек, но не смог — так сильно колотилось мое сердце и тряслись ноги. Дик уже поднялся со своего места, но

его остановил Израэль Хендс:

— Погоди! Что за охота жевать эту гниль, Джон? Выдай-ка лучше нам по доброму глотку рому!

— Дик, — окликнул Сильвер. — Ты знаешь, я тебе доверяю. На камбузе у меня припрятан бочонок рому. Нацеди кувшин и тащи сюда.

Несмотря на испуг, я невольно вспомнил штурмана Эрроу и наконец-то понял, откуда он добывал погубивший его ром.

Как только Дик ушел, Израэль начал что-то тихо говорить на ухо Сильверу. Я успел уловить только несколько отрывочных слов, но и этого было достаточно: я ясно расслышал фразу: «Никто из остальных не соглашается». Выходит, среди экипажа еще оставались верные нам люди.

Когда Дик вернулся, все трое пустили кувшин вкруговую. Один провозгласил тост: «За удачу», другой: «За старика Флинта», а Сильвер даже пропел вполголоса:

За ветер добычи, за ветер удачи!

Чтоб зажили мы веселей и богаче!

Неожиданно в бочке посветлело. Взглянув вверх, я увидел, что луна поднялась уже высоко

и серебрит верхушку бизань-мачты[21]. И в тот же миг с марсовой площадки раздался крик вахтенного:

— Земля!..

[21] Сноски: 21
Бизань-мачта — задняя мачта на парусном судне.

Глава 12
Военный совет

На палубе поднялась суматоха. Матросы опрометью выскакивали из кубрика. Выбравшись из бочки, я прошмыгнул на корму, а уже оттуда вышел на бак, где стояли Хантер и доктор Ливси.

Вся команда высыпала на палубу. Туман с появлением луны рассеялся. В нескольких милях к юго-западу виднелись два небольших холма, а за ними третий, более высокий, все еще окутанный туманом. Все три холма имели правильную конусообразную форму. Однако я смотрел на все это будто сквозь сон, так как еще не вполне оправился от пережитого ужаса. В моих ушах смутно прозвучала команда капитана Смоллетта. «Эспаньола» взяла на несколько румбов круче к ветру и начала приближаться к острову с восточной стороны.

— А теперь, парни, ответьте: видел ли кто-нибудь из вас этот остров раньше? — спросил капитан, когда все его приказания были выполнены.

— Так точно, сэр, — ответил Сильвер. — Торго-

вое судно, на котором я служил коком, заходило сюда за пресной водой.

— Если не ошибаюсь, с южной стороны, за тем маленьким островком, есть удобная якорная стоянка, — проговорил капитан.

— Так точно, сэр. Этот островок называется Остров Скелета. Раньше там было становище пиратов, и один матрос с нашего судна знал все эти названия. Вон тот холм на севере они называли Фок-мачтой. А два других, лежащих южнее, — Грот-мачта и Бизань-мачта. Самую высокую гору, ту, что закрыта туманом, они называли Подзорной Трубой, потому что там пираты устраивали наблюдательный пункт, когда становились на якорь и ремонтировали свои потрепанные морем суда.

— У меня есть карта, — сказал капитан Смоллетт. — Взгляните, обозначено ли на ней место якорной стоянки?

У Долговязого Джона глаза заблестели от радости, когда он взял в руки карту. Но я знал, что, едва взглянув на нее, он будет глубоко разочарован. Это была не та карта, что лежала в сундуке Билли Бонса, а ее детальная копия, за исключением красных крестиков и рукописных указаний. Однако, несмотря на сильнейшую досаду, Сильвер

сумел сдержаться и не подал виду.

— Да, сэр, — наконец проговорил он. — Вот и стоянка, и обозначена она совершенно точно. Удивляюсь, кто сумел вычертить эту карту? Не пираты же, для этого они слишком невежественны. Место это мой приятель называл Стоянка капитана Кидда. Вдоль западного берега проходит сильное течение, идущее на юг, а затем поворачивающее к северу. Вы верно взяли курс, сэр. Если желаете бросить якорь, лучшего места для стоянки здесь не найти.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил капитан Смоллетт. — Если мне снова понадобится ваш совет, я позову вас. А теперь можете идти.

Я невольно поразился, с каким самообладанием Сильвер обнаружил свое знакомство с островом. Когда же он приблизился ко мне, я испугался. Разумеется, он не знал, что я подслушал их разговор, но он внушал мне самый настоящий ужас своими жестокостью, двуличием и хладнокровием. Поэтому я невольно вздрогнул, когда он опустил руку мне на плечо.

— Да, Джим, — задумчиво проговорил он. — Славное местечко этот остров, в особенности для такого парнишки, как ты. Там можно купаться, лазать по деревьям и охотиться за дикими коза-

ми. Ты наверняка умеешь карабкаться по скалам не хуже серны. Ей-богу, я и сам молодею, взглянув на этот остров, и забываю про свою проклятую деревяшку. Хорошо быть молодым и иметь целыми обе ноги, верно? Если захочешь побродить по острову, то скажи об этом старому Джону, и он позаботится о закуске тебе на дорогу.

Дружески хлопнув меня по плечу, он заковылял прочь.

Капитан Смоллетт, сквайр и доктор Ливси о чем-то беседовали на шканцах[22]. Я сгорал от нетерпения, но не решался прервать их разговор. Пока я выискивал благовидный предлог, доктор Ливси сам подозвал меня. Он забыл внизу трубку и попросил меня принести ее. Приблизившись к нему, я улучил удобный момент и сказал тихо:

— Доктор, я должен немедленно предупредить вас об очень важных вещах. Уведите капитана и сквайра в каюту, а затем под каким-нибудь предлогом пошлите за мной. Сразу скажу: вас ждут жуткие новости.

Доктор несколько изменился в лице, но мигом овладел собой и громко сказал, сделав вид, будто спрашивал меня о чем-то:

---

[22] Сноски: 22

Шканцы — пространство палубы между грот-мачтой и бизань-мачтой.

— Спасибо, Джим. Это все, что мне требовалось узнать.

С этими словами он обернулся к сквайру и капитану. И хотя они продолжали невозмутимо беседовать, по их лицам я понял, что доктор Ливси передал им мою просьбу. Затем капитан приказал Джобу Эндерсону собрать на палубе всю команду.

— Друзья, — обратился к матросам капитан Смоллетт. — Я хочу сказать вам несколько слов. Этот остров, лежащий перед вами, — цель нашего плавания. Мистер Трелони, щедрость которого всем нам хорошо известна, спросил меня, хорошо ли поработала команда в пути, и я доложил ему, что вы справились как нельзя лучше. Поэтому я отправляюсь со сквайром и доктором, чтобы выпить за ваше здоровье, а вам сейчас подадут грог, чтобы и вы имели возможность выпить за наше. Я нахожу, что со стороны почтенного сквайра это весьма любезно, и предлагаю крикнуть в его честь «ура».

Разумеется, «ура» тут же грянуло, причем так единодушно и искренне, что в ту минуту я и сам с трудом верил, что эти люди вполне готовы перебить нас всех до единого.

— Трижды «ура» капитану Смоллетту, — за-

вопил Долговязый Джон, когда первое «ура» смолкло.

И на этот раз «ура» было дружно подхвачено всеми, кто находился на палубе.

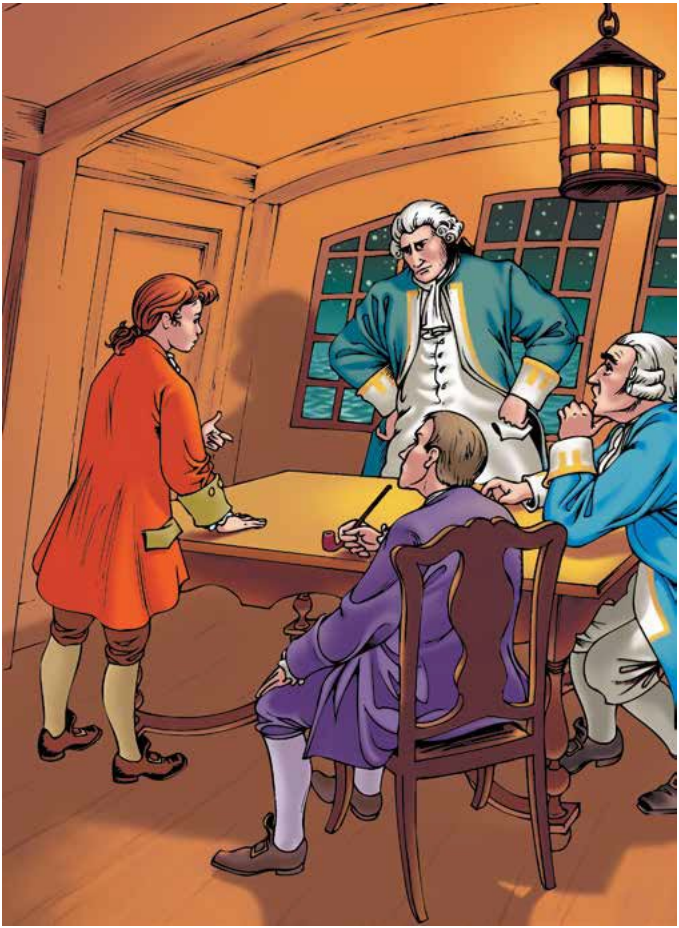
Сквайр, капитан и доктор спустились вниз и вскоре послали за мной. Я застал их сидящими за столом за бутылкой испанского вина и тарелкой с изюмом. Доктор курил, сняв свой парик, что, как я знал, было у него признаком глубокого волнения.

В открытый иллюминатор дул теплый ночной ветер. За кормой серебрилась лунная дорожка.

— Ты собирался что-то сообщить нам, Хокинс? — обратился ко мне сквайр. — Говори же!

И я со всеми подробностями передал им подслушанный мною из бочки разговор Джона Сильвера с его сообщниками. Все трое слушали, не шевелясь и не отрывая глаз от моего лица. И только когда я закончил, доктор Ливси сказал:

— Джим, присаживайся к столу!



Они усадили меня за стол, налили вина, насыпали в ладонь горсть изюму, и все трое, поклонившись, выпили за мое здоровье, хваля за храбрость.

— Да, капитан, — наконец произнес сквайр, — вы оказались правы, а я ошибался. Признаю себя законченным ослом и ожидаю ваших распоряжений.

— Я оказался ровно таким же ослом, сэр, — возразил капитан. — Обычно, если команда затевает бунт, об этом легко догадаться и принять необходимые меры предосторожности. Но наши матросы обвели-таки меня вокруг пальца.

— Позвольте, капитан, — возразил доктор. — Это дело рук Сильвера, а он, как я сразу заметил, человек далеко не заурядный.

— Этому незаурядному человеку давно следовало бы болтаться на рее, — буркнул капитан. — Но у нас нет времени на болтовню. Если мистер Трелони не возражает, я готов кое-что предложить.

— Сэр, вы здесь капитан и последнее слово принадлежит вам, — с неожиданной любезностью ответил сквайр.

— Во-первых, — начал Смоллетт, — все пути к отступлению для нас отрезаны. Если я прикажу лечь на обратный курс, пираты немедленно

взбунтуются. Во-вторых, у нас еще есть некоторое время, по крайней мере до того момента, когда мы найдем клад. И, в-третьих, среди экипажа еще есть верные нам люди. Рано или поздно дело дойдет до схватки, поэтому я предлагаю ударить первыми, застав негодяев врасплох. Надеюсь, мистер Трелони, мы можем положиться на ваших спутников?

— Как на меня лично, — заявил сквайр.

— Их у вас трое, а вместе с нами и Хокинсом — семь человек, — продолжал капитан. — Ну, а на кого из команды мы можем надеяться?

— Скорее всего, это те моряки, которых Трелони нанял до того, как встретил Сильвера, — заметил доктор.

— Вряд ли, — возразил сквайр. — Ведь Хендса нанимал тоже я.

— И я доверял Хендсу, — признался Смоллетт.

— Подумать только, ведь все они англичане, — возмущенно воскликнул сквайр. — Ей-богу, сэр, я бы взорвал эту шхуну вместе с ее командой!

— Итак, джентльмены, — продолжал капитан, пропустив реплику сквайра мимо ушей. — К сказанному я могу добавить совсем немного. Мы должны выжидать и постоянно быть начеку, чтобы не пропустить подходящий момент. Да, это

нелегко, и проще было бы действовать сразу. Но сначала мы должны выяснить, кто остался нам верен. Пока на этом остановимся. Это все, что я могу предложить.

— Джим тут может оказаться полезен больше, чем кто-либо другой, — заметил доктор. — Матросы при нем не стесняются, а он — наблюдательный малый.

— Хокинс, я полагаюсь на тебя, — прибавил сквайр.

Сказать по правде, я жутко боялся, что не оправдаю их доверия. Но как бы там ни было, из двадцати шести человек команды мы могли положиться только на семерых, к тому же одним из этой семерки был я, еще подросток. Итак — шесть против девятнадцати.

Часть третья
Мои приключения на суше

Глава 13
Как начались мои приключения

Когда на следующее утро я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, Нам удалось несколько продвинуться за ночь, и теперь «Эспаньола» стояла в полумиле к юго-востоку от восточного берега, покрытого густым лесом. Кое-где в низинах виднелись полосы желтого песка и одиночные деревья, похожие на сосны. В целом пейзаж был однообразным и унылым. Повсюду над лесом торчали голые остроконечные утесы причудливой формы, над которыми царила Подзорная Труба, возвышавшаяся над ними на триста или четыреста футов. Отвесная со всех сторон, с плоской вершиной, она походила на пьедестал отсутствующей статуи.

«Эспаньолу» так качало на волнах, что вода хлестала в шпигаты[23]. Волны били в борта, руль ходил ходуном, и все судно скрипело, стонало и подрагивало, как живое. Я крепко вцепился в какой-то трос, голова у меня закружилась. Хоть я

[23] Сноски: 23

Шпигаты — отверстия в палубе или фальшборте судна, служащие для удаления за борт воды, попавшей на палубу при волнении.

и привык к качке в море, на ходу судна, болтанка на якорной стоянке всегда вызывала у меня дурноту, особенно по утрам и на пустой желудок. А может, на меня подействовал унылый вид острова с его темными однообразными лесами, голыми гранитными вершинами и грозно ревущими и пенящимися у берега бурунами прибоя. Несмотря на то что солнце ярко светило, чайки и бакланы, охотясь за рыбой, пронзительно голосили, и всякий на моем месте радовался бы виду суши после долгого плаванья, сердце мое тоскливо сжалось. Я с первого взгляда возненавидел Остров Сокровищ!

В то утро нам предстояла трудная работа. Несмотря на волнение, ветра совершенно не было, и, чтобы войти в узкий пролив между берегом и Островом Скелета, надо было спустить шлюпки и три или четыре мили буксировать шхуну на веслах. Я присоединился к команде одной из шлюпок, хоть никто меня туда и не звал.

Солнце палило нещадно, матросы все время ругались, проклиная свою долю. Шлюпкой командовал Эндерсон, но вместо того, чтобы призвать своих людей к порядку, он сквернословил вместе с ними.

— Ну да ладно, парни, — наконец выкрикнул

он, витиевато выругавшись, — скоро всему этому придет конец!

Я счел эти слова скверным признаком. Раньше матросы беспрекословно исполняли свой долг. По-видимому, один лишь вид Острова Сокровищ поколебал дисциплину на судне.

Долговязый Джон все это время находился рядом с рулевым, помогая ему вести судно. Оказывается, он знал этот пролив как свои пять пальцев, и его нисколько не смущало то, что замеры показывали совсем другие глубины, чем те, что стояли на карте.

— Это все работа прилива, — твердил он. — Здешние приливы орудуют в этом проливе, словно лопата угольщика.

Наконец мы остановились точно в том самом месте, где на карте был изображен якорь. Треть мили отделяла нас от большого острова и треть мили — от Острова Скелета. На дне был чистый песок. Грохот спускаемого якоря вспугнул стаи птиц на берегу, и они с пронзительными криками закружились над лесом. Через минуту птицы снова скрылись в кронах деревьев, и все затихло.

Якорная стоянка была со всех сторон закрыта от ветров берегами, поросшими густым лесом. Лес начинался чуть ли не у самой полосы прибоя, а

далее, словно амфитеатр, уступами поднимались холмы. Две крошечных речушки, или, вернее, два заболоченных ручейка впадали в залив, казавшийся издали тихим прудом. Растительность вокруг речушек имела какой-то нездоровый, ядовитый оттенок. С борта «Эспаньолы» невозможно было разглядеть никаких построек на берегу, и если б не карта, можно было бы решить, что мы — первые, кто ступил на эту землю с тех пор, как она поднялась из океанских глубин.

Ничто не нарушало мертвую тишину, кроме приглушенного шума волн, разбивавшихся о скалы на расстоянии полумили от нас. В воздухе стоял странный запах — болота, лиственной прели и гнилого дерева. Я видел, как доктор принюхивается, словно ему подсунули за завтраком тухлое яйцо.

— Не знаю, здесь ли клад, — проворчал он, — но за лихорадку я ручаюсь.

Поведение команды, внушившее мне тревогу уже на шлюпке, стало совсем угрожающим, когда мы вернулись на судно. Люди слонялись по палубе без дела и о чем-то сговаривались. Любое приказание встречалось с неудовольствием и исполнялось с неохотой. Даже самые надежные матросы заразились этим настроением. Угроза

бунта сгущалась над нами, как грозовая туча.

Но не одни мы одни заметили эту опасность. Долговязый Джон изо всех сил стремился поддерживать порядок. Он обходил моряков одного за другим, действуя то уговорами, то ставя в пример себя. Он буквально из кожи вон лез, расточая улыбки и похвалы направо и налево. Если звучала команда капитана, Сильвер первым бросался исполнять ее, прыгая на своей деревяшке и весело крича: «Есть, сэр, так точно, сэр!». Когда же возникала пауза, он одну за другой во весь голос распевал песни, словно они могли скрыть зреющее недовольство. И скажу по чести — из всех грозных признаков этого тревожного дня самым зловещим казалось нам поведение Долговязого Джона.

Мы собрались в каюте на совет.

— Сэр, — сказал капитан, обращаясь к сквайру. — Если я рискну отдать еще какое-нибудь распоряжение, они набросятся на нас. Вы сами видите, что происходит. Мне грубят на каждом шагу. Если я отвечу на грубость, нас разорвут в клочья. Если не отвечу — Сильвер заподозрит неладное, и нашу игру можно считать проигранной. Есть только один человек, на которого мы можем надеяться.

— Кто же это? — спросил сквайр.

— Сильвер, сэр, — ответил капитан. — Он встревожен не меньше, чем мы, и хочет пресечь преждевременный бунт. Если предоставить ему такую возможность, он уладит дело. Предлагаю разрешить команде сегодня после обеда отправиться на берег. Если они поедут всем скопом — мы захватим корабль. Если никто не согласится поехать — забаррикадируемся на юте и будем защищаться. Если же поедет только часть команды, то могу поручиться, что Сильвер доставит их обратно на борт смирными, как овечки.

План был принят. Самым надежным — Хантеру, Джойсу и Редруту — вручили заряженные пистолеты и посвятили их в наши планы. Вопреки нашим ожиданиям, они не слишком удивились и отнеслись к нашему сообщению вполне сдержанно. Затем капитан поднялся на палубу и обратился к команде с краткой речью:

— Друзья! Сегодня был нелегкий день, и все порядком устали. Поэтому небольшая прогулка по суше, я думаю, никому не повредит. Шлюпки уже спущены. Садитесь и отправляйтесь на берег, у кого есть желание. За полчаса до захода солнца я велю подать сигнал выстрелом из пушки.

Похоже, что это дурачье вообразило, что на-

ткнутся на клад, едва ступят на берег. Они мигом повеселели и разразились таким «ура», что в утесах проснулось эхо, а перепуганные птицы вновь начали кружить над лесом.

После этого капитан спустился вниз, предоставив Сильверу распоряжаться на палубе. Останься он на палубе — и он больше не смог бы притворяться, что ничего не понимает. А дела обстояли так: команда бунтовщиков подчинялась теперь только Сильверу и его одного признавала капитаном. А мирные матросы — вскоре обнаружилось, что были на судне и такие, — оказались сущими глупцами. До поры до времени они шли за вожаками, но чересчур далеко заходить им не хотелось. Одно дело — побузить и уклониться от работы, и совсем другое — вооруженный бунт, захват судна и убийство ни в чем не повинных людей. Вполне достаточно, чтобы трижды повесить кого угодно.

После долгих споров команда разделилась так: шестеро остались на «Эспаньоле», а остальные тринадцать, в том числе и Джон Сильвер, начали грузиться в шлюпки.

Вот тут-то я вдруг и решился на отчаянный, совершенно безумный поступок, который впоследствии содействовал нашему спасению. Уже

стало ясно, что захватить судно без боя нам не удастся, поскольку Сильвер оставил на нем шестерых сообщников. А раз так — моя помощь здесь не потребуется. Поэтому я решил тоже отправиться на берег. Не колеблясь ни секунды, я перемахнул через борт и спустился в одну из шлюпок, которая тотчас отчалила.

Никто не обратил на меня внимания, и только передний гребец сказал:

— Это ты, Джим? Держи голову пониже.

Однако Сильвер, сидевший в другой шлюпке, внезапно обернулся и окликнул меня, словно желая убедиться, я ли это. Вот тогда-то я пожалел о своем опрометчивом поступке.

Моряки навалились на весла, словно соревнуясь друг с другом. Наша шлюпка оказалась легче, и гребцы в ней подобрались хоть куда, поэтому мы основательно опередили вторую шлюпку. Как только нос нашей шлюпки врезался в песок, я ухватился за свисавшую над водой ветку и, спрыгнув на берег, кинулся в чащу. Сильвер со своими людьми отстал от нас ярдов на сто.

— Джим, погоди, Джим! — кричал он мне вслед.

Не обращая внимания на его зов, я несся напролом сквозь чащу до тех пор, пока окончательно

не выбился из сил.

Глава 14
Первое убийство

Оттого, что мне удалось ускользнуть от Долговязого Джона, меня охватила радость. Настроение мое поднялось, и я начал с любопытством осматриваться. Я находился в совершенно незнакомой местности. Миновав болотистую низину, поросшую ивами, тростником и еще какими-то незнакомыми деревьями, я оказался на открытой песчаной равнине, протянувшейся на целую милю. Здесь росли редкие сосны и какие-то скрюченные деревья, похожие на дуб, но с серебристой листвой. Вдали виднелся один из холмов с блестевшей на солнце скалистой вершиной.

Впервые в жизни я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем: прибывшие со мной люди остались далеко позади, и здесь я мог встретить только диких зверей или птиц. Я осторожно пробирался между деревьями. Под ноги мне попадались странные цветы, а порой и змеи. Одна из них подняла голову из расщелины и зашипела, но мне и в голову не пришло, что это была ядовитая гремучая змея,

укус которой смертелен. Наконец я оказался в роще низкорослых вечнозеленых дубов с причудливо изогнутыми узловатыми ветвями и густой кроной. Роща спускалась с песчаного откоса к широкому, поросшему тростником болоту, через которое протекала одна из впадавших в залив речушек. Над болотом курились зеленоватые испарения, в знойной мгле впереди дрожали очертания Подзорной Трубы.

Внезапно в тростниках послышался шум. С перепуганным кряканьем взлетела дикая утка, за ней другая, и вот уже целая стая пернатых поднялась над болотом и закружила в воздухе. Я тотчас сообразил, что кто-то из нашей команды бредет через болото — и не ошибся. Вскоре послышались отдаленные голоса, которые, приближаясь, становились громче и отчетливей.

Я отчаянно испугался и спрятался в густых зарослях вечнозеленого дуба, затаившись, как мышь под веником.

Сначала до меня донесся один голос, который я не узнал, затем другой, принадлежавший Джону Сильверу. Джон говорил, не умолкая, а его спутник лишь изредка его прерывал. Разговор шел серьезный и на повышенных тонах, но слов разобрать я так и не смог.

Наконец собеседники умолкли и, по-видимому, присели перевести дух, так как шум их шагов стих, а птицы, успокоившись, снова начали опускаться на болото.

Неожиданно мне пришла в голову мысль, что я веду себя совершенно неправильно. Уж если я отважился на такое безумство, как поездка на остров в компании пиратов, то я должен по крайней мере подслушать, о чем они совещаются. Долг велит мне подобраться к ним как можно ближе, укрываясь в зарослях и не выдавая себя.

Я сумел довольно точно определить местоположение невидимых собеседников, а затем опустился на четвереньки и начал ползком приближаться к ним, время от времени приподнимая голову и вглядываясь в просветы листвы. Наконец на лужайке у края болота, в тени деревьев я увидел Джона Сильвера и еще одного моряка по имени Том. Стоя лицом к лицу, они о чем-то оживленно беседовали. В запале Сильвер швырнул на землю свою шляпу и чуть ли не с мольбой обращался к собеседнику.

— Дружище! — увещевал он. — Поверь, я желаю тебе только добра. Ведь если бы я не был привязан к тебе всей душой, разве стал бы я тебя предупреждать? Все уже готово, и ты ничего не

сможешь изменить. И если я говорю с тобой об этом, то только потому, что хочу тебя спасти. Если бы хоть один из них узнал, о чем мы с тобой тут толкуем, — как ты думаешь, что бы со мной сделали?

— Сильвер, — отвечал матрос, и я заметил, что его лицо побагровело, а голос зазвучал хрипло и надтреснуто. — Сильвер, ведь ты уже стар, тебя считают честным человеком. У тебя есть средства, каких нет у большинства моряков. И ты достаточно храбр, если это не пустая бравада. Неужели ты заодно с этими мерзавцами? Не могу поверить! Но знай: я скорей дам отсечь себе руку, чем нарушу свой долг…

Значит, нашелся хоть один честный человек среди нашей команды! И в ту же минуту я узнал, что есть, вернее, был, и другой такой же. Издалека, со стороны болота, раздался пронзительный человеческий вопль, словно призывающий на помощь. Потом вопль повторился еще раз, и все стихло. В скалах Подзорной Трубы отдалось эхо. Стаи болотных птиц снова поднялись и с криками закружились в воздухе.

Долго еще этот предсмертный вопль звучал у меня в ушах, хотя вокруг снова воцарилась полуденная тишина, прерываемая только хлопаньем

крыльев садящихся на воду птиц и отдаленным гулом прибоя.

Том вздрогнул, словно пришпоренная лошадь, но Сильвер и глазом не моргнул. Он стоял неподвижно, опираясь на костыль, не спуская глаз со своего собеседника, как готовящаяся к броску змея.

— Джон! — воскликнул матрос, простирая к нему руки.

— Руки прочь! — взревел Сильвер, отпрянув с быстротой и ловкостью циркового акробата.

— Хорошо, — отвечал матрос, — руки я уберу, раз ты боишься меня. Но это твоя нечистая совесть, Джон Сильвер, заставляет тебя бояться. Ради всего святого, скажи, что там произошло?

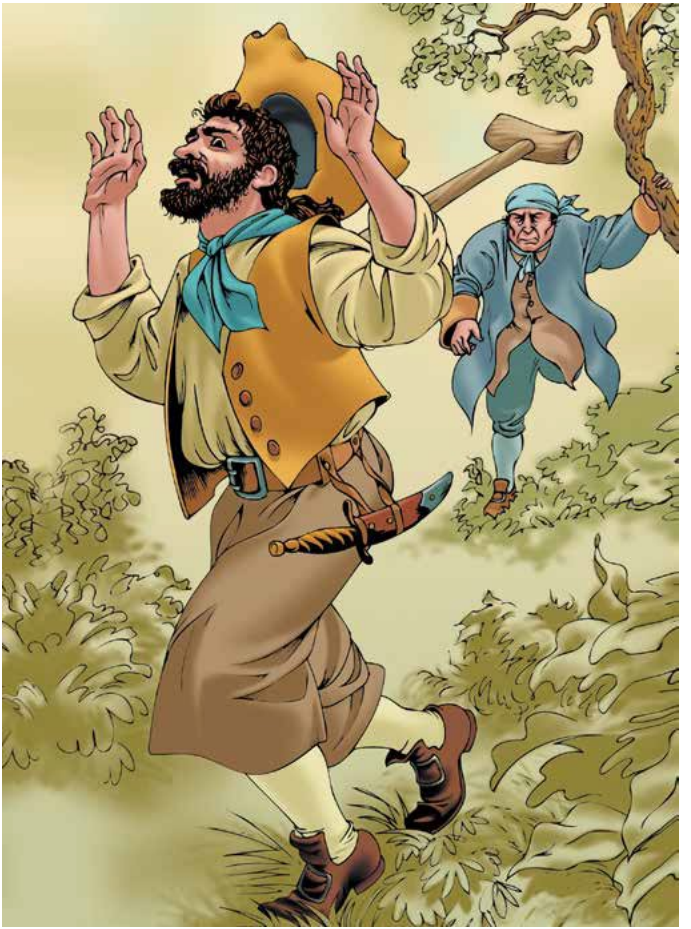
— Что? — переспросил Сильвер, злобно усмехаясь и сверкая глазами. — Я думаю, это был голос Алана.

Том сокрушенно воздел руки к небу.

— Алан! — воскликнул он. — Да примет Господь его душу — он умер как настоящий моряк. А тебя, Джон Сильвер, я больше не считаю своим товарищем. Даже если мне придется умереть как собаке, я все равно исполню свой долг. Вы убили Алана, верно? Можете убить и меня, но я вас презираю.

С этими словами он повернулся спиной к на-

шему коку и зашагал к берегу. Но уйти далеко ему не было суждено. Джон с глухим возгласом ухватился за дерево и изо всей силы: метнул свой тяжелый костыль в Тома. Удар пришелся в спину между лопатками и оказался настолько силен, что бедняга Том, взмахнув руками, рухнул на землю, как сноп.



Трудно сказать, насколько серьезно он был ранен. Судя по силе удара, можно было предположить, что у него сломан позвоночник. Но Сильвер не дал ему возможности даже пошевелиться. В одно мгновение он с обезьяньей быстротой подскочил к Тому на одной ноге и дважды по самую рукоятку всадил нож в его беззащитно распростертое тело. Я отчетливо слышал из кустов, как он тяжело сопел, нанося удары.

Мне никогда не случалось падать в обморок, но в ту минуту все поплыло у меня перед глазами. И Сильвер, и болото с птицами, и вершина Подзорной Трубы вихрем закружились в каком-то тумане, а в ушах у меня зазвучали колокола. Когда я пришел в себя, Сильвер уже стоял с костылем под мышкой и в шляпе. Перед ним на земле лежало неподвижное тело Тома, но убийца, не обращая на него ни малейшего внимания, невозмутимо вытирал пучком травы окровавленное лезвие.

Вокруг ничего не изменилось. Солнце по-прежнему беспощадно жгло курящееся паром болото и скалистые вершины. Я с трудом верил, что только что перед моими глазами совершено злодейское убийство.

Джон вытащил из кармана свисток и несколько

раз свистнул. Свист далеко разносился в полном зноя воздухе. Я не догадывался о значении этого сигнала, но мой страх от этого только усилился. Сейчас на свист явятся остальные и наверняка обнаружат меня. Они уже убили двоих, возможно, и меня ждет такая же судьба, как Алана и Тома!

Я осторожно пополз обратно, стараясь не производить ни малейшего шума. Я слышал, как Сильвер перекликается с остальными пиратами, и от их голосов у меня словно выросли крылья. Выбравшись из чащи, я бросился бежать, не разбирая дороги, — только бы оказаться подальше от убийц. Но с каждым шагом мой страх только возрастал, и наконец я окончательно впал в панику.

В самом деле — я находился в совершенно безвыходном положении. Разве мог я по пушечному сигналу вернуться к шлюпкам и усесться рядом со злодеями, на чьих руках еще не просохла кровь недавних убийств? И разве любой из них тут же не свернет мне шею, как куропатке? Разве мое отсутствие не доказало им с полной ясностью, что я обо всем догадываюсь и боюсь их как огня? Одним словом, я решил, что для меня все кончено. Прощай, «Эспаньола», прощайте, сквайр, доктор и капитан! Мне остается только умереть

— или от рук злодеев, или от голода и тоски на необитаемом острове!

Несмотря на эти мысли, я продолжал бежать, не разбирая дороги, и вскоре очутился у подножия небольшого холма с тремя остроконечными скалистыми вершинами, в той части острова, где вечнозеленые дубы росли уже не так густо и больше походили на деревья, а не на скрюченные кустарники. Изредка среди них попадались одинокие сосны-великаны в сотню футов высотой. Воздух здесь был куда свежее и чище, чем внизу у болота.

Но тут меня подстерегала другая опасность, и мое сердце снова замерло от ужаса.

Глава 15
Островитянин

С обрывистого каменистого откоса вдруг, шурша, посыпался гравий и, подпрыгивая, покатился между деревьями. Я невольно оглянулся и увидел что-то темное и косматое, мгновенно отпрянувшее за ствол сосны. Кто это был — медведь, человек или обезьяна, — я не успел рассмотреть. В испуге я замер на месте.

Итак, все пути отрезаны. На берегу — убийцы, в лесу подстерегает какое-то чудовище. Я предпочел известное неизвестному. Даже Джон Сильвер в ту минуту казался мне не столь ужасным, как неведомое порождение леса. Я повернул назад и, дико озираясь, помчался к шлюпкам. Однако это жуткое существо, видимо, сделав большой крюк и опередив меня, снова возникло у меня на пути. Я страшно устал, но даже и не будучи настолько утомленным, я не сумел бы состязаться в скорости с таким быстроногим врагом. Он перебегал от ствола к стволу с быстротой оленя, и при этом держался вертикально, как человек, хотя временами и пригибался, опира-

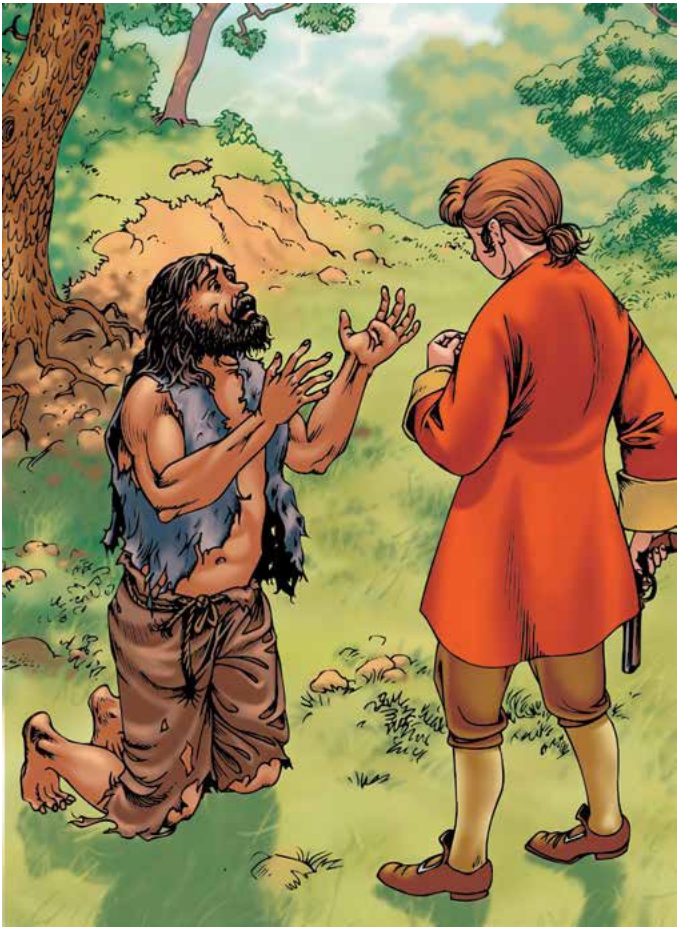
ясь передними конечностями на землю. Я уже почти не сомневался, что это дикое человеческое существо. Мне вспомнилось все, что я слышал о людоедах, и я уже готов был звать на помощь, но мысль, что передо мной находится все-таки человек, а не монстр, придала мне уверенности. Кроме того, во мне снова проснулся страх перед Сильвером. Я остановился, размышляя о том, как бы ускользнуть, и вдруг вспомнил о пистолете. Как только я убедился, что не беззащитен, ко мне вмиг вернулось мужество, и я решительно шагнул навстречу дикому обитателю острова.

Укрывшись за деревом, он продолжал следить за мной. Увидев, что я направляюсь к нему, он вышел из засады и остановился в нерешительности. Потом отступил назад и вдруг, к моему величайшему изумлению, опустился на колени и с мольбой простер ко мне руки.

Я снова остановился.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Бен Ганн, — ответил он хриплым, как скрежет ржавого замка, голосом. — Я — несчастный Бен Ганн. Вот уже три года я не видел ни одного человеческого лица!



Приглядевшись, я обнаружил, что передо мной такой же белый человек, как и я, с крупными и довольно приятными чертами лица. Однако кожа его так загорела на солнце, что даже губы стали черными, а светлые глаза необычайно резко выделялись на темном лице. Одежда его была изорвана и обтрепана так, как мне еще не приходилось видеть. Она состояла из клочьев старого паруса и изношенной матросской рубахи. Весь этот костюм был скреплен целой системой застежек, медных пуговиц и кусков просмоленной бечевки. Единственной целой вещью был кожаный пояс с тяжелой медной пряжкой.

— Три года! — воскликнул я. — Вы потерпели кораблекрушение?

— Нет, приятель, — отвечал он. — Меня высадили с корабля на необитаемый остров.

Я слышал об этом ужасном наказании, принятом у пиратов: виновного высаживали на какой-нибудь отдаленный остров и бросали на произвол судьбы, оставив ему оружие, инструменты и немного пороху.

— Я попал сюда три года тому назад, — продолжал он, — и с тех пор жил, питаясь дичью, ягодами и устрицами. Человек, оказывается, ко всему может приспособиться. Но как же я истос-

ковался без настоящей еды! Нет ли у тебя кусочка сыра? Нет? Какая жалость! Этот сыр, нарезанный ровными ломтиками, снился мне чуть не каждую ночь, и я просыпался в полном отчаянии…

— Если я благополучно попаду обратно на шхуну, то вы получите хоть целую головку сыру, — сказал я.

Он приблизился ко мне и стал с любопытством ощупывать мою куртку, гладить мои руки, разглядывать мои башмаки. Он радовался, как ребенок, снова увидев перед собой человека.

— Если ты попадешь обратно на шхуну? — повторил он вслед за мной. — Кто же может тебе помешать?

— О, вовсе не вы!

— Конечно же, не я! — воскликнул он. — А как твое имя, приятель?

— Джим, — ответил я.

— Джим, Джим… — стал повторять он с явным удовольствием. — Да, Джим, прежде я вел такую жизнь, что стыдно даже рассказывать. Ведь ты, например, глядя на меня, никогда не поверил бы, что моя мать была добрая и благочестивая женщина.

— Да уж, трудновато поверить, — честно признался я.

— Она была очень набожна, — продолжал он, — а я рос вежливым, благовоспитанным мальчиком и знал катехизис наизусть. А потом все переменилось, Джим, пошло вкривь и вкось. Все началось с игры в орлянку[24] на кладбище с мальчишками. И дальше я покатился, как с горы. Матушка предостерегала меня и оказалась совершенно права. Само провидение забросило меня сюда. Я о многом передумал в одиночестве и раскаялся. Теперь меня уже не подкупить ромом. Если я и выпью чуток, то только на радостях. Я дал зарок исправиться и сдержу слово. Но главное, Джим, — он с опаской оглянулся по сторонам и понизил голос, — ведь я теперь богач!

Я решил было, что несчастный свихнулся от одиночества, но он угадал эту мысль по выражению моего лица и начал горячо уверять меня:

— Да-да, Джим, я безмерно богат! Я и тебя выведу в люди! Ты будешь благословлять судьбу за то, что встретился со мной!

Вдруг по его лицу пробежала какая-то тень, и он, стиснув мою руку, угрожающе поднял палец, указывая на небеса:

— А теперь, Джим, скажи мне чистую правду.

---

[24] Сноски: 24

Орлянка — старинная азартная игра, распространенная во многих странах.

Уж не Флинта ли это шхуна?

Меня мгновенно осенила счастливая мысль. Я подумал, что Бен Ганн может встать на нашу сторону, и тотчас ответил:

— Нет, Флинт тут ни при чем, тем более что он уже покойник. Но я скажу вам правду, раз уж вы спрашиваете меня об этом: у нас на борту оказалось несколько человек из его команды, и это наше главное несчастье.

— Надеюсь, это не одноногий человек? — опасливо пробормотал он.

— Вы имеете в виду Сильвера? — спросил я.

— Верно, именно так его и звали!

— Он служит у нас коком и заправляет всей этой гнусной шайкой.

Бен Ганн снова схватил меня за руку и больно стиснул ее.

— Если тебя подослал ко мне Долговязый Джон, я окончательно погиб! — вскричал он. — Знаешь ли ты, где находишься?

И тогда я откровенно рассказал ему о том, как мы сюда попали и в каком невероятно сложном положении оказались. Он выслушал меня с глубочайшим вниманием, а когда я закончил, погладил меня по голове со словами:

— Ты славный парнишка, Джим, но все вы в

ловушке! Есть только один выход: доверьтесь Бену Ганну, и он вас выручит. Как, по-твоему, отнесется сквайр Трелони к человеку, который поможет ему выпутаться из беды?

Я горячо заверил его, что сквайр найдет способ отблагодарить его по заслугам.

— Видишь ли, в чем дело, — сказал Бен Ганн. — Мне вовсе не нужна какая-то там должность, Джим. Я хочу знать, согласится ли он выплатить мне хотя бы тысячу фунтов из тех денег, которые и без того принадлежат мне?

— В этом я совершенно уверен, — ответил я. — Вся команда должна была получить свою долю сокровищ.

— И он сможет доставить меня на родину? — неуверенно спросил бывший пират.

— Еще бы! — воскликнул я. — Наш сквайр — истинный джентльмен. К тому же, если мы избавимся от всех предателей и бунтовщиков, ваша помощь будет очень нужна на шхуне.

— Значит, вы так и поступите? — проговорил он, вздохнув с облегчением. — Тогда я расскажу кое-что о себе. Я служил на корабле Флинта, который назывался «Морж», когда он зарывал здесь сокровища. С ним сошли на берег шестеро здоровенных моряков. Они провели на острове

около недели, а мы оставались на судне. Наконец к кораблю пришвартовалась шлюпка — в ней находился один Флинт. Голова его была перевязана синим платком и, несмотря на багровый свет заходящего солнца, выглядел он смертельно-бледным. Остальные шестеро были убиты и похоронены где-то на острове. Как он с ними расправился, никто не знает. Скорее всего, они передрались, и он их всех прикончил. Билли Бонс был нашим штурманом, а Долговязый Джон — квартирмейстером, и они спросили Флинта, куда он спрятал сокровища. «Если хотите узнать, — ответил он, — отправляйтесь на берег и поищите. Но «Морж», дьявол его побери, не станет вас дожидаться...» А три года назад я плавал на другом судне, и мы как раз проходили мимо этого острова. «Парни, — сказал я, — мне известно, что Флинт зарыл здесь клад, и немалый. Давайте высадимся и поищем его». Капитану эта затея сильно не понравилась, но матросы были за меня, и мы сошли на берег. За двенадцать дней мы перерыли весь остров, и с каждым днем отношение ко мне становилось все хуже и хуже. Наконец все они погрузились в шлюпки и отчалили на судно, а мне сказали: «Вот тебе мушкет, Бен Ганн, нож, заступ и лом. Можешь искать денежки Флинта

хоть до конца своих дней». С тех пор, Джим, я уже три года живу здесь и ни разу в глаза не видел достойной человека пищи. Погляди на меня! Разве я похож на моряка? Да мне и самому порой кажется, что все это мне только приснилось…

При этих словах он подмигнул и слегка ущипнул меня.

— Так и скажи сквайру, Джим: он им никогда и не был. И еще скажи, что он три года прожил один на острове, и в зной, и в дожди. Иногда вспоминал о старухе-матери, которой давно уже нет на свете. Но большую часть времени старина Бен занимался совсем другими вещами. И при этом ущипни его вот эдак…

И он снова дружески ущипнул меня.

— Затем, — продолжал он, — скажи ему еще вот что: Ганн — толковый малый. И он знает разницу между настоящими джентльменами и джентльменами удачи, к которым и сам когда-то принадлежал.

— Из того, что вы тут наговорили, — сказал я, — я не понял и половины, но это сейчас и не важно. Потому что я даже не знаю, как мне попасть обратно на шхуну.

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Но ведь у меня есть лодка, которую я построил своими

руками. Она спрятана под белой скалой, и мы можем отправиться на ней, как только стемнеет. Погоди… А это что такое?

Над островом гулко прокатился пушечный выстрел, хотя до захода солнца оставалось еще часа два.

— Там идет бой! Скорее! За мной! — крикнул я и бросился бежать к стоянке шлюпок, позабыв всякий страх. Рядом со мной легко и проворно, как юноша, бежал бывший пират, узник необитаемого острова.

— Левее, левее, — приговаривал он. — Держи левее, дружище Джим, ближе к деревьям. Вот здесь я впервые подстрелил серну… Теперь они сюда уже не спускаются, а держатся выше, на холмах, боятся Бена Ганна… А вот и кладбище — видишь холмики? Я частенько приходил сюда и молился, хоть Библии у меня и нет…

Он болтал без остановки, пока мы бежали, а я только пыхтел и отдувался.

За пушечным выстрелом, после недолгого затишья, последовал ружейный залп. Затем наступила тишина, и вдруг я увидел, как на расстоянии четверти мили от нас над лесом взвился британский флаг.

Часть четвертая
В блокгаузе

Глава 16
Рассказ доктора Ливси о том, как была покинута «Эспаньола»

Обе шлюпки отчалили от «Эспаньолы» около половины второго, когда, выражаясь морским языком, пробило три склянки. Капитан, сквайр и я обсуждали в каюте создавшееся положение. Будь хоть легкий ветер, мы бы напали врасплох на шестерых мятежников, оставшихся на судне, а затем снялись бы с якоря и ушли в море. Но стоял полный штиль, а тут еще вошел Хантер и сообщил, что Джим Хокинс спустился в одну из шлюпок и вместе с бунтовщиками отправился на остров.

Разумеется, никто из нас не сомневался в Джиме, но мы ужасно за него тревожились. От этих негодяев можно было ожидать всего, и, сказать по чести, мы уже не надеялись увидеть его снова. Мы поспешили на палубу. Жара стояла такая, что смола вздувалась пузырями в пазах между палубными досками. В воздухе витал гнилостный запах. Несомненно, в этой бухте гнездились и желтая лихорадка, и дизентерия. Шестеро него-

дяев с надутым видом сидели под парусом на баке. На берегу близ устья речушки виднелись две вытащенные на песок шлюпки. Их охраняли два матроса, один из них насвистывал какую-то легкомысленную песенку.

Ожидание становилось невыносимым, и было решено, что мы с Хантером отправимся в ялике на разведку. Мы стали грести к берегу, приняв левее шлюпок — прямо к тому месту, где на карте был обозначен блокгауз[25]. Заметив нас, двое матросов у шлюпок, видимо, что-то заподозрили. Прекратив насвистывать, они начали о чем-то совещаться. Если бы они дали знать Сильверу, то, вероятно, все пошло бы иначе. Но, видно, им были даны соответствующие инструкции, поэтому они решили не поднимать тревогу и вернулись к своим занятиям.

Берег в этом месте делает небольшую излучину, и я специально правил так, что матросы-охранники потеряли нас из виду. Когда мы причаливали, шлюпок и в самом деле уже не было видно. Выскочив на берег, я помчался во весь дух, подложив под шляпу для защиты от солнца шелковый платок и держа на взводе пару пистолетов.

---

[25] Сноски: 25

Блогауз — небольшое бревенчатое укрепление, предназначенное не только для обороны, но и для проживания гарнизона.

Я не пробежал и сотни ярдов, когда заметил блокгауз. Он был выстроен на холме, с которого вниз сбегал чистый и прохладный ручей. В блокгаузе могли разместиться десятка два людей. В бревенчатых стенах были проделаны бойницы для стрельбы из ружей, а вокруг блокгауза находилось открытое пространство, обнесенное частоколом в шесть футов вышиной. Входа нигде не было видно. Перебраться через частокол можно было только с большим трудом, спрятаться за ним тоже было почти невозможно. Засев в блокгаузе, его гарнизон мог расстреливать атакующих, как куропаток, а при наличии солидного запаса пороха, пуль и провианта, мог выдержать осаду целого полка.

Мое внимание привлек ручей. У нас на «Эспаньоле» всего было вдоволь — оружия, амуниции и съестных припасов, но одно мы упустили из виду — пресную воду. Мои размышления внезапно прервал ужасный, скорее всего, предсмертный человеческий крик. Хоть мне не раз приходилось видеть убитых и раненых, поскольку я служил в войсках под командованием герцога Кемберленд-

ского[26] и сам получил ранение под Фонтенуа, однако сердце мое горестно сжалось. «Это Джим Хокинс, — невольно подумал я. — Он погиб!»

Я тотчас принял решение и поспешно вернулся к берегу. Хантер, к счастью, оказался превосходным гребцом. Лодка понеслась как стрела, и мы скоро очутились на борту шхуны.

Друзья мои были потрясены. Сквайр сидел бледный как мел. Этот добряк с горечью думал о том, в какую пучину опасностей он вверг нас всех. Один из шести оставшихся матросов, похоже, тоже чувствовал себя неважно.

— Парень, должно быть, еще новичок в таких делах, — заметил капитан Смоллетт, кивнув в его сторону. — Он чуть не упал в обморок, заслышав этот крик. Еще немного, и он будет наш!

Я изложил свой план капитану, и мы принялись обсуждать подробности.

Старину Редрута мы поставили в коридоре между каютой и кубриком, забаррикадировав его матрасами и дав ему четыре заряженных мушкета. Хантер подвел ялик к кормовому иллю-

---

[26] Сноски: 26

Уильям Август, герцог Кемберлендский (1721–1765) — сын короля Великобритании Георга II, известный военачальник. В 1745 г. командовал английскими войсками в Нидерландах и потерпел поражение от французов в битве при Фонтенуа.

минатору, и мы с Джойсом принялись нагружать его бочонками с порохом, мушкетами, сухарями, окороками, прихватили также бочонок бренди и мой саквояж с медикаментами.

Сквайр и капитан поднялись на палубу. Капитан окликнул боцмана, который остался за старшего над оставшимися матросами.

— Мистер Хендс, — сказал Смоллетт, — нас здесь двое, и у каждого пара заряженных пистолетов. Если кто-либо из вас подаст сигнал на остров, то будет убит на месте.

Мятежники сначала оторопели, потом, посовещавшись, бросились вниз, рассчитывая, видимо, атаковать нас с тыла. Но, обнаружив в тесном проходе Редрута с мушкетами, кинулись обратно.

— Прочь, пес! — гаркнул капитан, когда голова одного из них высунулась из люка. Голова моментально скрылась, и все шестеро перепуганных матросов куда-то исчезли.

Мы с Джойсом закончили погрузку и, гребя изо всех сил, устремились к берегу.

Вторая наша поездка уже всерьез встревожила пару матросов на берегу. Они перестали насвистывать, и еще до того, как мы обогнули мыс и скрылись, один из них выскочил из шлюпки и

понесся вглубь острова.

Сначала мне пришло в голову изменить свой план и захватить обе шлюпки, но я побоялся, что Сильвер и его сообщники находятся неподалеку, и, погнавшись за двумя зайцами, мы можем потерять все. Мы причалили там же, где и в первый раз, и принялись перетаскивать припасы в блокгауз, просто перебрасывая их через частокол. Затем, оставив для охраны блокгауза Джойса с шестью мушкетами, мы с Хантером вернулись к ялику за новой партией груза. Так мы в несколько приемов перетаскали все. Джойс и Хантер остались в блокгаузе, а я, работая веслами изо всех сил, направился к «Эспаньоле».

Мы решили еще раз нагрузить наш ялик. Хоть в этом и был риск, но не такой уж большой, как могло показаться. Враги превосходили нас числом, зато им не хватало оружия. У мятежников на берегу не было мушкетов, и еще до того, как они приблизились бы к нам на расстояние пистолетного выстрела, мы успели бы уложить не меньше полудюжины негодяев.

Сквайр поджидал меня у кормового иллюминатора. Он приободрился и повеселел. Подхватив брошенный мною конец, он подтянул ялик, и мы снова начали его нагружать. Груз состоял

в основном из свинины, пороха и сухарей. Мы захватили также мушкеты для меня, сквайра, Редрута и капитана. Оставшееся оружие и порох мы без всякого сожаления выбросили за борт. Сквозь прозрачную воду было видно, как на глубине двух с половиной саженей тускло поблескивает вороненая сталь, освещенная солнцем.

Как раз в это время начался отлив, и шхуна начала разворачиваться вокруг якорной цепи. Невдалеке от шлюпок на берегу послышались голоса. Хотя Джойса и Хантера, очевидно, еще не заметили, мы решили поторопиться.

Редрут покинул свой пост в проходе и спустился в ялик, который мы подвели к другому борту, чтобы забрать капитана Смоллетта.

— Эй, парни! — окликнул он все еще прятавшихся где-то матросов. Ответа не последовало.

— Я к вам обращаюсь, Абрахам Грэй! — загремел Смоллетт. — С вами говорит капитан судна!

И снова молчание.

— Грэй! — еще громче крикнул капитан. — Я покидаю судно и приказываю вам следовать за мной. Я знаю, что вы — хороший парень, да и остальные не так уж плохи, как могло бы показаться. Даю вам полминуты на размышление.

В ответ опять ни звука.

— Эйб, поторопитесь! — продолжал капитан. — Не заставляйте нас терять время понапрасну. Ведь я рискую жизнью и своей, и всех остальных джентльменов.

Снизу донесся шум борьбы, и на палубе внезапно появился матрос Эйб Грэй и бросился к капитану. С его щеки, рассеченной ножом, капала кровь.

— Я с вами, сэр, — выкрикнул он.

Оба прыгнули в ялик, и мы отчалили.

Но хотя мы и покинули «Эспаньолу» вполне благополучно, добраться до блокгауза оказалось далеко не так легко.

Глава 17
Продолжение рассказа доктора. Последний рейс на ялике

Наш последний, пятый по счету рейс завершился не вполне благоприятно.

Во первых, ялик был сильно перегружен. В нем сидело пятеро мужчин, причем трое из них — Трелони, Редрут и капитан — были рослыми, отменно упитанными мужчинами. Прибавьте к этому порох, окорока, бочонки с сухарями. Корма лодки осела, через борт то и дело перехлестывали волны. Моя одежда промокла насквозь, едва мы проплыли сотню ярдов. Только когда капитан заставил нас перераспределить груз, ялик пошел ровнее, хоти и грозил опрокинуться при первом неосторожном движении.

Во-вторых, начавшийся отлив сносил нас к юго-западу — то есть к тому самому узкому проливу, через который утром прошла наша шхуна. Сильное течение представляло серьезную опасность для перегруженной скорлупки. Больше того — оно все больше отдаляло нас от того места, куда нам следовало причалить. Еще немного

— и мы очутились бы как раз возле корабельных шлюпок, к которым в любую минуту могли вернуться пираты.

— Мне не удается править к блокгаузу, сэр, — сказал я капитану. Я сидел на руле, а они с Редрутом гребли. — Течение слишком сильное. Не могли бы вы приналечь на весла?

— Нет. Тогда ялик окончательно захлестнет, — ответил он. — Разворачивайтесь прямо против течения.

Нас несло к западу, но я взял курс на восток, заметив при этом:

— Так мы никогда не доберемся до берега.

— Это — единственный курс, которого мы должны держаться, — возразил капитан. — Если мы отклонимся, сэр, нам будет трудно найти место для высадки на сушу, не говоря уже об опасности нападения со стороны пиратов. Течение, я полагаю, скоро ослабеет, и мы сможем пристать.

— Оно уже слабеет, сэр, — заметил Грэй, сидевший на носу шлюпки. — Вы можете слегка отвернуть к берегу.

— Благодарю вас, приятель, — кивнул я.

Мы решили обращаться с этим парнем так, словно ничего не произошло и все это время он был заодно с нами.

Внезапно капитан произнес изменившимся голосом:

— Глядите-ка — пушка!

— Ну и что? — удивился я, решив, что он говорит о возможном обстреле блокгауза. — Они не сумеют доставить пушку на берег, а если даже ухитрятся, им не протащить ее через заросли…

— Взгляните-ка лучше назад, доктор, — перебил капитан.

Впопыхах мы совсем забыли про палубную пушку, и теперь пятеро разбойников хлопотали вокруг нее, снимая с орудия чехол из просмоленной парусины. Мы предусмотрели многое, но орудийный порох и ядра остались на «Эспаньоле», и разбойникам ничего не стоило добыть их из склада.

— Израэль служил канониром у Флинта, — заметил Грэй.

Я торопливо повернул ялик прямо к месту высадки. Отливное течение еще больше ослабело, и мы уже легко справлялись с ним, быстро приближаясь к берегу. Скверно было только то, что мы шли бортом к шхуне, представляя собой отличную мишень.

Я не только видел, но даже слышал собственными ушами, как негодяй Израэль Хендс с грохотом

катит по палубе ядро.

— Кто из вас лучший стрелок? — спросил капитан.

— Несомненно, Трелони, — ответил я.

— Мистер Трелони, не могли бы вы подстрелить одного-двух из этих молодчиков, желательно, самого Хендса? — обратился к сквайру капитан.

Трелони хладнокровно взял мушкет и осмотрел замок оружия.

— Только поосторожнее, сэр, — предупредил капитан, — не то вы перевернете ялик! Будьте все наготове, когда прогремит выстрел!

Сквайр вскинул мушкет, гребцы опустили весла, и мы слегка сдвинулись к противоположному борту, чтобы сохранить равновесие.

Пираты уже развернули пушку в нашу сторону, и Хендс, стоявший с прибойником[27] у жерла орудия, оказался прямо на виду. К несчастью, как раз в тот момент, когда Трелони выстрелил, Хендс наклонился, и пуля, просвистев над его головой, сразила одного из его сообщников.

На вопль раненого откликнулись не только те, кто его окружали, но и множество хриплых голосов с берега. Обернувшись, я увидел спешащих из

---

[27] Сноски: 27

Прибойник — железный прут для забивания порохового заряда в ствол орудия.

леса к лодкам пиратов.

— Они вот-вот отчалят, сэр, — сказал я капитану.

— Правьте к берегу! — выкрикнул он. — Теперь пора спасать себя, а не ялик. Если мы не успеем добраться до берега, все погибло.

— Они отплывают только на одной шлюпке, — доложил я. — Очевидно, остальные матросы бегут вдоль берега, чтобы отрезать нам путь.

— Не так-то легко пробраться через чащу и болото, — заметил капитан. — Моряки на суше — совсем не то, что в море. Меня больше беспокоит пушка «Эспаньолы». У нее очень точный бой. Предупредите, сквайр, если увидите зажженный фитиль. Мы тогда круто свернем.

Мы продвигались достаточно быстро и почти не зачерпывали воды. Оставалось не более тридцати — сорока взмахов весел, чтобы добраться до обнажившейся с отливом песчаной отмели под деревьями. Шлюпка пиратов догнать нас уже не могла, к тому же нас от них скрыл выступ мыса. Единственную опасность представляла корабельная пушка.

— Хорошо бы подстрелить еще хотя бы одного негодяя, — заметил капитан.

Разбойники орудовали на палубе, чувствуя

себя в полной безопасности. Они не обращали внимания даже на раненого, который силился отползти к фальшборту. Сквайр перезарядил мушкет и крикнул:

— Готово!

— Стоп весла! — прозвучала команда капитана.

Они с Редрутом начали так энергично табанить[28], что корма ялика погрузилась в воду. Сквайр выстрелил. И тотчас следом грянул орудийный выстрел — тот самый, который услыхал Джим. Куда полетело ядро, никто из нас не заметил, но мне показалось, что оно разорвало воздух прямо над нашими головами, впрочем, никому не причинив вреда.

Тем не менее ялик начал медленно погружаться в воду. Глубина, к счастью, в этом месте составляла всего три фута, и вскоре мы с капитаном уже стояли на дне. Остальным, кто все еще сидел в ялике, пришлось окунуться с головой, но и они тут же вынырнули, отфыркиваясь и отдуваясь.

В результате мы довольно дешево отделались — никто не погиб, все добрались до берега. Зато припасы наши были испорчены, а из пяти муш-

---

[28] Сноски: 28

Табанить — грести против хода лодки, чтобы остановить ее или заставить двигаться кормой вперед.

кетов сухими остались только два: мой, который я непроизвольно поднял над головой, погружаясь в воду, и мушкет капитана, висевший у него за спиной, замком кверху. Остальные три пока не годились для стрельбы. В довершение всех бед из леса послышались голоса пиратов.

Нам грозила опасность оказаться отрезанными от блокгауза. Помимо того, мы сомневались, смогут ли Хантер и Джойс вдвоем держать оборону против полудюжины негодяев. Насчет Хантера мы были спокойны, но Джойс внушал нам некоторые опасения — он был превосходным во всех отношениях камердинером, но никаким воякой.

Поэтому мы, торопясь изо всех сил, добрались вброд до берега, оставив на произвол судьбы ялик с грузом пороха и провизии.

Глава 18
Окончание рассказа доктора. Первый день осады

Едва ступив на сушу, мы бросились бежать через чащу, отделявшую нас от блокгауза. Голоса пиратов раздавались все ближе. Скоро мы услышали топот их сапог и треск ломающихся сучьев.

Я понял, что нам предстоит нешуточная схватка, и осмотрел свой мушкет.

— Капитан, — сказал я, — Трелони бьет без промаха, но его ружье хватило морской водицы. Уступите ему свое.

Они поменялись ружьями, и Трелони, по-прежнему невозмутимо спокойный и хладнокровный, на миг приостановился, чтобы проверить заряд. Только тогда я заметил, что Грэй совершенно безоружен, и отдал ему свой кортик. Он поплевал на ладонь, насупился и пару раз взмахнул клинком, со свистом рассекая воздух. По всему было видно, что наш новый союзник решил драться всерьез.

Пробежав еще шагов сорок, мы выбрались на опушку и оказались прямо перед блокгаузом.

Мы подошли к нему с южной стороны, и одновременно семеро пиратов во главе с боцманом Джоном Эндерсоном с воплями высыпали из леса у юго-западного угла частокола. Заметив нас, они остановились в замешательстве. Мы воспользовались этим и дали залп. Причем стреляли не только я и сквайр, но и Хантер с Джойсом из-за частокола. Четыре выстрела слились в один и сделали свое дело: один из пиратов повалился в песок, остальные поспешно скрылись в лесу.

Перезарядив мушкеты, мы прошли вдоль частокола, чтобы взглянуть на лежащего врага. Он был убит наповал — пуля попала прямо в сердце.

Мы еще не успели порадоваться нашему успеху, как из-за кустов грянул пистолетный выстрел, над ухом у меня просвистела пуля, и бедняга Том Редрут покачнулся и осел на землю. Мы со сквайром ответили на коварный выстрел, но поскольку стрелять нам пришлось наугад, наши заряды, скорее всего, пропали впустую. Снова зарядив ружья, мы бросились к бедняге Тому. Капитан и Грэй уже были возле него. Я сразу понял, что его положение безнадежно.

Вероятно, наш дружный огонь обратил пиратов в бегство, потому что мы без помех смогли перенести стонущего и истекающего кровью по-

жилого егеря через частокол в блокгауз. Бедняга ни разу ни на что не пожаловался, держался мужественно и даже ни разу не заворчал с первого дня наших приключений и до той минуты, когда мы уложили его, умирающего, в блокгаузе. Он героически защищал проход к каютам на шхуне, молчаливо и добросовестно исполнял любые приказания. И вот теперь этот старый верный слуга, настоящий друг, умирал на наших глазах.

Сквайр, опустившись перед ним на колени, поцеловал его руку и расплакался, как дитя.

— Доктор, я умираю? — спросил Том.

— Да, друг мой, — честно ответил я, — боюсь, жить тебе осталось совсем недолго.

— Хотел бы я перед смертью вернуть этим негодяям их пулю… — прошептал он.

— Том, — обратился к нему сквайр, — скажи, простишь ли ты меня?

— Сэр, разве я могу вас в чем-нибудь упрекнуть? — последовал ответ. — Будь что будет. Аминь!

Несколько минут Том лежал молча, а потом попросил, чтобы кто-нибудь прочел молитву. «Таков уж обычай, сэр», — прибавил он, словно извиняясь. Больше он не сказал ни слова, и вскоре дыхание его прервалось и он отошел.

Между тем капитан Смоллетт начал вынимать из своих туго набитых карманов всевозможные предметы: британский флаг, Библию, клубок бечевки, перо, бутылочку чернил, судовой журнал и свертки с трубочным табаком. Отыскав в ограде длинный сосновый шест, он с помощью Хантера укрепил его на кровле блокгауза, а затем, поднявшись наверх, собственноручно привязал к шесту и расправил британский флаг.

По-видимому, это доставило ему большое удовольствие. После этого капитан спустился вниз и принялся ревизовать наличные припасы, порох и оружие. При этом он изредка поглядывал на беднягу Тома, а когда тот испустил дух, капитан приблизился и накрыл его тело другим флагом.

— Не огорчайтесь, сэр, — сказал Смоллетт, пожимая руку сквайру. — Он погиб, исполняя свой долг, а воскресить старину Редрута мы, увы, не в силах.

Затем он отвел меня в сторону и спросил:

— Доктор Ливси, через какое время вы со сквайром ожидаете прибытия другого корабля, который, в случае, если мы не вернемся в срок, отправится нам на выручку?

Я ответил, что это дело долгое. Блендли обещал выслать за нами другую шхуну только в том

случае, если мы не дадим знать о себе до конца августа.

— Вот и посчитайте, когда этот корабль может оказаться здесь, — закончил я.

— Выходит, сэр, — сказал капитан, почесывая в затылке, — что даже при самом благоприятном стечении обстоятельств нам придется крайне туго.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Весьма жаль, сэр, что мы потеряли груз, находившийся на ялике в последнем рейсе. Пороха и пуль у нас в избытке, но провизии очень мало. Пожалуй, нам стоило бы даже порадоваться тому, что мы лишились одного едока.

При этом он указал на тело Редрута, накрытое флагом.

В этот момент высоко над крышей блокгауза со свистом и шумом пронеслось ядро и упало далеко в лесу.

— Ого! — воскликнул капитан. — Они таки начали обстрел. А ведь пороха у этих негодяев не так уж и много!

Второй залп оказался более удачным. Ядро упало у частокола, подняв тучу песка, но не причинив вреда укреплению.

— Послушайте, капитан, — сказал сквайр. —

Блокгауз не виден даже с мачты шхуны. Скорее всего, они целятся в наш флаг. Не лучше ли спустить его?

— Спустить британский флаг? — возмутился капитан. — Нет уж, сэр! Пусть это сделает кто угодно, только не я!

И все мы согласились с ним, причем не ради того, чтобы соблюсти морской обычай, но чтобы показать врагам, что мы не боимся их ядер.

Обстрел продолжался весь вечер. Ядра пиратских канониров или свистели высоко у нас над головами, или зарывались в песок перед блокгаузом. Осколки почти не причиняли нам вреда, хотя одно ядро все-таки попало в цель, пробив кровлю блокгауза и пол. Но мы скоро привыкли к этой бомбардировке и перестали обращать на нее внимание.

— Нет худа без добра, — заметил капитан. — Сейчас, судя по всему, все пираты собрались на судне. А поскольку отлив стоит на нижней отметке, наш ялик и припасы на нем показались из-под воды. Есть среди нас охотники, желающие отправиться за ветчиной-утопленницей?

Грэй и Хантер вызвались первыми. Вооружившись до зубов, они предприняли вылазку из блокгауза, но ветчина им не досталась. Пираты

оказались сообразительнее, чем мы предполагали, или понадеялись на огневую поддержку Хендса. Четверо или пятеро бродили в воде, вылавливая наши припасы и перетаскивая их в стоявшую неподалеку шлюпку. Один из матросов сидел в ней, время от времени начиная работать веслами, чтобы течение не сносило посудину, а Джон Сильвер, стоя на корме, командовал. Все они до единого были вооружены мушкетами, которые извлекли, вероятно, из потайного склада на судне.

Капитан уселся на обрубок бревна и принялся заполнять судовой журнал. Вот что он писал: «Александр Смоллетт — капитан, Дэвид Ливси — доктор, Абрахам Грэй — судовой плотник, Джон Трелони — владелец шхуны, Джон Хантер и Ричард Джойс — слуги владельца шхуны, — вот и все честные люди из команды «Эспаньолы», которые высадились на берег, имея припасов на десять дней, и подняли британский флаг над блокгаузом на Острове Сокровищ. Том Редрут, слуга владельца шхуны и его земляк, убит бунтовщиками; Джим Хокинс — юнга…»

Тут я невольно задумался о судьбе бедняги Джима. Внезапно снаружи донесся чей-то крик.

— Кто-то зовет нас, — сообщил Хантер, стояв-

ший на часах.

— Доктор! Сквайр! Капитан! Эй, Хантер, это вы? — продолжал звучать чей-то звонкий голос.

Я бросился к двери и с превеликой радостью увидел Джима Хокинса: целый и невредимый, он перебирался через частокол.

Глава 19
Рассказ Джима Хокинса. Гарнизон в блокгаузе

Как только Бен Ганн заметил над лесом британский флаг, он остановился, схватил меня за руку и присел.

— Там, наверно, твои друзья, — сказал он.

— Скорее всего, там бунтовщики, — ответил я.

— Быть этого не может! — вскричал он. — В глухом месте, где нет никого, кроме джентльменов удачи, Сильвер поднял бы черный пиратский флаг, можешь не сомневаться. Нет, там твои друзья. Вероятно, произошла стычка, они одолели противника, а теперь засели в блокгаузе, который когда-то выстроил Флинт. О, это был парень с головой! Только ром мог лишить его разума, и он никого не боялся, кроме, разве что, одноногого Сильвера.

— Ну что ж, раз за частоколом наши, надо идти туда!

— Ну уж нет, приятель, — возразил Бен, — погоди. Ты — славный парень, но еще совсем мальчишка. А Бен Ганн хитер. Даже ромом не

заманить меня туда, куда ты собрался. Сначала я должен повидаться с главным из ваших джентльменов и заручиться его словом. Не забывай об этом. Главное — вот так и скажи ему — побольше доверия, и при этих словах ущипни его вот эдак.

И он в третий раз с многозначительным видом ущипнул меня за руку.

— Когда же Бен Ганн понадобится тебе, ты знаешь, где его найти, Джим. На том же месте, где мы встретились сегодня. Тот, кто придет за ним, должен быть один и держать в руке белый платок. Скажи им, что у Бена Ганна есть на то важные причины.

— Хорошо. Мне кажется, я вас понимаю. Вы хотите что-то предложить и желаете видеть сквайра Трелони или доктора Ливси. И с вами можно встретиться там, где я вас нашел, верно? Но в какое время?

— Допустим, между полуднем и шестью часами вечера, — сказал он.

— Отлично. Тогда я иду.

— А ты ничего не забудешь, Джим? — спросил он с тревогой. — Скажи им, что мы должны поговорить как мужчина с мужчиной. Доверие возникает только при личной встрече. А теперь ступай, Джим. Надеюсь, если ты столкнешься

с Сильвером, то не выдашь ему Бена Ганна? А? Даже если он станет пытать тебя?

Его слова заглушил грохот пушечного выстрела. Шагах в ста от нас ядро рухнуло в чащу, ломая сучья. В тот же миг мы оба бросились бежать в разные стороны.

Обстрел продолжался целый час, и ядра то и дело шлепались в лесу. Я пробирался через заросли, прячась за стволами, и мне то и дело казалось, что следующее ядро летит прямо в меня. Потом я несколько попривык, но все равно еще не решался приблизиться к блокгаузу, вокруг которого ядра падали особенно часто. Сделав большой крюк, я оказался в рощице на берегу и залег там, решив понаблюдать за шхуной.

Солнце уже село, вечерний бриз ворошил листву деревьев и рябил свинцовую поверхность залива. Обнажившиеся во время отлива отмели тянулись далеко от линии прибоя. Воздух после дневного зноя быстро остывал; я начал зябнуть в своей куртке.

«Эспаньола» стояла на якоре на прежнем месте, над ней развевался черный пиратский флаг. Наконец на палубе шхуны в последний раз блеснул багровый огонек, и по острову эхом прокатился последний пушечный выстрел. Обстрел завер-

шился.

Лежа в своем укрытии, я следил за пиратами. Несколько человек неподалеку от блокгауза зачем-то рубили топорами судовой ялик. Близ устья речушки горел большой костер, а между берегом и шхуной беспрерывно сновала шлюпка. Матросы, еще нынче утром выглядевшие угрюмыми и недовольными, теперь слаженно гребли и весело перекликались. По их голосам я догадался, что тут не обошлось без рома.

В конце концов я решился подобраться к блокгаузу. Я находился довольно далеко от него, у основания низкой песчаной косы, замыкавшей бухту с востока и почти достигавшей до Острова Скелета. Поднявшись на ноги, я увидел неподалеку приметную белую скалу, возвышавшуюся среди низкорослого кустарника. Я подумал, что это и есть та самая белая скала, о которой упоминал Бен Ганн, и что, если мне понадобится лодка, я буду знать, где ее отыскать.

Я продрался сквозь заросли, приблизился к частоколу с тыльной стороны и стал кричать. Нечего и говорить, что друзья встретили меня с непередаваемой радостью и воодушевлением.

Подробно поведав им о своих приключениях, я отправился осматривать блокгауз. Его стены,

кровля и пол были сложены из неотесанных сосновых бревен. Настил пола в некоторых местах поднимался фута на полтора над землей. Рядом со входом бил небольшой родник. Струйка воды стекала в некое подобие бассейна, роль которого играл здоровенный чугунный котел с прохудившимся дном, врытый в песок «по самую ватерлинию», как выразился капитан.

Внутри блокгауз был почти пуст, и только в одном углу виднелся грубо сложенный из камней очаг с железной решеткой для углей. Все деревья со склона холма и внутри частокола были срублены и пошли на постройку. Судя по пням, раньше здесь шумела целая роща. Во многих местах, очевидно, из-за ливней, песчаный грунт был размыт, осыпался и осел. Только там, где из котла вытекал ручеек, росли зеленый мох, папоротник и низкорослый ползучий кустарник. С внешней стороны недалеко от частокола начинался старый сосновый лес, а ближе к берегу моря виднелись вечнозеленые дубы.

Резкий ночной ветер задувал во все щели блокгауза и засыпал пол мелким песком. Песок попадал в глаза, хрустел на зубах и плясал в котле с водой, словно крупа в супе. Отверстие в кровле заменяло дымоход, но дым его игнорировал и

расползался по всему помещению, вынуждая нас кашлять и утирать слезы.

Наш новый сторонник Грэй, получивший от пиратов удар ножом в лицо, сидел у стены с перевязанной доктором щекой, а рядом неподвижно лежало все еще не погребенное тело бедняги Тома Редрута, прикрытое флагом.

Если бы мы сидели сложа руки, то, должно быть, быстро впали бы в уныние. Но капитан Смоллетт не терял времени даром. Созвав нас, он разделил весь маленький гарнизон блокгауза на два отряда: в один попали доктор, Грэй и я, в другой — сквайр, Хантер и Джойс. Несмотря на общую усталость, двоих отправили в лес по дрова, а еще двое начали копать могилу для Редрута. Доктор взял на себя обязанности повара, меня поставили караулить вход, а капитан расхаживал между нами, подбодряя нас и помогая, если в том возникала нужда. Время от времени доктор, надышавшись дыма, выскакивал из помещения с красными слезящимися глазами, чтобы глотнуть чистого воздуха. При этом мы с ним успевали перекинуться словечком.

— Каким же молодчиной оказался наш Смоллетт! — восклицал доктор. — Даже почище меня. А уж если я так говорю, то это что-нибудь да зна-

чит, Джим!

В другой раз он помолчал немного, потом, склонив голову набок, взглянул на меня и спросил:

— А надежный ли человек Бен Ганн, как по-твоему?

— Не знаю, сэр, — отвечал я, — мне кажется, что он немного не в своем уме.

— Вполне возможно, — согласился доктор. — Человек, который три года грыз ногти на необитаемом острове, не может быть в таком же порядке, как я или ты, Джим. Это противоречит законам природы. Ты говоришь, он истосковался по сыру?

— Да, сэр.

— Превосходно, Джим. Полезно быть лакомкой. Ты, наверно, не раз видел мою табакерку, но ни разу не видел, чтобы я нюхал из нее табак. И все потому, что в табакерке у меня лежит кусок пармезана — отменного итальянского сыру. Его-то мы и преподнесем Бену Ганну!..

Перед ужином мы похоронили старого Тома, после чего постояли несколько минут, обнажив головы, у его песчаной могилы. Посланные в лес доставили огромную вязанку хвороста, но капитан остался недоволен и сказал, чтобы завтра мы работали поживее. Затем каждый из нас прогло-

тил свою порцию ветчины и запил ее стаканом горячего грога.

Сквайр, доктор и капитан долго совещались между собой, но, видимо, так ни к чему и не пришли. Провизии у нас было так мало, что мы рисковали умереть с голоду задолго до прибытия помощи. У нас оставалась единственная надежда — перебить как можно больше пиратов, заставить оставшихся спустить черный флаг и покинуть остров на «Эспаньоле». Из девятнадцати негодяев теперь осталось только пятнадцать, причем двое из них были ранены. Мы должны были беречь своих людей и истреблять пиратов при всяком удобном случае. У нас было только два надежных союзника: ром и губительный климат.

Ром уже взялся за дело: до поздней ночи с берега до нас доносились пьяные вопли и пение пиратов. Что касается климата, то доктор готов был прозакладывать свой парик, если через неделю половину пиратов не свалит с ног лихорадка, так как они разбили свой стан у болота и не имеют никаких лекарств.

— В общем, — говорил доктор, — если они не перебьют нас всех сразу, то им скоро придется вернуться на шхуну и заняться прежним ре-

меслом — пиратством.

— Это первое судно, которое мне довелось потерять, — недовольно проворчал капитан Смоллетт.

Я отчаянно устал, хотя еще долго ворочался, прежде чем уснуть. Но уж потом спал как убитый.

Все уже встали, успели позавтракать и натаскать немало хвороста для очага, когда меня вдруг внезапно разбудили шум и крики.

— Белый флаг, знак перемирия, — сказал кто-то прямо у меня над ухом, а затем послышался чей-то изумленный возглас:

— Да ведь это же сам Сильвер!

Я вскочил на ноги и, наспех протирая глаза, бросился к ближайшей бойнице.

Глава 20
Переговоры с Сильвером

В самом деле — к частоколу приближались двое пиратов. Один из них размахивал белой тряпкой, а другой — Долговязый Джон собственной персоной — вприпрыжку шествовал рядом.

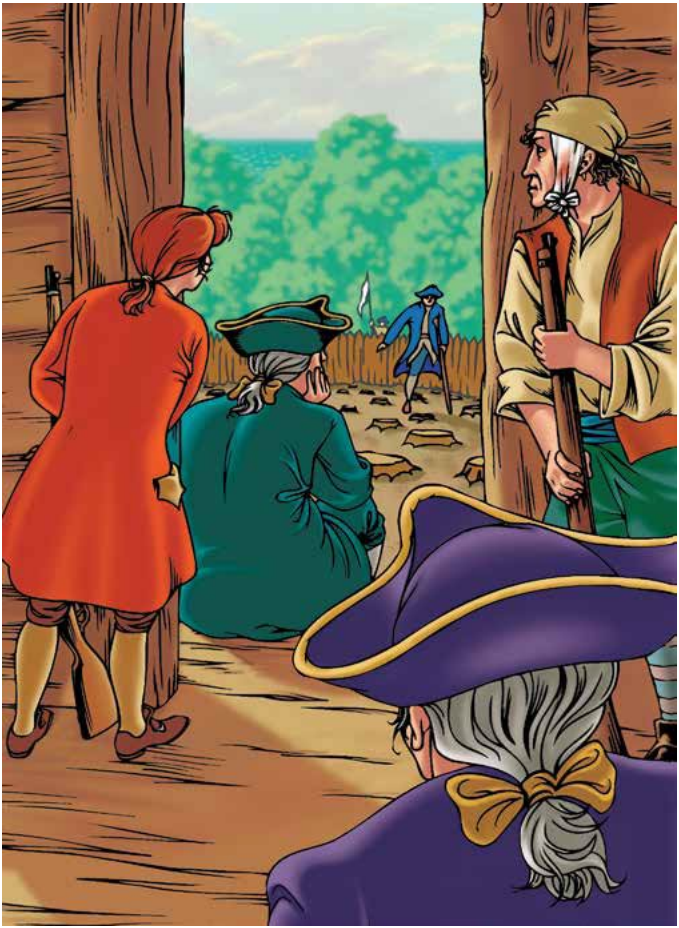
Едва рассвело, и холод пронизывал до костей. Небо было ясным и безоблачным, вершины деревьев начинали розоветь. Сильвер и его спутник остановились в тени, стелившийся над болотом туман клубился у их ног.

— Все по местам! — скомандовал капитан. — Они затевают какую-то хитрость.

Затем он крикнул, обращаясь к пиратам:

— Стойте, где стоите, или мы откроем огонь!

— Да ведь мы же с белым флагом! — отозвался Сильвер.



Капитан стоял на крыльце блокгауза, готовый в любое мгновение нырнуть в укрытие, если пиратам вздумается предательски выстрелить.

Обернувшись, он приказал нам:

— Вахта доктора — к бойницам! Доктор, следите за северной стеной, Джим — за восточной, Грэй пусть возьмет под наблюдение западную сторону. Остальные будьте наготове. Действуйте быстро и будьте осмотрительны.

Затем он снова обратился к пиратам:

— Чего вы хотите и что означает эта ваша белая тряпка?

На этот раз ответил не Сильвер, а другой пират:

— Капитан Сильвер, сэр, приглашает вас прибыть на шхуну и заключить перемирие.

— Капитан Сильвер? Никогда не слыхал про такого. Где он? — язвительно осведомился Смоллетт и добавил как бы про себя: — Он уже капитан! Вот так повышение!

— Это я, сэр, — ответил Долговязый Джон. — Команда выбрала меня капитаном после вашего дезертирства, сэр. — Слово «дезертирство» Сильвер произнес с особым нажимом. — Но мы готовы снова служить под вашей командой, если договоримся об условиях перемирия. Дайте честное

слово, капитан Смоллетт, что не откроете пальбу прежде, чем я отойду от частокола.

— У меня нет ни малейшего желания вступать с вами в какие-либо переговоры, — ответил Смоллетт. — Если уж вам так невтерпеж — ступайте сюда. Но если замышляете предательство — берегитесь!

— Довольно, капитан! — весело выкрикнул Долговязый Джон. — Одного вашего слова нам достаточно. Мы оба джентльмены и вполне можем доверять друг другу.

Мы заметили, что пират с белым флагом пытается удержать Сильвера. И он был прав, если учесть не слишком любезный тон капитана. Но Сильвер только расхохотался в ответ и хлопнул сообщника по плечу, будто сама мысль о какой-либо опасности представлялась ему нелепой. Он направился к частоколу, перебросил через него свой костыль, а затем с необычайной быстротой и ловкостью перебрался и сам.

Мне стало отчаянно любопытно, что же будет дальше, и в результате я забыл о своих обязанностях. Я даже оставил свою бойницу и встал позади капитана, который сидел на пороге, уперев локти в колени, и задумчиво созерцал воду в чугунном котле, машинально насвистывая

какую-то песенку.

Сильвер все еще взбирался по крутому откосу. На сыпучем песке, вдобавок усеянном пнями, он со своим костылем выглядел столь же беспомощным, как линейный корабль на мели. Но он мужественно одолел все препятствия и приблизился к капитану, отдав ему честь. На Сильвере красовался его лучший наряд: длинный, до колен, синий кафтан со множеством медных пуговиц, а на голове — новехонькая треуголка.

— Вот и вы, приятель! — отвечал капитан, даже не взглянув на парламентера. — Садитесь.

— Не позволите ли войти, капитан? Утро слишком холодное, чтобы рассиживаться на сыром песке, — пожаловался Сильвер.

— Если бы вы остались честным человеком, то и сидели бы теперь в тепле на своем камбузе, — возразил капитан. — Так что пеняйте на себя. Когда вы служили коком, то с вами и обращались достойно, а теперь, Джон Сильвер, вы, сказать по чести, просто мятежник и пират, ничего не заслуживающий, кроме виселицы.

— Ну что ж! — неохотно согласился Сильвер, опускаясь на песок. — Подадите мне только потом руку, чтобы я смог подняться… А неплохое у вас тут местечко! И ты здесь, Джим? Доброе утро!

Мое почтение и вам, доктор Ливси! Да вы, оказывается, все тут в сборе, как счастливое семейство, да будет мне позволено так выразиться!

— Ближе к делу, приятель, — перебил его капитан.

— Вы абсолютно правы, капитан Смоллетт, — ответил Сильвер. — Дело прежде всего, это несомненно. Итак, вынужден признать, что вы провернули ловкое дельце этой ночью. Оно оказалось полной неожиданностью не только для моих людей, но и для меня самого. Поэтому я и явился сюда. Но заметьте, капитан, во второй раз вам это не удастся, черт побери! Мы выставим часовых и уменьшим порции рома. Может, вы думаете, что мы все перепились? Но, уверяю вас, я-то был совершенно трезв, только устал, как пес. Если б я проснулся секундой раньше, мы бы схватили вас на месте. Ведь он еще дышал, когда я подошел к нему!

— Продолжайте, — хладнокровно проговорил капитан Смоллетт.

Слова Сильвера оставались для него полной загадкой, но капитан не подал виду. Что касается меня, то я кое о чем начинал догадываться. Мне вспомнились последние слова Бена Ганна, и я сообразил, что это он нанес ночью неожиданный

визит в становище пиратов, когда они, мертвецки пьяные, храпели вповалку вокруг костра. Итак, вместо пятнадцати врагов теперь оставалось только четырнадцать.

— Дело, собственно, вот в чем, — продолжал Сильвер. — Мы хотим заполучить клад. И только. А вы, разумеется, хотите спасти свою жизнь. Но ведь карта у вас, верно?

— Вполне возможно, — ответил капитан.

— Не отрицайте, я знаю: она у вас. Нет смысла запираться, это не принесет вам никакой пользы, будьте уверены. Итак, нам нужна карта. Я хочу получить ее, и тогда мы не сделаем вам ничего худого. Иначе говоря, оставим в покое.

— Вам не провести меня, приятель, — перебил капитан. — Мы прекрасно знаем, как вы собирались поступить с нами. Но теперь вы убедились, что это не так-то просто.

С усмешкой взглянув на Сильвера, капитан начал неторопливо набивать трубку.

— Если Эйб Грэй… — начал было Сильвер.

— Чепуха, — перебил капитан Смоллетт. — Грэй ничего мне не говорил, а я у него ничего не спрашивал. Скажу больше — я с удовольствием бы взорвал к дьяволу и вас, и всю вашу шайку, и весь этот проклятый остров! Вот что я думаю об

этом, приятель!

Эта гневная вспышка заставила Сильвера, который уже начал было сердиться, взять себя в руки.

— Каждый волен думать и делать то, что ему хочется, — пожал плечами он. — Я вижу, вы собираетесь закурить, капитан, и, с вашего позволения, я сделаю то же.

Он набил трубку и раскурил ее. Оба довольно долго сидели молча, пуская облачка табачного дыма и время от времени поглядывая друг на друга. Забавно было наблюдать за ними — оба будто разыгрывали какую-то пантомиму.

— Вот наши условия, — наконец нарушил молчание Сильвер. — Вы отдадите нам карту, чтобы мы могли заняться поисками клада, и прекратите расстреливать ничем не провинившихся матросов и уж тем более проламывать им головы во сне. Если вы на это согласны, то мы предлагаем вам на выбор два пути. Первый: как только мы найдем клад и погрузим его в трюм, вы сможете вернуться на шхуну. Даю слово моряка, что высажу вас целыми и невредимыми на каком-нибудь обитаемом побережье. Второй: вы остаетесь на острове. Мы разделим поровну все припасы, и я сообщу капитану первого же встреченного мною

корабля о том, что вы потерпели кораблекрушение у этих берегов и нуждаетесь в помощи. Думаю, надеяться на лучшие условия вам не приходится. И надеюсь, — тут Сильвер повысил голос, — что все, кто находятся в блокгаузе, слышат мои слова.

Капитан Смоллетт поднялся и выбил пепел из трубки.

— И это все? — осведомился он.

— Это мое последнее слово, будь я проклят! — ответил Джон. — Если вы откажетесь, то с вами будут говорить наши мушкеты.

— Превосходно, — сказал капитан. — А теперь выслушайте меня. Если вы явитесь сюда поодиночке и без оружия, то я всего лишь закую всех вас в кандалы и доставлю в Англию, где вас будут судить по закону. В противном случае вас ждет гораздо худшая участь — это так же верно, как то, что меня зовут капитан Смоллетт и что я представляю на острове власть короля. Клад вам не найти. Вести судно вы не умеете — ни один из вас понятия не имеет о навигации. Сражаться вы тоже не мастера: один Эйб Грэй справился с пятерыми вашими пиратами и ушел почти невредимым. Вы крепко сели на мель, Сильвер, и не скоро сниметесь с нее. Вот вам мое последнее

слово. Клянусь, что при следующей нашей встрече я всажу вам пулю в лоб. А теперь убирайтесь отсюда, и поживее!

Глаза Сильвера вспыхнули бешенством. Он сунул в карман еще дымящуюся трубку и крикнул:

— Дайте руку, чтобы я мог встать!

— Не дам! — отказался капитан.

— Кто поможет мне встать?! — взревел Сильвер.

Никто не тронулся с места.

Сильвер, изрыгая грязные ругательства, подполз к крыльцу и поднялся на ноги, цепляясь за перила. После чего с бешеной злобой плюнул в наш родник.

— Вот что я думаю о вас, — сипло выкрикнул он. — Не пройдет и часа, как я поджарю вас в этом блокгаузе, а сам буду смеяться, глядя на это, и попивать ром. Смейтесь, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному, и те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!

Продолжая осыпать нас бранью, Сильвер заковылял по песку, попытался перелезть через частокол, неуклюже упал, поднялся, рыча от ярости, и лишь с помощью своего спутника с белым флагом перебрался на другую сторону и скрылся среди деревьев.

Глава 21
Атака

Как только Сильвер скрылся, капитан, проводив его взглядом, вернулся в блокгауз и, заметив, что на посту стоит один Грэй, рассвирепел.

— По местам! — взревел он, и мы опрометью кинулись каждый к своей бойнице.

— Грэй, — добавил он — я занесу ваше имя в вахтенный журнал. Вы исполнили свой долг, как истинный моряк. А вашим поведением, мистер Трелони, я очень удивлен! Доктор Ливси, ведь вы носили военный мундир! Если вы так же действовали в битве при Фонтенуа, то лучше бы вам оставаться дома!

Отряд доктора замер у бойниц, а остальные взялись заряжать мушкеты. Все чувствовали себя несколько смущенными.

Капитан еще раз обвел нас взглядом, а потом снова заговорил:

— Друзья! Я дал, как говорится, залп из всех орудий по Джону Сильверу и преднамеренно привел его в бешенство. Не пройдет и часа, сказал он, как нас атакуют. Нас немного, но сражаться

мы будем под прикрытием. Я не сомневаюсь, что мы отбросим их, если будем держаться стойко и не совершать необдуманных шагов.

В двух коротких стенах блокгауза — восточной и западной — находилось только по две бойницы; в южной, где находился вход, — тоже две, зато в северной — целых пять. На семерых стрелков у нас было двадцать мушкетов. Предусмотрительно запасенный хворост мы сложили в четыре штабеля — каждый у своей стены, на них лежали по четыре заряженных мушкета, боеприпасы и кортики.

— Погасите огонь в очаге, — приказал капитан, — чтобы дым не ел глаза и не мешал целиться.

Сквайр Трелони вытащил наружу железную решетку и разбросал по песку дымящиеся угли.

— Хокинс еще не завтракал, — заметил капитан. — Джим, бери свою порцию и съешь ее на посту. И не растягивай удовольствие — времени у нас совсем мало. Хантер, выдайте всем по порции грога!

Пока мы занимались этим, в голове капитана уже созрел план обороны.

— Доктор, я поручаю вам дверь. Наблюдайте за частоколом, но ни в коем случае не высовывай-

тесь. Прячьтесь за дверным косяком и стреляйте из двери. Хантер, станьте на восточной стороне, а вы, Джойс, возьмите на себя западную… Мистер Трелони, вы лучший стрелок — вам поручается северная сторона, где пять бойниц. Отсюда нам грозит самая серьезная опасность. Если они подберутся к блокгаузу и начнут стрелять внутрь через бойницы, нам придется туго… Хокинс, мы с тобой неважные стрелки, поэтому будем заряжать мушкеты и помогать всем, кому понадобится помощь.

Как только солнце поднялось над вершинами деревьев, стало жарко, и туман рассеялся. Песок раскалился, на бревнах блокгауза выступила растаявшая смола. Мы сбросили куртки, расстегнули вороты рубах и засучили рукава до самых плеч. Все стояли на своих местах, изнывая от жары и тревоги. Так прошел целый час.

— Черт побери! — наконец воскликнул капитан. — Становится скучновато. Грэй, насвисти нам хотя бы какую-нибудь песенку!

Тут-то и обнаружились первые признаки того, что пираты не отказались от попытки взять блокгауз штурмом.

— Прошу прощения, сэр, — вдруг спросил Джойс, — должен ли я стрелять, если увижу ко-

го-нибудь?

— Разумеется! — откликнулся капитан.

— Благодарю вас, сэр, — невозмутимо проговорил Джойс.

Еще ничего не происходило, но вопрос Джойса заставил нас насторожиться. Стрелки держали мушкеты наизготовку, а капитан стоял в центре сруба, крепко сжав губы и нахмурившись. Так прошло несколько секунд. Неожиданно Джойс поднял мушкет и выстрелил. В ответ на его выстрел со всех сторон затрещали ружья и пистолеты.

Несколько пуль угодили в бревна блокгауза, но ни одна не попала внутрь. Когда пороховой дым рассеялся, вокруг частокола и в лесу по-прежнему было тихо и пустынно. Ничто не говорило о присутствии врага — не было ни бликов на стволах ружей, ни звука шагов, ни хруста валежника в чаще.

— Попали в кого-нибудь? — спросил капитан.

— Нет, сэр, — ответил Джойс. — Думаю, что нет.

— Заряди его ружье, Хокинс, — проворчал капитан Смоллетт. — Сколько выстрелов вы насчитали со своей стороны, доктор?

— Три. Это совершенно точно, — ответил док-

тор Ливси. — Я видел три вспышки — две почти рядом и еще одну немного западнее.

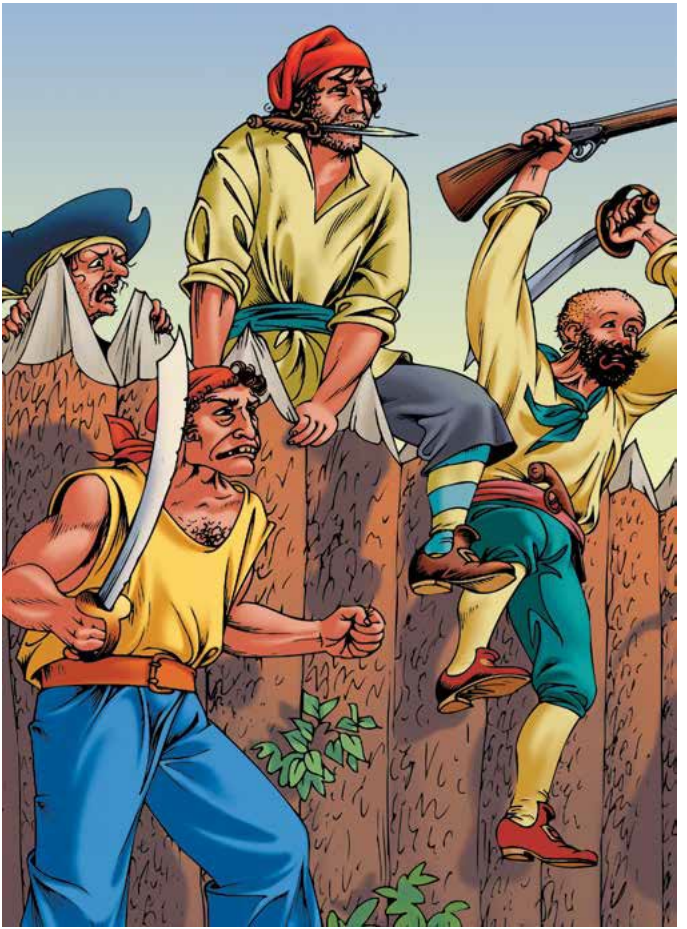
— Три! — повторил капитан. — А с вашей, мистер Трелони?

Сквайр насчитал семь выстрелов, а Грэй восемь или даже девять. С западной и восточной стороны было сделано всего по одному выстрелу. Очевидно, атаки следовало ожидать с севера, а обстрел с других сторон должен был только отвлечь наше внимание и распылить силы. Однако капитан Смоллетт не стал менять расстановку стрелков. «Если пиратам удастся перебраться через частокол, — сказал он, — то они могут ринуться к свободным бойницам и перестрелять нас всех, как крыс».

Впрочем, времени на размышление нам дали совсем немного. Минутой позже из зарослей с северной стороны с воплями выскочило несколько пиратов и устремились к частоколу. Из чащи тоже загремели выстрелы. Одна пуля, влетев в дверной проем, разбила в щепки приклад мушкета доктора.

Атакующие проворно, как обезьяны, начали перебираться через частокол. Сквайр и Грэй выстрелили дважды. Трое пиратов свалились: один внутрь, двое наружу. Впрочем, один из них

упал не от раны, а с перепугу, потому что тут же вскочил и со всех ног бросился в лес.



Двое остались лежать, один убежал, но четверо негодяев все же преодолели частокол. Еще семь или восемь пиратов, засевших в чаще, непрерывно обстреливали блокгауз, впрочем, не причиняя нам особого вреда.

Эти четверо, подбадриваемые криками сообщников из лесу, с ревом бросились к блокгаузу. Наши стрелки заторопились, поэтому ни один их выстрел не достиг цели. А в следующее мгновение пираты оказались у стен строения. В средней бойнице возникла физиономия боцмана Джона Эндерсона.

— Бей их, парни! Бей их! — ревел он громовым голосом.

В ту же минуту другой пират, просунув руку в бойницу, выхватил мушкет у Хантера и так ударил его прикладом, что бедняга рухнул на пол без сознания. Третий пират, обежав вокруг блокгауза, вынырнул у двери и бросился на доктора с кортиком.

Наше положение резко изменилось к худшему. До сих пор мы стреляли из укрытия, а теперь должны были схватиться с пиратами врукопашную.

Блокгауз наполнился пороховым дымом, в ушах у меня стоял гул от неистовых криков и

пистолетных выстрелов.

— На вылазку, друзья, вперед! Кортики! — кричал капитан.

Я выхватил из кучи оружия кортик. Кто-то из наших, тоже хватая кортик, чиркнул меня клинком по руке, но я даже не почувствовал боли. Я выскочил из блокгауза, кто-то бежал позади, но оглядываться я не мог. Доктор отразил атаку пирата и, заставив его отступить, выбил у него из рук оружие, а потом ударом клинка опрокинул навзничь.

— Держитесь у стен, огибайте здание! — командовал капитан. Несмотря на суматоху, я заметил некую перемену в его голосе.

Я машинально повиновался и с поднятым кортиком обогнул восточный угол блокгауза, где неожиданно нос к носу столкнулся с Эндерсоном. Боцман дико взревел и замахнулся на меня, его клинок сверкнул на солнце. Я не успел даже испугаться, но, уклоняясь от удара, оступился на песке и покатился вниз по откосу.

Еще выскакивая из блокгауза, я видел, как остальные пираты лезут через частокол, чтобы покончить с нами. Один из них, в красном ночном колпаке, держа кортик в зубах, уже перекинул ногу на нашу сторону, готовясь спрыгнуть.

Все остальное произошло так быстро, что когда я вскочил на ноги, пират в красном колпаке все еще оставался в той же позе, а голова следующего только-только показалась из-за частокола.

Схватка продолжалась еще несколько минут, и победа осталась за нами.

Грэй, выскочивший из блокгауза вслед за мной, уложил на месте боцмана Эндерсона, прежде чем тот успел снова занести кортик над моей головой. Еще один пират был застрелен у бойницы в тот момент, когда целился из пистолета внутрь блокгауза. Сейчас он лежал на песке в предсмертной агонии, а его пистолет еще дымился. Третьего, как я уже говорил, с большой ловкостью заколол доктор. Из тех четверых, перебравшихся через частокол, в живых остался только один. Бросив оружие, он пытался спастись бегством, прыгая перед частоколом и пытаясь зацепиться за его верх.

— Стреляйте, стреляйте же в него! — закричал доктор. — И скорей назад, в укрытие!

Но ни единого выстрела не последовало. Уцелевший пират благополучно перелез через ограду и скрылся в лесу. Через несколько минут никого из атакующих не осталось на виду, кроме тех, кто неподвижно лежал на песке внутри ограды,

и одного по другую ее сторону…

Доктор, я и Эйб Грэй поспешно вернулись в блокгауз. Скрывшиеся в лесу пираты в любую минуту могли снова открыть огонь из мушкетов.

Пороховой дым окончательно рассеялся, и только тогда мы увидели, какой ценой досталась нам победа. Хантер лежал без чувств у своей бойницы. Джойс, чья голова была прострелена навылет, не шевелился и не дышал. Сквайр поддерживал капитана, лица у обоих были бледны как мел.

— Капитан ранен, — сообщил Трелони.

— Пираты отступили? — спросил капитан.

— Разумеется, но только те, которые могли передвигаться, — отвечал доктор. — Пятеро остались на месте.

— Пятеро! — вскричал капитан. — Совсем не плохо. У них выбыло пять человек, у нас трое, — значит, нас теперь четверо против девяти. Это куда лучше, чем вначале, когда нас было семеро против девятнадцати.

На самом деле, пиратов оставалось всего восьмеро — матрос, которого сквайр Трелони подстрелил с ялика, умер от ранения в тот же день. Но узнали мы об этом гораздо позже.

Часть пятая
Мои приключения на море

Глава 22
Как я удрал из блокгауза

Стрельба из леса совершенно прекратилась, да и сами пираты больше не показывались. На сегодня они получили свое, как выразился капитан, и оставили нас в покое. Мы могли спокойно перевязать раненых и приготовить еду. Сквайр и я занялись стряпней, для чего развели костер перед блокгаузом. Но и там до нас доносились болезненные стоны наших раненых.

Из восьми человек, получивших раны в бою, в живых остались всего трое: пират, подстреленный у бойницы, Хантер и капитан Смоллетт. Пират скончался во время операции, которую проводил доктор Ливси, а Хантер так и не пришел в сознание, несмотря на отчаянные усилия доктора. Он лежал неподвижно, тяжело и хрипло дыша. У него было сломано множество ребер, а при падении он повредил череп. В ту же ночь, так и не приходя в сознание, бедняга Хантер скончался.

Что касается капитана, то его раны, хоть и были весьма серьезными, не угрожали жизни. Пуля

боцмана Джона Эндерсона пробила ему лопатку, слегка задела верхушку легкого, но на этом и остановилась. Вторая пуля угодила ему в икру и порвала сухожилие. Доктор клялся, что капитан обязательно поправится — при условии, что в течение нескольких недель он не будет ходить, двигать рукой и разговаривать.

На этом фоне мой порез выглядел сущим пустяком. Доктор Ливси залепил его пластырем и дружески потрепал меня за ухо.

После обеда сквайр и доктор уселись по обе стороны постели капитана и стали держать совет. Когда они закончили — было уже за полдень, — доктор нахлобучил шляпу, прихватил пистолеты, засунул за пояс кортик, положил в карман карту и, перебравшись через частокол с северной стороны, скрылся в лесу.

Мы с Грэем сидели далеко и не могли слышать, о чем они толковали. Грэй был так ошеломлен странными действиями доктора, что даже выронил трубку.

— Черт побери! Уж не спятил ли наш доктор? — воскликнул он.

— Вряд ли, — отвечал я. — Обычно с головой у него все в порядке.

— Ну а коли так, приятель, — возразил Грэй, —

значит, спятил я сам. Одно из двух.

— Видно, у доктора появился какой-то план, — пояснил я. — По-моему, он отправился на свидание с Беном Ганном.

Как позже выяснилось, я попал в самую точку.

Между тем, жара в срубе блокгауза становилась невыносимой. Полуденное солнце раскалило песок во дворе, и в голове у меня шевельнулась странная мысль. Я позавидовал доктору, который шел сейчас в лесной прохладе, слушая пение птиц и вдыхая смолистый запах сосен, тогда как я был вынужден торчать в этом проклятом пекле, где одежда липла к расплавленной смоле, где все вокруг было измазано кровью, а вокруг валялись мертвецы.

Отвращение, которое внушала мне наша крепость, было почти столь же велико, как и мой собственный страх. Я вымыл пол и посуду, но это не помогло — с каждой минутой я все сильнее завидовал доктору. Наконец под ноги мне попался мешок с сухарями. Пока никто меня не видел, я набил ими оба кармана своего камзола.

Можете считать меня глупцом. Я, ничего не обдумав, шел на отчаянный риск, однако принял единственные меры, какие были мне доступны. Эти сухари не дадут мне умереть от голода по

меньшей мере два дня.

Затем я прихватил два пистолета. Пули и порох у меня были, и я чувствовал себя вооруженным до зубов. Что касается моего плана, то он сам по себе был не так уж плох. Я хотел пробраться на песчаную косу, отделяющую на востоке нашу бухту от открытого моря, отыскать белую скалу, которую я заметил вчера вечером, и убедиться, действительно ли Бен Ганн прячет там свою лодку. Знать это было бы совсем не плохо для нас, но я знал наверняка, что меня ни за что не отпустят, и решил удрать тайком. Разумеется, даже самые добрые намерения меня не оправдывали, но не забывайте, что я был подростком и уже принял решение.

Скоро подвернулся и случай для бегства. Сквайр и Грэй были заняты, меняя перевязку капитану. Путь был свободен, и удержать меня оказалось некому. Я перемахнул через частокол и юркнул в чащу. Прежде чем мое отсутствие обнаружили, я был уже так далеко, что не слышал никаких призывов вернуться.

Эта моя вторая безумная выходка могла бы показаться губительной — ведь в блокгаузе оставалось всего двое здоровых и способных обороняться людей. Однако, как и плавание на

шлюпке с пиратами, она помогла нам спастись.

Я направился к восточному берегу острова напрямик, так как не хотел идти по обращенной к морю стороне косы, чтобы меня не заметили с «Эспаньолы». День клонился к вечеру, хотя солнце стояло еще довольно высоко. Проходя через лес, я слышал не только отдаленный шум прибоя, но и беспрерывный шелест ветвей и листьев. Это сказало мне, что сегодня бриз дует гораздо сильнее, чем обычно. Скоро стало прохладнее. Еще несколько шагов — и я оказался на опушке. Передо мной до самого горизонта простиралось озаренное солнцем море, а у берега грохотал и пенился прибой.

Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы море у Острова Сокровищ оставалось спокойным. Даже в ясные безветренные дни, когда солнце ослепительно сияло, а воздух был совершенно неподвижен, огромные прибойные валы обрушивались на прибрежные скалы. Пожалуй, на всем острове нельзя было найти места, где не был бы слышен шум прибоя.

Я шел по берегу, наслаждаясь свободой. Наконец, решив, что достаточно удалился на юг, я свернул и чуть ли не ползком стал пробираться под прикрытием густого кустарника к песчаной

косе. Теперь позади меня находилось открытое море, впереди лежала бухта. Сильный ветер с моря начал понемногу утихать, с юга и юго-востока внезапно поползли густые клубы тумана. Вода в бухте, закрытой от ветра Островом Скелета, казалась такой же неподвижной и свинцовой, как и в тот день, когда мы сюда прибыли впервые. «Эспаньола», стоявшая на якоре, целиком отражалась в ней, словно в зеркале, черный пиратский флаг на ее мачте бессильно обвис и болтался, словно грязная тряпка.

Около шхуны я заметил одну из шлюпок. На корме шлюпки сидел Сильвер — я узнал его сразу, — о чем-то переговариваясь с двумя пиратами, свесившимися с борта «Эспаньолы». У одного из них, должно быть, того самого, который недавно пытался перелезть через частокол, на макушке по-прежнему красовался красный колпак. Они говорили громко, время от времени смеялись, но я находился на расстоянии почти в милю и, конечно же, слов разобрать не мог. Неожиданно до меня донесся пронзительный скрипучий крик. Я вздрогнул, но тут же узнал голос попугая по имени Капитан Флинт. Мне даже показалось, что я вижу его сидящим на плече хозяина. Наконец шлюпка отчалила от шхуны и направилась к

берегу. Пират в красном колпаке и его товарищ вразвалку побрели по палубе и скрылись в каюте.

Солнце село за Подзорной Трубой, туман сгустился, начало быстро темнеть. Я понял, что нельзя терять ни минуты, если я хочу найти лодку еще сегодня.

Белая скала отчетливо виднелась сквозь заросли, но до нее было довольно далеко, и я потратил уйму времени, чтобы до нее добраться. Была уже почти ночь, когда я нащупал рукой ее шероховатые уступы. У подножья скалы находилась небольшая пещера, поросшая зеленым мхом и скрытая от посторонних глаз низкорослым кустарником и песчаными дюнами. В глубине виднелось что-то вроде полога из козьих шкур, вроде тех, какими пользуются цыгане. Я забрался в пещеру, приподнял край полога и обнаружил лодку Бена Ганна. Она была сплетена из ивовых прутьев и обтянута козьими шкурами мехом внутрь. Не знаю, могла ли она выдержать взрослого мужчину — в ней с трудом помещался даже я. В лодке была скамейка для гребца и упор для ног. Там же лежало небольшое двухлопастное весло.

Я никогда прежде не видел тех плетеных чел-

ноков, на которых рыбачили древние британцы. Но впоследствии мне довелось полюбоваться на одно из таких суденышек, и я вам уверенно говорю: лодка Бена Ганна выглядела даже хуже, чем эти первобытные челноки. Впрочем, главным достоинством она все же обладала — была очень легка и неприметна.

Теперь, после того как я отыскал лодку, следовало бы вернуться в блокгауз. Но мне пришла в голову другая идея, которую я решил осуществить во что бы то ни стало, даже не советуясь с капитаном Смоллеттом. Я задумал подплыть ночью к «Эспаньоле» и перерезать якорный канат, предоставив судно воле течений. Я почему-то убедил себя, что пираты после неудачного утреннего штурма решат сняться с якоря и выйти в море. Этому следовало помешать, пока не поздно. На шхуне сейчас нет ни одной шлюпки, поэтому моя затея вполне могла увенчаться успехом.

Я грыз сухари, ожидая, когда окончательно стемнеет. Ночь выдалась самая подходящая. Все небо заволокло тучами, и вскоре после захода солнца на острове наступила непроглядная тьма. Взвалив на плечи челнок, я выбрался из пещеры и, спотыкаясь, побрел к воде. В глухом мраке виднелись только две светящиеся точки: большой

костер у болота, где по обыкновению пьянствовали пираты, и огонек кормового иллюминатора шхуны, стоявшей на якоре. Отлив развернул судно носовой частью ко мне, и я видел не сам иллюминатор, а лишь его зыбкое отражение на воде.

Отлив уже начался, и мне пришлось довольно долго брести по щиколотку в жидкой грязи, прежде чем я догнал отступающее море. Пройдя еще несколько ярдов вброд, я осторожно спустил свой челнок на воду.

Глава 23
Во власти отлива

Челнок, как я и предполагал, оказался вполне подходящим для человека моего роста и веса — легкий и подвижный, но до того верткий, что управлять им было невероятно трудно. Он все время рыскал, несмотря на все мои усилия. Сам Бен Ганн не раз потом говаривал: «Надобно привыкнуть к нраву челнока, чтобы толково управлять им».

Разумеется, я ничего этого не знал, и моя плетенка вертелась куда угодно, только не туда, куда я пытался заставить ее плыть. Не будь сейчас отлива, я ни за что не добрался бы до шхуны. К счастью, течение несло меня прямо на «Эспаньолу». Сначала из темноты показался ее черный силуэт, потом появились очертания корпуса и мачт, а затем отлив доставил меня прямиком к якорному канату, в который я тотчас вцепился обеими руками.

Канат был натянут, как струна. В темноте бурлило и клокотало, как горная река, течение, огибавшее корпус шхуны. Мне казалось, что

достаточно одного удара ножом, и «Эспаньола», увлекаемая отливом, помчится в открытое море.

К счастью, я вовремя сообразил, что туго натянутый огромной массой судна канат, если его перерезать, ударит меня почище, чем конское копыто, при этом челнок мой перевернется и пойдет ко дну.

Поэтому я набрался терпения и снова стал выжидать. Если бы не случайная удача, мне наверняка пришлось бы отказаться от своего намерения. Но ветер вдруг переменился и подул уже не с юго-востока, а с юго-запада. Внезапно налетевший на «Эспаньолу» шквал понес шхуну против течения, якорный канат ослабел и погрузился в воду. Я возликовал, вытащил свой матросский складной нож, открыл его зубами и перепилил канат почти до половины. А затем стал дожидаться следующего порыва ветра.

Из каюты на корме уже давно доносились чьи-то хмельные голоса, но я был так занят, что не обращал на них ни малейшего внимания. Но когда наступила пауза, волей-неволей стал прислушиваться. Я узнал один голос — он принадлежал боцману Израэлю Хендсу, служившему канониром у Флинта. Другой собеседник был, скорее всего, тот самый пират в красном

ночном колпаке. Оба были вдребезги пьяны и продолжали пить, так как один из них распахнул иллюминатор пошире и с проклятием швырнул в море опустевшую бутылку. Однако эти двое не только пили вместе, но и ссорились между собой. Ругательства сыпались градом, и порой мне казалось, что вот-вот вспыхнет драка. Однако всякий раз пираты успокаивались, а их голоса начинали звучать тоном ниже.

На берегу за деревьями виднелось пламя огромного костра. Там кто-то распевал старинную матросскую песню, выводя после каждого куплета такие тягучие рулады, что можно было только подивиться терпению слушателей. Я не раз слышал эту песню во время нашего плаванья, и мне вспомнились ее слова:

Все семьдесят пять не вернулись домой –

Они потонули в пучине морской.

Я подумал, что песенка-то вполне соответствует настроению пиратов, которые сегодня понесли немалые потери. Впрочем, я уже имел возможность убедиться, что эти люди так же жестоки и бесчувственны, как и море, по которому они плавают в поисках добычи.

Наконец налетел еще один шквал, и шхуна снова сдвинулась против течения. Канат опять ослабел, я приналег и вскоре перерезал последние волокна манильской пеньки. Меня тотчас понесло к носовой части «Эспаньолы», которая, медленно разворачиваясь, уже плыла, увлекаемая отливом.

Я сопротивлялся и греб изо всех сил, рискуя опрокинуть свое утлое суденышко. Однако, убедившись, что все усилия бесполезны, начал отталкиваться веслом от борта, так как оставаться рядом с ним было еще опаснее. В это мгновение меня хлестнул по лицу мокрый конец каната, свисавшего с кормы, и я тотчас схватился за него. Зачем я это сделал — не знаю, скорее всего, это был бессознательный жест. Но как только канат оказался у меня в руках, и я убедился, что он хорошо закреплен на палубе, мною овладело жгучее любопытство, и я решил заглянуть в кормовой иллюминатор.

Продолжая держаться за канат, я приподнялся в челноке. А тем временем шхуна и ее спутник — мой челнок, продолжая нестись по течению, поравнялись с костром на берегу. Судно уже «заговорило», как выражаются моряки, то есть начало с шумом рассекать волны, и я не мог по-

нять, почему пираты не поднимают тревогу, пока не заглянул в иллюминатор. Одного взгляда мне хватило: Израэль Хендс и его товарищ, сцепившись, катались по полу каюты.

Я мигом опустился на дно челнока — еще секунда, и он бы опрокинулся. В глазах у меня все еще стояли свирепые, налитые кровью лица пиратов, озаренные тусклым светом лампы. Я даже на миг прикрыл глаза, чтобы отогнать от себя это навязчивое видение.

Заунывные рулады на берегу наконец умолкли, и пираты хором загорланили свою любимую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Я невольно подумал, что ром и в самом деле стал главной причиной схватки в каюте «Эспаньолы». Но тут мой челнок внезапно вздрогнул, накренился и изменил курс. Скорость течения увеличилась. Я открыл глаза и увидел, что вокруг пляшут мелкие пенистые волны с фосфоресцирующими гребешками. «Эспаньола» теперь плыла

в нескольких ярдах впереди меня, но и она тоже, кажется, изменила курс. Вглядевшись в сумрак, я убедился, что теперь нас несет на юг.

Я взглянул на берег, и сердце у меня тревожно забилось. Прямо позади все еще виднелось пламя костра. Течение резко повернуло вправо, увлекая за собой и тяжелую шхуну, и мой невесомый челнок. Волны, становясь все выше, стремительно несли нас через узкий пролив в открытое море. Внезапно шхуна повернула еще на тридцать градусов, на борту послышались крики. Под тяжелыми башмаками загремели ступени трапа, ведущего в кают-компанию, и я решил, что пираты спохватились, поняв, в какой опасности оказались.

Положившись на Господа, я прилег на дно челнока и отдался воле волн и течения. На выходе из пролива я неминуемо должен был попасть в полосу могучих прибойных волн, они-то раз и навсегда избавят меня от всех мук. Я ждал гибели, но все же не решался броситься ей навстречу.

Так я пролежал в течение нескольких часов, ежеминутно ожидая смерти. Волны укачивали меня и обдавали солеными брызгами. Мало-помалу мной овладело странное оцепенение, и я, несмотря на весь ужас своего положения, уснул,

и во сне мне привиделась наша старая таверна «Адмирал Бенбоу».

Глава 24
В челноке

Проснулся я при свете дня. Подняв голову, я увидел, что меня несет вдоль юго-западного берега Острова Сокровищ. Солнце уже взошло, но его скрывала от меня громада Подзорной Трубы, спускавшаяся к морю отвесными утесами. Невдалеке виднелись Грот-Мачта и Бизань-Мачта с их голыми вершинами, увенчанными утесами в сорок-пятьдесят футов высотой и окаймленные каменистыми осыпями и распадками.

Я находился всего в четверти мили от острова, и первой моей мыслью было схватиться за весло и грести к берегу. Однако кое-что вынудило меня отказаться от этого. У подножия скал бушевал и пенился прибой; огромные валы поминутно взмывали ввысь и с пушечным грохотом обрушивались на каменные громады. Приблизиться к берегу в таком месте — обречь себя на неминуемую гибель. Утонуть или быть расплющенным о скалы — другого выбора не было. Мало того: на скалах я заметил каких-то неуклюжих чудовищ, похожих на слизняков-переростков. Их там было

десятка три, и они так ревели, что заглушали даже грохот прибоя. Позже я узнал, что это были морские львы, более-менее безвредные животные. Тем не менее всякая охота приставать к берегу у меня пропала — уж лучше погибнуть в открытом море.

К счастью, к северу от Грот-Мачты показалась обнажившаяся во время отлива длинная полоса песка. Вдали, еще севернее, виднелся Лесистый Мыс — так он назывался на карте, — сплошь поросший высокими соснами.

Я вспомнил слова Джона Сильвера о течении, проходящем вдоль западного берега Острова Сокровищ. Вероятно, я попал в него. Поразмыслив, я решил миновать Грот-Мачту и попытаться пристать к более гостеприимно выглядевшему Лесистому Мысу.

Мой челнок покачивала мелкая зыбь. Дул южный ветер, подгоняя его, и утлое суденышко плыло легко и свободно. Лежа на дне, я не раз видел приближающиеся гребни волн, которые, казалось, готовы поглотить мой челнок, но он, подпрыгнув, как на пружине, легко взлетал на верхушку волны и плавно опускался вниз.

Я настолько осмелел, что даже начал грести. Но малейшее нарушение равновесия тотчас ска-

зывалось на ходе челнока. Едва я зашевелился, как он, вместо того, чтобы плавно спуститься с гребня, полетел вниз так стремительно и круто, что зарылся носом и зачерпнул воды. У меня даже закружилась голова. Перепуганный, промокший до нитки, я опять занял прежнее положение, и челнок, выровнявшись, опять плавно заскользил вперед. Мне стало ясно, что движением челнока невозможно управлять, но как в таком случае я достигну берега?

Несмотря на страх, голову я все же не потерял и начал осторожно вычерпывать своей матросской шапкой скопившуюся на дне воду. Затем, проследив за ходом челнока, я попытался понять, почему он так легко скользит по волнам, и вскоре убедился в том, что предоставленная самой себе моя скорлупка, лавируя, выбирает, так сказать, самый гладкий путь, избегая крутых скатов и высоких гребней волн.

Прекрасно, решил я. Значит, нужно спокойно лежать и не пытаться нарушить равновесие. А улучив подходящий момент, можно изредка делать пару взмахов веслом, направляя челнок к берегу.

Так я и поступил. Лежа на локтях в самом невероятном положении, я пытался править, и это,

хоть и с огромным трудом, мне удавалось. Проплывая мимо Лесистого Мыса, я заметил, что еще не смогу к нему пристать, но зато нахожусь на пару сотен ярдов ближе к берегу. Я увидел зеленые вершины сосен, слегка покачивающиеся под дуновениями утреннего бриза, и проникся уверенностью, что непременно сумею высадиться на сушу на одном из следующих выступов берега.

Между тем, меня мучила жгучая жажда. Солнце палило, море ослепительно сверкало. Брызги покрывали мои губы коркой соли. Горло у меня пересохло, а голова пылала. Деревья на берегу манили прохладной тенью, но течение пронесло меня мимо мыса. Передо мной опять открылась широкая полоса моря, и то, что я увидел, мгновенно изменило все мои планы.

Менее чем в полумиле впереди меня шла под парусами «Эспаньола». Несомненно, меня заметят и подберут. Жажда так мучила меня, что я даже не знал, радоваться этому или огорчаться. Однако мне не пришлось долго размышлять над этим вопросом, ибо то, что я увидел, повергло меня в крайнее изумление.

«Эспаньола» шла под гротом[29] и двумя кли-

---

[29] Сноски: 29
Грот — нижний прямой парус на грот-мачте парусного судна.

верами[30], и ее паруса серебрились на солнце, как снег в горах. Сначала она держала курс на северо-запад, очевидно, возвращаясь к месту прежней стоянки. Потом шхуна свернула на запад, и я подумал, что там заметили меня и решили-таки подобрать. Но внезапно «Эспаньола» круто повернула к ветру, паруса ее обвисли, и она беспомощно остановилась.

— Болваны, — пробормотал я, — они, верно, оба до сих пор пьяны в стельку!

Представляю, что бы сделал с такими матросами капитан Смоллетт!

Между тем шхуна повернула и легла на другой галс[31], потом ее паруса потеряли ветер, обвисли, и она остановилась. Так повторилось несколько раз подряд. «Эспаньола», хлопая парусами, рыскала во все стороны: на север, юг, восток и запад. Похоже, судном вообще никто не управлял. Но если это так, куда девались пираты? Одно из двух: или они действительно мертвецки пьяны, или покинули шхуну. Что, если я поднимусь на борт?

---

[30] Сноски: 30

Кливер — косой треугольный парус, прикрепляемый к снасти, идущей от фок-мачты к концу бушприта.

[31] Сноски: 31

Галс — направление движения парусного судна относительно ветра; правый галс — ветер справа, левый галс — слева.

Может быть, мне удастся вернуть «Эспаньолу» ее капитану?

Течение несло челнок и шхуну с одинаковой скоростью. Но шхуна так часто меняла курс и внезапно останавливалась, что почти не продвигалась вперед. О, если бы только я мог начать грести, то, несомненно, я бы нагнал ее в два счета!

Я решил рискнуть, несмотря на то что челнок могло снова захлестнуть волной. Приподнявшись, я начал с величайшей осторожностью подгребать к «Эспаньоле». Иногда меня и в самом деле захлестывало, и тогда я останавливался и вычерпывал воду. Вскоре я так освоился, что меня лишь изредка окатывала какая-нибудь шальная волна.

Шхуна постепенно приближалась, и я уже мог разглядеть поблескивавшую на поворотах медь румпеля[32]. На палубе не было ни души. Пираты или покинули судно или спали внизу. Тогда я запру палубный люк и смогу распоряжаться «Эспаньолой», как мне заблагорассудится.

Слегка накренившись, шхуна продолжала идти на юг. Ее паруса то наполнялись ветром, то

---

[32] Сноски: 32

Румпель — рычаг, служащий для управления рулем судна.

бессильно опадали и начинали полоскаться. До меня доносился грохот блоков. В конце концов мне посчастливилось. Ветер ненадолго стих, и течение развернуло шхуну кормой ко мне. Сквозь открытый иллюминатор я увидел все еще горевшую над столом, несмотря на белый день, лампу. Грот опал, как знамя побежденных, и теперь шхуна двигалась только вместе с течением.

Удвоив усилия, я начал ее нагонять и был уже на расстоянии ста ярдов, как вдруг налетел новый порыв ветра. Шхуна легла на левый галс и снова заскользила по волнам, как ласточка. Я уже был в полном отчаянии, когда «Эспаньола вдруг описала широкий полукруг и устремилась прямо ко мне.

Расстояние между нами быстро сокращалось. Я видел, как пенятся под форштевнем шхуны волны, и с моей скорлупки она казалась ужасно громадной. И тут я понял, какая опасность мне угрожает. Времени для размышлений не оставалось. Челнок взлетел на гребень волны, а шхуна как раз зарылась в нее носом и ее бушприт навис прямо у меня над головой. Я вскочил на ноги и подпрыгнул, погрузив челнок в воду. Одной ру-

кой я ухватился за утлегарь[33], а нога моя попала между штагом[34] и брасом[35]. Оцепенев от ужаса, я повис в воздухе. Слабый удар, раздавшийся снизу, дал мне понять, что шхуна отправила на дно мой челнок. Значит, все пути к отступлению отрезаны.

[33] Сноски: 33

Утлегарь — наклонный брус, продолжение бушприта, к которому крепятся передние косые паруса.

[34] Сноски: 34

Штаг — снасть, поддерживающая мачту, растяжка.

[35] Сноски: 35

Брас — снасть для передвижения рей в горизонтальном направлении.

Глава 25
Черный флаг спущен

Едва я взобрался на бушприт, как полоскавшийся на ветру кливер с грохотом, похожим на пушечный выстрел, надулся, ложась на другой галс. Шхуна вздрогнула до самого киля, но в тот же миг все паруса снова потеряли ветер. Кливер хлопнул еще раз и обвис.

От внезапного толчка я едва не свалился в воду. В испуге я быстро пополз по бушприту и шлепнулся головой вниз на палубу. Я оказался на баке с подветренной стороны, и грот закрывал от меня часть кормы. На палубе никого не было. Доски палубы, немытые со времени начала мятежа, были покрыты следами грязных матросских башмаков. Пустая бутылка с отбитым горлышком перекатывалась от борта к борту.

Вдруг «Эспаньола» снова двинулась по ветру. Кливера позади меня заскрипели, растягивая снасти, руль повернулся сам собой, и все судно

опять вздрогнуло. Ветер переложил гик[36] грота на другой борт, и я увидел на корме обоих пиратов. Тот, что был в красном колпаке, неподвижно лежал на палубе, раскинув руки, как распятый. Зубы его были зверски оскалены. Израэль Хендс сидел у фальшборта, свесив голову на грудь и бессильно опустив руки. Лицо его, несмотря на загар, было мертвенно-желтым, словно вылепленным из воска.

Шхуна металась, как взбесившаяся лошадь. Паруса вздувались то с одной, то с другой стороны, дергая реи так, что мачты стонали. Иногда в борт тяжело била большая волна, и тогда брызги взлетали фонтаном, окатывая палубу. В отличие от легкого челнока, большое судно не могло само выбирать себе дорогу среди волн.

При каждом толчке шхуны пират в красном колпаке подпрыгивал, но не менял положения и по-прежнему скалил зубы. Зато Хендс съезжал все ниже и ниже и наконец рухнул у кормового ограждения — так, что теперь я видел только его ухо и завитки курчавых бакенбардов.

Рядом с обоими на палубе чернели лужи застыв-

[36] Сноски: 36

Гик — горизонтальный шест, одним концом подвижно прикрепленный к нижней части мачты парусного судна. По гику растягивается нижняя часть косого паруса.

шей крови, и я решил, что пираты, подравшись во хмелю, прикончили друг друга кортиками.

Я с любопытством и отвращением разглядывал обоих и вдруг обнаружил, что Израэль Хендс приподнимается, испуская жалобные стоны, и пытается снова сесть. Эти стоны, в которых не было ничего, кроме мучительной боли и смертельной слабости, невольно пробудили во мне сострадание. Но оно мигом испарилось, как только я вспомнил о разговоре, который подслушал из бочки.

Я подошел к грот-мачте и насмешливо проговорил:

— Вот я и снова на шхуне, мистер Хендс!

Боцман поднял на меня мутный, ничего не выражающий взгляд и промычал одно слово:

— Рому!

Я решил не терять времени даром и, проскользнув под гиком на корму, спустился в каюту. Там все было перевернуто вверх дном. Замки всех шкафов и ящиков сломаны, очевидно, в поисках карты, на полу грязные следы ног пиратов, собиравшихся здесь для попоек или совещаний, на переборке, выкрашенной белой краской и украшенной золоченым бордюром, — отпечатки сальных пальцев. Пустые бутылки грудой

валялись в углу и позвякивали от качки. Один из медицинских справочников доктора Ливси лежал на столе, половина листов из него была вырвана — явно для раскуривания трубок. Лампа все еще горела угрюмым желтым светом.

Я спустился в погреб для провианта. Там не уцелело ни одного бочонка, а почти все бутылки со спиртным отсутствовали. Очевидно, пираты беспробудно пьянствовали с самого начала бунта. Порывшись, я все же обнаружил одну недопитую бутылку для Хендса. Себе я взял немного сухарей, сушеных фруктов и кусок твердого как камень сыру. Поднявшись на палубу, я сложил все это у руля, подальше от боцмана, вдоволь напился воды из бака, а потом подал бутылку с ромом Хендсу. Тот жадно припал к горлышку.

— Черт побери, вот этого-то мне и не хватало! — прохрипел он.

Я сидел у руля и молча закусывал.

— Как ваша рана? — спросил я его.

Хендс прохрипел в ответ:

— Будь здесь доктор, он бы в два счета поставил меня на ноги… Но мне вечно не везет. Что же до этого молодчика, — он указал на пирата в красном колпаке, — то он спекся. Впрочем, он никогда не был дельным моряком… Но ты-то как

сюда попал?

— Я прибыл на борт, чтобы принять командование шхуной, мистер Хендс. Поэтому прошу вас беспрекословно выполнять все мои распоряжения.

Хендс уставился на меня с кислой миной, но промолчал. Щеки его от рома малость порозовели, но выглядел он по-прежнему скверно и при толчках сползал на палубу.

— Между прочим, мистер Хендс, мне вовсе не по душе этот черный флаг. С вашего позволения, я его спущу. Лучше никакого, чем такой.

Я пробрался к мачте, спустил черный пиратский флаг и отправил его за борт.

— Долой капитана Сильвера! Да здравствует капитан Смоллетт! — прокричал я, размахивая шапкой.

Хендс исподлобья следил за мной.

— Я полагаю, — наконец проговорил он, — что вы, капитан Хокинс, не откажетесь причалить к берегу. Верно?

— Конечно, — ответил я. — С большим удовольствием, мистер Хендс. Продолжайте!

Я с волчьим аппетитом принялся за сухари и изюм.

— Этот парень, — продолжал Хендс, кивнув в

сторону убитого, — ирландец по имени О'Брайен, поставил вместе со мной паруса, потому что мы хотели вернуться обратно в бухту. Но теперь он мертвее тухлой воды на дне трюма. Так кто же, спрашивается, поведет шхуну? Одному, без моих советов, тебе не справиться. Поэтому дай мне выпить и закусить и помоги перетянуть рану платком или шарфом. А я скажу тебе, что делать со шхуной. Договорились?

— Но предупреждаю — я не собираюсь возвращаться на прежнюю стоянку! Я хотел бы добраться до Северной стоянки и пристать именно там, — заявил я.

— Ладно. Не такой уж я болван и прекрасно понимаю, в чем дело. Я проиграл, удача на твоей стороне. Северная стоянка? Ну что ж, выбора у меня нет. Я готов вести судно хоть к собственной виселице, черт бы меня побрал!

Хоть я и чувствовал, что он что-то замышляет, но мы заключили сделку. Через несколько минут шхуна уже шла по ветру вдоль берега Острова Сокровищ, и я надеялся достичь Северной стоянки еще до полудня, подойти к берегу во время прилива, стать в безопасном месте, а затем дождаться отлива и высадиться на берег.

Закрепив румпель, я спустился вниз и отыскал

в своем сундучке подаренный мне матерью шелковый платок. С моей помощью Хендс перевязал этим платком глубокую колотую, все еще обильно кровоточащую рану на бедре и, поев немного и глотнув еще рому, заметно приободрился. Он сел прямее и заговорил отчетливей. Теперь он выглядел гораздо лучше.

Дул попутный бриз. Шхуна неслась, как птица. Очертания побережья менялись на глазах. Гористый ландшафт перешел в низкий песчаный берег, поросший карликовыми соснами. Довольно скоро мы обогнули скалистый мыс — северную оконечность острова.

Я был в отличном расположении духа. Мне нравилось вести корабль. Я наслаждался отменной погодой и живописными видами. Я не чувствовал ни жажды, ни голода, ни укоров совести из-за бегства из блокгауза — ведь мне удалось в одиночку завладеть шхуной. Смущали меня только взгляд Хендса, неотступно следивший за каждым моим движением, и странная усмешка, не сходившая с его лица. Я работал в поте лица, а он только и делал, что следил за мной.

Глава 26
Израэль Хендс

Ветер, до сих пор благоприятствовавший нам, повернул на запад, и мы быстро добрались от северо-восточной оконечности острова до Северной стоянки. Но поскольку якоря у нас не было, мы не решались войти в узкий пролив до тех пор, пока прилив не достигнет высшей точки. Пришлось ждать. Время тянулось медленно, и, чтобы скоротать его, боцман наставлял меня, что требуется, чтобы развернуть судно и лечь в дрейф.

Затем мы снова решили перекусить.

— Капитан, — обратился ко мне Хендс с кривой ухмылкой. — Там на палубе валяется мой приятель О'Брайен. Не будете ли вы любезны отправить его за борт? Я человек не щепетильный и не испытываю ни малейших укоров совести оттого, что отправил его в преисподнюю, где ему самое место. Он не лучшее украшение для нашего судна, верно?

— У меня для этого не хватит сил, — возразил я. — Кроме того, эта работа мне не по душе. Пусть себе лежит! — отвечал я.

— Проклятое судно, эта «Эспаньола», Джим, — подмигнул Хендс. — Сколько моряков погибло на ее борту с тех пор, как мы вышли из Бристоля! И не упомню такого неудачного плавания… Бедняга О'Брайен тоже ведь погиб ни за понюшку табаку, как ты считаешь?.. А теперь знаешь что? Я попрошу тебя спуститься вниз и принести мне… Проклятье, что-то я забыл, что мне понадобилось… Ах да — принеси мне бутылочку вина, Джим, но только не рому. Что-то он сегодня слишком крепок для моей слабой головы…

Забывчивость боцмана показалась мне подозрительной, как и его желание хлебнуть вина вместо рома. Очевидно, это был всего лишь предлог, чтобы спровадить меня с палубы, но зачем? Об этом я мог только догадываться, тем более что боцман избегал встречаться со мной взглядом. Он глазел то на небо, то на труп О'Брайена, а по его ухмылке и тону даже ребенок мог бы догадаться, что он что-то замышляет. Однако я и бровью не повел: обвести вокруг пальца такого тупицу, как Хендс, было несложно.

— Вина? — равнодушно переспросил я. — Хорошо. Но какого — белого или красного?

— Это не важно, — проворчал Хендс. — Лишь бы было крепкое и в достаточном количестве.

— Отлично. Выдержанный портвейн вас устроит, мистер Хендс? Только его придется поискать подольше.

Я спустился вниз по трапу, как можно громче стуча башмаками, а потом, скинув их, пробежал по трюмному коридору к матросскому кубрику, поднялся по трапу и осторожно выглянул из-за капитанской рубки. Я был прав в своих подозрениях. Хендс поднялся на четвереньки. Раненое бедро причиняло ему сильную боль (до меня доносились его стоны), однако он довольно резво пополз по палубе, добрался до бухты троса, лежавшей у мачты, и вытащил из-под нее длинный нож, похожий на кортик, с лезвием, испачканным кровью. Он внимательно осмотрел его, шевеля нижней челюстью, попробовал на ногте остроту лезвия и, сунув нож за пазуху, так же ползком вернулся на место.

Теперь я знал все, что мне требовалось: Израэль Хендс способен двигаться, он вооружен, а поскольку он так настойчиво пытался спровадить меня с палубы, значит, именно меня он избрал своей жертвой. Что он намеревался предпринять потом — дотащиться до Северной стоянки, до лагеря пиратов или начать палить из пушки, призывая сообщников на помощь, — этого я

знать не мог, да и не хотел.

Я мог доверять Хендсу только в том, в чем наши интересы совпадали. Мы оба хотели привести шхуну в безопасное место, откуда потом ее можно было бы вывести без чрезмерного труда и риска. Пока это не сделано, моя жизнь в безопасности.

Несмотря на эти раздумья, времени я не терял: бегом вернулся обратно в нашу каюту, надел башмаки, разыскал бутылку вина и поднялся на палубу. Хендс неподвижно лежал там же, где я его и оставил. Веки его были полуопущены, словно дневной свет резал ему глаза. Искоса взглянув на меня, он принял бутылку, ловко отбил горлышко и одним глотком осушил ее до половины. Затем, переведя дух, извлек из кармана пачку жевательного табаку и обратился ко мне:

— Будь так добр, отрежь мне кусок. А то у меня и ножа при себе нет, да и сил, чтобы им воспользоваться, тоже… Ох, Джим, что-то мне совсем худо!.. Видно, в последний раз жую я табак, да и вообще долго не протяну.

— Ладно, Израэль, — сказал я. — Я отрежу вам табаку. Но будь я на вашем месте, то перед смертью постарался бы покаяться.

— Покаяться? В чем же это?

— Как в чем? — возмущенно вскричал я. — Вы

изменили долгу. Вы обагрили свои руки невинной кровью. Вот лежит человек, которого вы убили, и вы еще спрашиваете меня — в чем вам покаяться?

Я, пожалуй, чересчур разгорячился, думая об окровавленном ноже, который лежал у него за пазухой и был предназначен для меня. Но Хендс невозмутимо глотнул вина и заговорил наставительным тоном:

— Я тридцать лет провел в море, видел хорошее и плохое, штормы и штили, голод и жажду, поножовщины, артиллерийские дуэли, да мало ли что еще. И, уверяю тебя, ни разу не видел, чтобы от добродетели была хоть какая-то польза! Кто бьет первым, тот и прав — вот и все заповеди. «Мертвые не кусаются» — такова моя любимая поговорка. Аминь!.. А теперь довольно об этой чепухе. Смотри — прилив уже неплохо поработал, и если ты, капитан Хокинс, будешь в точности выполнять мои указания, то мы вскоре введем шхуну в бухту и ступим на сушу.

Нам и в самом деле оставалось пройти не больше двух миль, но плавание предстояло не из легких. Вход на Северную стоянку был не только узким и мелководным, но и извилистым. Однако я оказался неплохим рулевым, а Хендс — отлич-

ным штурманом. Мы лавировали так ловко, что просто любо-дорого.

Как только мы миновали пару скалистых выступов, нас со всех сторон окружила земля. Берега Северной бухты были покрыты таким же густым лесом, как и берега Южной, но сама бухта оказалась такой длинной, что больше напоминала устье реки. Прямо перед нами в южном углу бухты виднелся на мели остов полуистлевшего корабля. Это было большое трехмачтовое судно, но оно так долго пролежало здесь, что сплошь покрылось водорослями и ракушками, а на его палубе разросся мелкий кустарник, сейчас покрытый цветами. Зрелище было удручающее, но оно подтверждало, что бухта эта вполне пригодна для стоянки.

— Отлично, — сказал Хендс. — Посмотри-ка туда — вот оно, место для стоянки. Чистый песок на дне, никогда никаких волн, деревья вокруг и вдобавок этот цветник на старом судне.

— А если мы сядем на мель, как потом с нее сняться? — спросил я.

— Проще простого. Протяни во время отлива канат на ту сторону бухты, оберни вокруг сосны потолще, а другой конец привяжи к шпилю, да и тяни, когда поднимается прилив. Шхуна сама

сойдет с мели… А теперь, приятель, смотри в оба. Мы совсем рядом с мелью, а судно идет чересчур быстро. Возьми правее… так… еще правее… чуть левее… прямо!

Хендс отдавал приказания, а я поспешно их выполнял. Внезапно он крикнул: «Руль на борт, живо!» Я повернул руль, и «Эспаньола», сделав крутой поворот, подошла вплотную к берегу. Все мое внимание было поглощено маневрами, и я совсем позабыл о том, что должен следить за боцманом. Перегнувшись через правый борт, я ждал той минуты, когда днище шхуны коснется песка, и несомненно погиб бы, если бы случайно не оглянулся. То ли сработал инстинкт самосохранения, то ли какая-то тень промелькнула в поле моего зрения — так или иначе, но я обернулся и увидел Хендса, кравшегося ко мне с ножом в руке.

Наши взгляды встретились, и мы оба одновременно закричали: я от ужаса, а он от ярости. Несмотря на рану, боцман бросился на меня, как взбесившийся бык, а я отскочил в сторону и выпустил румпель из рук. Румпель с силой ударил Хендса прямо в грудь и швырнул его на палубу. Это спасло мне жизнь. Прежде чем он успел вскочить на ноги, я уже был далеко. Остановившись у грот-мачты, я выхватил из кармана пистолет

и прицелился в Хендса. Курок сухо щелкнул, но выстрела не последовало: порох оказался подмоченным. Я проклял свою небрежность.

Ну почему я давным-давно не осмотрел и не перезарядил оба своих пистолета? Тогда бы мне не пришлось удирать от негодяя, как овце от мясника.

Даже с раной в бедре Хендс двигался на редкость быстро. Седеющие волосы падали на его лицо, налившееся кровью от ярости и напряжения. Я не успел выхватить второй пистолет, да и не пытался, решив, что и он, конечно же, подмочен. Единственное, что мне оставалось, — увертываться от преследователя и не позволить ему загнать меня на нос и прикончить так же, как он только что едва не прикончил меня на корме. Один удар ножом — и все кончено… Я оперся о грот-мачту и с замиранием сердца стал ждать.

Увидев, что я пытаюсь укрыться за мачтой, Хендс остановился. Несколько мгновений мы следили друг за другом. Все это походило на игру, в которую я не раз играл дома с приятелями, бегая среди скал у берега бухты Черного Холма. Но никогда раньше мое сердце не билось с такой силой, как теперь. Противником моим был человек немолодой и к тому же потерявший много

крови, и у меня было немало шансов на победу. Приободрившись, я даже стал прикидывать, как должна закончиться эта наша игра. Конечно, я могу продержаться довольно долго, но не до бесконечности. Но пока мы кружили вокруг мачты, «Эспаньола» неожиданно зацепила килем дно и накренилась на левый борт, да так, что палуба образовала угол чуть ли не в сорок пять градусов с горизонтом. Через шпигаты на палубу хлынул поток воды.

Мы с моим врагом оба потеряли равновесие и покатились вниз. Тело пирата в красном колпаке последовало за нами. Я ударился головой о башмак Хендса с такой силой, что у меня лязгнули зубы, но тут же умудрился вскочить, опередив боцмана, на которого всей своей массой обрушился труп. Крен судна сделал всякую беготню по палубе невозможной, и для спасения надо было срочно придумать что-то другое, поскольку враг находился почти рядом со мной. Не теряя ни секунды, я уцепился за ванты[37] бизань-мачты и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на рею.

[37] Сноски: 37

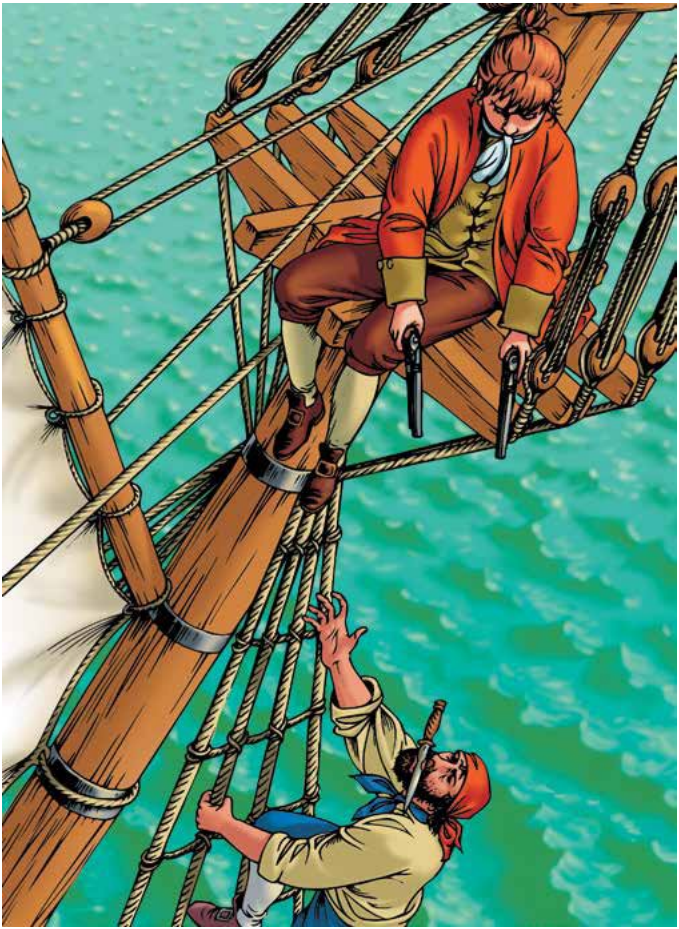
Ванты — снасти, которыми укрепляются мачты и стеньги с бортов судна. Служат также для подъема матросов на мачты и для работы с парусами. Для этого поперек вант на определенном расстоянии друг от друга крепятся выбленки (веревочные ступеньки).

Эта быстрота спасла меня, так как предназначавшийся мне удар ножа пришелся на полфута ниже моей икры. Раздосадованный неудачей Израэль Хендс уставился на меня с широко разинутым от изумления ртом.

Я получил небольшую передышку и сразу воспользовался ею, перезарядив оба пистолета. Хендс, заметив, чем я занят, сообразил, что теперь наши роли поменялись. Однако, немного поколебавшись, он тоже полез за мной по вантам, зажав лезвие ножа в зубах. Поднимался он очень медленно, с трудом передвигая раненую ногу и поминутно охая от боли. Пистолеты мои были наготове еще до того, как он одолел треть пути.

Взяв в каждую руку по пистолету, я насмешливо прокричал:

— Еще один шаг, мистер Хендс, и я расколю вашу башку, как гнилой арбуз. «Мертвые не кусаются» — такова, кажется, ваша излюбленная поговорка?



Боцман остановился. По выражению его лица было видно, как он что-то тяжело обдумывает. Наслаждаясь безопасностью, я расхохотался. Наконец Хендс заговорил, предварительно вынув нож из зубов, но не пытаясь сдвинуться с места.

— Джим, — начал он, — признаю — мы оба маленько запутались, и ты, и я. Надо бы нам пойти на мировую. Я бы, конечно, прикончил тебя, кабы не этот толчок шхуны. Но мне никогда не везет, нет, никогда. А коли так, видно мне, старому моряку, придется уступить тебе, молодому юнге!

Я упивался его словами и посмеивался, как взлетевший на забор петух. Внезапно он взмахнул правой рукой, и в воздухе просвистел нож. Я почувствовал острую боль — нож пригвоздил мое плечо к мачте. От боли и неожиданности я совершенно машинально нажал сразу оба курка. Грянули два выстрела — и пистолеты выпали у меня из рук. Но упали они не одни — боцман с глухим стоном выпустил из рук ванты и рухнул головой вниз в воду.

Глава 27
«Пиастры!»

Шхуна накренилась так сильно, что мачты висели прямо над водой, и прямо подо мной была вода залива. Хендс, находившийся ниже меня, упал недалеко от борта «Эспаньолы». Он показался на поверхности всего один раз, окруженный кровавой пеной, и исчез навсегда. Сквозь тихую прозрачную воду я видел его тело, лежащее на чистом песчаном дне в тени корпуса шхуны. Несколько рыб уже кружились вокруг него. Когда поверхность воды слегка рябила, мне чудилось, что боцман шевелится, пытаясь подняться, но он был дважды мертв — застрелен и утонул — и станет добычей рыб как раз на том месте, где готовил гибель мне.

От этого зрелища меня охватил ужас, голова закружилась. Кровь струей текла у меня по спине и груди. Нож, пригвоздивший мое плечо к мачте, жег, как раскаленное железо. Но страшила меня не физическая боль, ее вполне можно было вытерпеть, а мысль о том, что я могу сорваться с реи и уйти на дно рядом с телом боцмана.

Обеими руками, до боли в пальцах, я вцепился в ванты и закрыл глаза от ужаса. Мало-помалу головокружение прошло, сердце начало биться ровнее, и я овладел собой. Первым делом я хотел вытащить нож из раны, но или он засел слишком глубоко в древесине, или у меня не хватило мужества; задрожав всем телом, я отказался от этой попытки. Но эта дрожь помогла мне: нож, пробивший лишь складку кожи, разорвал ее. Кровь потекла еще сильнее, но зато я был почти свободен — меня удерживали лишь пригвожденные лезвием камзол и рубашка. Рванувшись посильней, я окончательно освободился и поспешно спустился на палубу по вантам правого борта, так как не мог заставить себя спуститься там, откуда только что сорвался Израэль Хендс.

Внизу я перевязал свою рану, которая ныла и кровоточила, но никакой серьезной опасности не представляла и не мешала мне двигать рукой. Теперь я стал полновластным хозяином судна и начал раздумывать над тем, как освободиться от последнего пассажира — мертвого О'Брайена.

Когда шхуна накренилась, он скатился по палубе к самому борту и теперь лежал там, как жуткая восковая кукла. Но я уже не боялся мертвецов, так как успел привыкнуть к их виду. Я приход-

нял пирата, как мешок с отрубями, и перебросил через борт. Раздался всплеск, тело погрузилось, а на поверхности остался плавать только красный колпак. Вскоре он уже лежал на дне рядом с Израэлем Хендсом, и сквозь воду поблескивала лишь его плешь, из-за которой он при жизни не снимал свой странный головной убор.

Я остался один на шхуне. Начинался отлив. Солнце уже опустилось так низко, что тени сосен с западного берега касались палубы «Эспаньолы». Задул вечерний бриз и, хотя с востока бухту защищал высокий холм, увенчанный двумя остроконечными утесами, ванты начали гудеть, а паруса — полоскаться и хлопать.

Я понимал, какая опасность может грозить судну, поэтому кое-как спустил кливер, но большой и тяжелый грот доставил мне массу хлопот. Когда шхуна накренилась, гик перекинулся на левый борт, и часть паруса погрузилась в воду. Шкоты так натянулись, что страшно было к ним притрагиваться. Тогда я поступил просто — вынул нож и перерезал фал[38]. Гафель[39] опустился, и парус, надувшись пузырем, целиком лег на воду.

---

[38] Сноски: 38

Фал — снасть, при помощи которой поднимают паруса.

[39] Сноски: 39

Гафель — короткий шест, к которому прикрепляется парус.

Подтянуть нирал[40] у меня не хватило сил, и мне не оставалось ничего другого, как вверить себя и «Эспаньолу» воле судьбы.

Между тем, бухта погружалась в сумерки. Последние лучи солнца, пробившись сквозь лесную прогалину, заиграли на мачтах шхуны. Становилось все прохладнее. Вода уходила, увлекаемая из бухты отливом, и шхуна все заметнее ложилась на бок.

Я пробрался на бак и взглянул вниз. Перед носовой частью судна было мелко, и я, ухватившись за канат, перебрался через борт и спустился в воду, которая доходила мне до пояса. Под ногами я почувствовал твердое песчаное дно, выровненное волнами. Покинув «Эспаньолу», уныло лежавшую на боку с распластанным на воде гротом, я бодро зашагал к берегу. Солнце уже село, и вечерний бриз шумел в верхушках сосен.

Как бы там ни было, а я снова на острове, и не с пустыми руками. Позади меня стояла шхуна, которую я вырвал из рук пиратов, на ней мы всегда сможем при необходимости выйти в море. Мне хотелось как можно скорее добраться до блокгауза и рассказать друзьям о своей удаче. Ко-

---

[40] Сноски: 40
Нирал — снасть для спуска парусов.

нечно, мне достанется за самовольную отлучку, но захват «Эспаньолы» покроет любую мою вину, и даже сам капитан Смоллетт признает, что я не терял времени даром.

В отличном настроении, полный самых радужных планов и надежд, я направился к блокгаузу. Вспомнив, что одна из речушек, впадающих в Бухту капитана Кидда, берет начало на холме с двумя утесами, я направился к нему, рассчитывая перейти этот поток в самом узком месте. Двигаясь по склону, где рос негустой лес, я вскоре обогнул холм и перешел ручей вброд.

Теперь я находился невдалеке от того места, где впервые встретился с Беном Ганном. Помня об этом, я стал пробираться более осторожно, то и дело озираясь по сторонам. Сумерки быстро перешли в ночь, и во мраке между двумя утесами на холме замерцал робкий огонек. Вероятно, Бен Ганн готовил свой нехитрый ужин. Я подивился его неосмотрительности — ведь если я заметил этот огонь, то его могли заметить и пираты из своего лагеря.

Темнота стремительно сгущалась. Двуглавый утес позади меня и вершина Подзорной Трубы справа служили мне единственными ориентирами, но их очертания мало-помалу расплывались,

сливаясь с окружающим мраком. Редкие звезды едва мерцали. В темноте я натыкался на кусты и проваливался в песчаные ямы, поминутно рискуя свернуть шею.

Вдруг слегка посветлело. Вскинув глаза, я увидел, что вершина Подзорной Трубы озарилась бледно-серебристым сиянием. Вскоре из-за деревьев показалась полная луна.

Идти стало гораздо легче, и я нетерпеливо ускорил шаг. Но когда я вступил в рощу, окружающую блокгауз, то сначала остановился и прислушался, а затем стал пробираться медленно и осторожно. Не хватало еще, чтобы меня подстрелили свои.

Луна поднялась выше и озарила поляны и прогалины в лесу. Впереди между деревьями мерцал какой-то красноватый отблеск, то вспыхивая, то угасая, — должно быть, это был костер. Я решительно не мог понять, что это означает. Наконец я добрался до опушки. Западная сторона частокола была освещена луной, но вся остальная ограда и сам блокгауз лежали в тени, кое-где перерезанной полосами лунного света. По другую сторону блокгауза догорал большой костер, чьи багровые отблески ложились на темные бревна строения. Нигде ни души, ни звука, только шум ветра в лесу.

Я остановился, пораженный и встревоженный. Мои спутники никогда не разводили такого большого костра — капитан всегда требовал беречь топливо. Не случилось с моими друзьями за время моего отсутствия несчастья?

Держась в тени, я подкрался к восточному углу частокола и в самом темном месте перебрался через него. За оградой я лег на песок и бесшумно пополз к блокгаузу. Вскоре послышался густой храп — звук не очень-то музыкальный и прежде мне совсем не нравившийся, но теперь просто ласкавший мой слух! Значит, мои друзья живы и чувствуют себя в безопасности. Храп подействовал на меня так же успокаивающе, как возглас вахтенного: «Все в порядке!»

Странным мне показалось только то, что наши спят, не выставив никакой стражи. Если бы здесь вместо меня оказался Сильвер со своей шайкой, то всех их перерезали бы, как цыплят. «Весь этот беспорядок оттого, что капитан ранен!» — с горечью подумал я, и невольно упрекнул себя за то, что покинул друзей в таком трудном положении.

Поднявшись на крыльцо блокгауза, я остановился в дверях и заглянул внутрь В темноте ничего нельзя было разобрать. Помимо храпа,

до меня доносился еще какой-то странный звук, напоминающий хлопанье крыльев, и костяное постукивание. Вытянув руки вперед, я стал ощупью пробираться на свое обычное место, улыбаясь при мысли о том, как обрадуются мои друзья, обнаружив меня там утром.

Я споткнулся о чью-то ногу, но спящий только замычал и перевернулся на другой бок. Внезапно из темноты раздался пронзительный скрипучий крик: «Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры!!!»

Это был Капитан Флинт, пестрый попугай Джона Сильвера! Это он чистил перья и долбил массивным клювом древесину. Птица оказалась лучшим часовым, чем сами люди, и теперь воплями предупреждала их о появлении чужака.

Я и моргнуть не успел, как спящие вповалку, разбуженные криком попугая, очнулись и начали вскакивать на ноги. Затем раздался хриплый спросонок голос Джона Сильвера:

— Что за дьявол! Кто тут шляется?

Я бросился бежать, но наткнулся на кого-то. Оттолкнув его, я оказался в лапах другого, а тот крепко схватил меня и стиснул так, что я чуть не задохнулся.

— Подай огня, Дик! — приказал Сильвер.

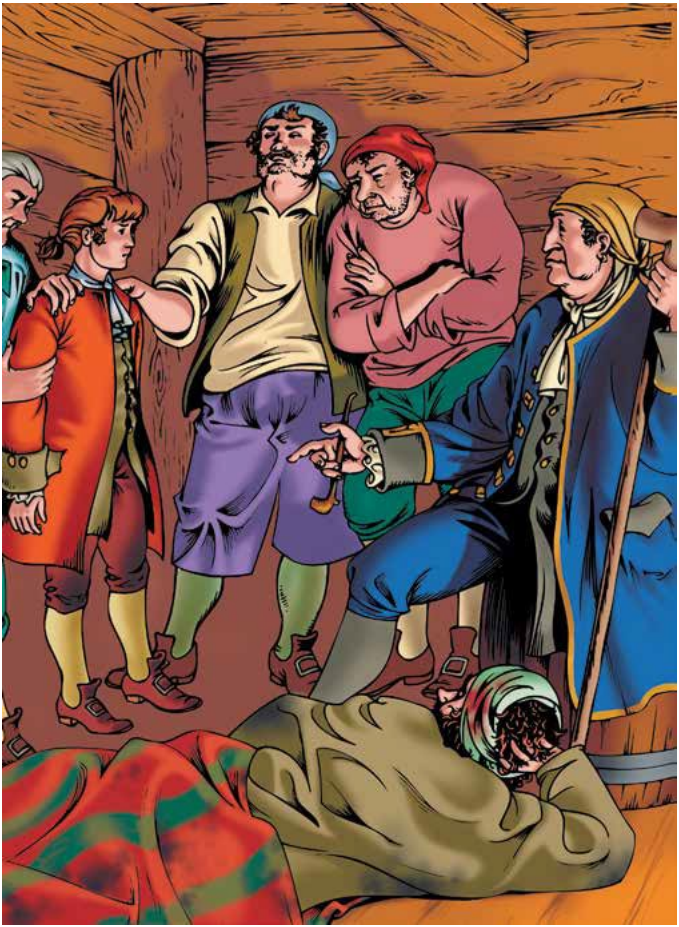
Один из пиратов выбежал наружу и вернулся с

пылающей головней.

Часть шестая
Капитан Сильвер

Глава 28
В лагере врагов

Багровый свет факела выхватил внутренность блокгауза и подтвердил мои наихудшие опасения. Пираты захватили нашу крепость и все наши припасы: бочонок с бренди, ветчина, мешки с сухарями находились на прежнем месте. Никаких признаков пленных, к своему ужасу, я не заметил. Значит, все мои друзья мертвы! Как жаль, что я не погиб вместе с ними!



В блокгаузе находились все шестеро оставшихся в живых пиратов. Пятеро из них, багровые и опухшие, очевидно, от сна и похмелья, стояли на ногах, шестой только приподнялся на локте: его мертвенно-бледное лицо и окровавленная повязка свидетельствовали о том, что он ранен. Я вспомнил, что во время атаки на блокгауз один из пиратов получил пулю и скрылся в лесу. Очевидно, это он самый и был.

Попугай сидел на плече у Долговязого Джона и чистил клювом перья. Сам Сильвер выглядел более серьезным и сосредоточенным, чем обычно. Он по-прежнему был облачен в парадный камзол, в котором являлся для переговоров о сделке, но камзол этот был весь перепачкан глиной и изодран колючим кустарником.

— Ага, — наконец проговорил он. — Никак сам Джим Хокинс пожаловал к нам в гости. Ну что ж, я рад!

Сильвер уселся на бочонок с бренди и принялся набивать трубу.

— Дай-ка мне огоньку, Дик, — попросил он и, прикурив, продолжал: — Можешь бросить головню назад в костер. А вы, джентльмены, ложитесь. Нечего вам стоять навытяжку перед мистером Хокинсом — он ведь простит вам вашу невоспи-

танность, верно? Итак, Джим, — обратился он ко мне, попыхивая трубкой, — ты у нас в гостях. Приятный сюрприз для старого Джона, ничего не скажешь! Я сразу понял, что ты ловкий малый, но ты оказался куда бойчее, чем я полагал.

Разумеется, я помалкивал и, будучи загнан в угол, мог только одно: прямо смотреть в глаза пирата, хоть на сердце у меня, как говорится, кошки скребли.

Сильвер затянулся несколько раз и продолжал:

— Ну, раз ты забрел к нам, Джим, то я побеседую с тобой. Ты мне всегда нравился своей сообразительностью и напоминал мне меня самого в ту пору, когда я был помоложе и обе моих ноги были на месте. Я хотел, чтобы ты получил свою долю клада и стал джентльменом. И ты явился весьма кстати, приятель. Капитан Смоллетт отличный моряк, но уж больно он строг насчет дисциплины. «Долг прежде всего», — вечно твердит он, и, в общем, он прав. Ты удрал из блокгауза тайком. Даже доктор был возмущен твоим поступком. «Неблагодарный мерзавец!» — вот что он сказал про тебя. Теперь ты уже не сможешь к ним вернуться: они тебя не примут. И если ты не хочешь остаться в одиночестве, придется тебе присоединиться к капитану Сильверу.

Я возликовал. Выходит, мои друзья живы! Хоть я и поверил Сильверу, что они возмущены моим дезертирством, тем не менее сказанное им воодушевило меня.

— Я уж не говорю о том, что ты в нашей власти, — со вздохом продолжал Сильвер, — это очевидно. Но я предпочитаю действовать убеждением, а не страхом. Если тебе нравится морская служба, присоединяйся к нам, а если нет, скажи об этом начистоту, Джим, и ничего не бойся. Видишь, я говорю с тобой откровенно, без всякого лукавства и хитрости, как старый моряк, черт побери!

— Я должен ответить прямо сейчас? — спросил я дрогнувшим голосом, потому что в насмешливой болтовне предводителя пиратов мне то и дело чудилась угроза жестокой смерти. Щеки мои горели, а сердце отчаянно колотилось.

— Никто тебя не торопит, сынок! — усмехнулся Сильвер. — Обдумай все хорошенько. Нам спешить некуда, а твое общество нам приятно: с тобой никогда не соскучишься.

— Хорошо, — ответил я, слегка приободрившись. — Но прежде, чем сделать выбор, я хотел бы знать, что здесь произошло и где сейчас мои бывшие друзья.

— Где они? — глухо буркнул один из пиратов. — Хотел бы я видеть того, кто это знает.

— Заткнись, приятель! — резко осадил его Сильвер и затем снова, уже другим тоном, обратился ко мне:

— Вчера, Хокинс, во время утренней вахты, доктор Ливси вышел из блокгауза с белым флагом. «Капитан Сильвер, — сказал он, — вас предали. Шхуна снялась со стоянки и ушла, а вы остались на мели». Не отрицаю, пока мы тут накачивались ромом и распевали песни, мы могли прозевать корабль. Тут и спорить не о чем. Никто из нас не интересовался шхуной, а потом мы взглянули на бухту и, дьявол ей в глотку, увидели, что судна нет на месте. Ни разу в жизни я не видел таких дурацких лиц, как у моей команды в ту минуту, и, думаю, глупее всех выглядел я! «Давайте заключим перемирие», — сказал доктор. Мы быстро договорились — и получили припасы, ром, весь заготовленный вами хворост и блокгауз в придачу. Что же касается джентльменов, то они ушли, и я понятия не имею, куда именно.

С силой затянувшись, Сильвер продолжал:

— Надобно тебе знать, что ты тоже был включен в этот договор. Вот наши последние слова: «Сколько вас?» — спросил я. — «Четверо, — от-

вечал доктор, — и один раненый. Что касается проклятого мальчишки, то я не знаю, куда он пропал, да это меня и не интересует. Он и так доставил нам кучу хлопот!» Таковы его подлинные слова.

— И все? — спросил я.

— Все, что тебе следует знать, сынок, — отвечал Сильвер.

— Значит, я могу выбирать?

— Ничего другого тебе и не остается.

— Отлично, — начал я, стараясь сдержать волнение. — Я не так глуп и знаю, на что иду. Делайте со мной, что хотите, мне все равно. С тех пор, как я столкнулся с вами, я привык смотреть смерти в лицо. Но сначала я хочу сказать вам несколько слов. Положение ваше — хуже некуда. Вы потеряли все: шхуну, клад, сообщников. Все ваши планы пошли прахом! И если хотите знать, кто этому виной, то знайте — виноват я, и больше никто! Я сидел в бочке из-под яблок в ту ночь, когда мы подплывали к острову, и слышал все, что говорили вы, Джон, и ты, Дик Джонсон, и что говорил Хендс, который теперь на дне морском. И все, что я подслушал, я немедленно рассказал сквайру, доктору и капитану Смоллетту. Это я перерезал якорный канат шхуны, это я прикончил людей,

которых вы оставили на борту, это я отвел шхуну в такое место, где вам ее никогда не найти. В дураках остались вы, а не я, и я боюсь вас не больше, чем надоедливой мухи. Можете убить меня или пощадить, как вам будет угодно… К этому я добавлю еще пару слов, и довольно. Если вы пощадите меня, я забуду прошлое и, когда вас будут судить за мятеж на корабле и пиратство, сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти вас от петли. Выбор за вами. Моя смерть не принесет вам ни малейшей пользы. Если же вы оставите меня в живых, я помогу вам избавиться от виселицы!..

Я остановился, задыхаясь от волнения. К моему удивлению, пираты в растерянности уставились на меня, как перепуганные овцы. Не давая им опомниться, я продолжал:

— И еще одно, мистер Сильвер! Я считаю вас лучше других, поэтому прошу вас в случае моей смерти передать все, что вы сейчас услышали от меня, доктору Ливси.

— Буду иметь это в виду, — проговорил Сильвер таким странным тоном, что я не мог понять, насмехается он надо мной или ему пришлась по душе моя смелость.

— Не забудьте, парни, — вдруг выкрикнул матрос с загорелым до черноты лицом, которого

звали Морган; это его я видел в таверне Долговязого Джона на набережной в Бристоле. — Не забудьте, что это он опознал Черного Пса!

— Кроме того, — добавил Сильвер, — этот же щенок, черт бы его подрал, вытащил карту из сундука Билли Бонса. И теперь он наконец-то в наших руках.

— Так пустим ему кровь! — стремительно вскочил Морган, хватаясь за нож.

— На место! — рявкнул Сильвер. — Ты кто здесь такой, Том Морган? Может, ты считаешь себя капитаном? Клянусь, я проучу тебя, как полагается! Попробуй только ослушаться, и отправишься туда же, куда до тебя отправилась куча народу за последние тридцать лет. Одни из них болтаются на реях, другие пошли на корм рыбам. Не было еще человека, который бы жестоко не поплатился за то, что выступил против меня. Заруби это на своем облезлом носу, Том Морган!

Морган умолк, но остальные пираты заропотали.

— Том прав, — заявил один из них.

— Хватит нам уже командиров, — ворчал другой. — Пусть меня вздернут, но я не позволю себя еще раз одурачить, Джон Сильвер…

— Кто из вас, джентльмены, желает иметь дело

со мной? — бешено проревел Сильвер, наклонившись вперед и сжимая в правой руке дымящуюся трубку. — Что молчите, точно языки у вас отсохли? Чего вы хотите? Выйдите и скажите открыто. Я не для того прожил столько лет на свете, чтобы какой-нибудь пьяный чурбан становился мне поперек дороги! Вы считаете себя джентльменами удачи? Вперед — я готов. Пусть тот, кто посмелее, обнажит свой кортик, и я, несмотря на костыль, полюбуюсь, какого цвета у него потроха, еще до того, как погаснет эта трубка!

Никто не пошевелился. Ни один из пиратов не принял вызов Сильвера.

— И таковы вы всегда! Орлы, нечего сказать! — продолжал Сильвер, снова затягиваясь трубкой. — На вас смотреть смешно, не то что драться с вами. Повторяю: команда выбрала меня капитаном, потому что я умнее вас всех, вместе взятых. Если не желаете драться, тогда подчиняйтесь, черт вас подери! И запомните — этот отчаянный мальчишка мне нравится, он показал себя настоящим мужчиной и стоит больше любого из вас. Только посмейте его тронуть хоть пальцем, и будете иметь дело со мной!

Наступило тягостное молчание. Я стоял, прижавшись к бревенчатой стене. Сердце мое

по-прежнему бухало, как кузнечный молот, но забрезжила надежда на спасение. Сильвер все так же сидел на бочонке с бренди, скрестив руки на груди и развалившись, как у себя в таверне. Лишь глаза его беспокойно следили за сообщниками. Те отошли в сторону и принялись о чем-то шептаться. Голоса их сливались у меня в ушах в какое-то неразборчивое жужжание. Иногда они оборачивались, и багровый свет факела озарял их возбужденные лица. Однако на Сильвера они поглядывали чаще, чем на меня.

— Вы, кажется, собираетесь что-то еще сказать? — спросил Сильвер, сплюнув в сторону. — Выкладывайте. Я готов выслушать.

— С вашего позволения, сэр, — начал один из пиратов. — Вы пользуетесь всеми преимуществами своего положения, но забываете о наших обычаях. Команда недовольна. Мы больше не хотим толочь воду в ступе. У нас тоже есть права. Согласно нашим обычаям, мы имеем право держать совет. Прошу прощения, сэр, так как вы пока еще наш капитан. Но мы хотим воспользоваться своим правом и обсудить положение.

И, по всем правилам отдав честь Сильверу, этот рослый парень лет тридцати пяти, с желтыми белками и ввалившимися скулами, направился

к двери и покинул блокгауз. Остальные молча последовали его примеру.

Мы с Сильвером остались одни при свете пылающего факела. Сильвер вынул изо рта трубку и едва слышно прошептал:

— Ты на волосок от смерти, Джим Хокинс, и, что хуже всего, тебе грозит пытка. Они сейчас попытаются меня сместить. Но ты видел, что я заступился за тебя. Я не собирался этого делать, но твои слова меня поразили. Я был в отчаянии, понимая, что все проиграл и могу угодить на виселицу. Но, выслушав тебя, я сказал себе: «Заступись за Джима Хокинса, старина Джон, и Хокинс заступится за тебя. Он — твоя последняя ставка. Услуга за услугу. Ты спасешь его от пыток, а он тебя — от петли».

Я лихорадочно соображал, в чем тут подвох.

— Вы уверены, что ваше дело проиграно?

— Да, черт возьми, да! — ответил он. — Раз шхуны нет, нам всем грозит виселица, это очевидно. Как только я взглянул на бухту и обнаружил, что «Эспаньола» испарилась, то, несмотря на все свое упрямство, понял, что все пропало. Что касается этой шайки и их сходки, то, сказать по правде, все они ослы и отъявленные трусы. Я постараюсь спасти тебя, а ты, в свою очередь, спасешь Долго-

вязого Джона от петли.

Я был поражен; значит, дело их действительно безнадежно, раз сам предводитель пиратов ожидает помощи от меня.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал я.

— Заметано! — воскликнул он. — Ты легко отделался, черт побери, да и мне, в общем-то, повезло.

Он проковылял к факелу, горевшему возле кучи хвороста, и снова раскурил потухшую трубку.

— Пойми, Джим, — продолжал он. — У меня еще осталась голова на плечах, и я решил принять сторону сквайра. Я полагаю, что ты увел шхуну в какое-то безопасное место. Как ты это сделал, я не знаю, но догадываюсь, что Хендс и О'Брайен сваляли большого дурака. Я никогда не доверял им. Заметь, я ничего не выпытываю и другим не позволю. Раз игра проиграна, это бесполезно. Ты оказался молодчиной, и если мы будем держаться вместе, успех обеспечен.

Он нацедил бренди из бочонка в оловянную кружку и предложил:

— Не хочешь глотнуть, сынок? Нет? Тогда я выпью сам. Мне надо подкрепиться, впереди еще немало хлопот. Между прочим, ты не знаешь, зачем доктор отдал мне карту Флинта, Джим?

Очевидно, на лице моем выразилось такое неподдельное изумление, что дальнейшие расспросы Сильвер счел бесполезными.

— Он это сделал, не сомневайся! И за этим что-то кроется, Джим! Только не знаю — хорошее или плохое…

Он снова глотнул бренди и покачал своей крупной головой, как человек, ожидающий неминуемых бед.

Глава 29
Снова черная метка

Пока продолжалась сходка, один из пиратов вошел в блокгауз и, насмешливо, как мне показалось, отдав честь, попросил у Сильвера позволения взять факел. Сильвер кивнул, и пират удалился, оставив нас в темноте.

— Ого, близится буря, Джим, — уже совсем по-дружески обращаясь ко мне, сказал Сильвер.

Я выглянул в бойницу. Костер едва тлел и не давал света, и было понятно, зачем пиратам понадобился факел. Все они собрались плотной кучкой на откосе. Один держал факел, другой сидел в центре на корточках, сжимая в руке нож, поблескивавший в свете луны и факела. Остальные стояли, наклонившись, и наблюдали за тем, что он делал.

К своему изумлению, я заметил в руках пирата, помимо ножа, какую-то книгу. Затем тот, что сидел на корточках, неожиданно выпрямился, и пираты всей гурьбой направились к блокгаузу.

— Они идут сюда, — сказал я, возвращаясь на прежнее место.

— Пусть идут, сынок, — весело ухмыльнулся Сильвер. — Я сумею их встретить, как полагается.

Дверь распахнулась, и пятеро пиратов нерешительно застыли у порога, выталкивая вперед одного из своих товарищей. Несмотря на всю серьезность положения, я едва не рассмеялся, глядя на то, как медленно и боязливо он подходил к Сильверу, выставив вперед кулак правой руки.

— Давай-давай, приятель! — ободрил его Сильвер. — Я тебя не съем. Ну-ка, что там у тебя в руке? Не бойся, я знаю обычаи и не трону депутата от команды.

Осмелев, пират поспешно подошел к Сильверу и, сунув ему что-то в руку, чуть ли не бегом вернулся к своим.

— Ага! Черная метка! Я так и думал, — сказал Сильвер, едва взглянув на то, что ему вручили. — Но где вы раздобыли бумагу? Ба, да ведь это же листок из Библии! Какой же это олух таскал ее с собой?

— Это Дик, — отозвался один из пиратов.

— Дик? Ну, так пусть он побыстрее читает молитвы, — засмеялся Сильвер. — Песенка его спета, уж будьте уверены!

Но тут вмешался желтоглазый верзила.

— Довольно болтовни, Джон Сильвер! — выкрикнул он. — Команда, согласно обычаю, вручает тебе черную метку. Переверни ее и прочитай, что там написано. Посмотрим, что ты тогда запоешь!

— Спасибо, Джордж! — ответил Сильвер. — Ты всегда отличался деловитостью, а теперь выясняется, что ты знаток наших правил. Отлично, сейчас посмотрим, что там написано. Ага! «Смещен»! Вот оно что! И почерк превосходный! Твоя работа, Джордж? Ты, видно, у них за вожака и надеешься стать капитаном. Похвальное желание. А пока, сделай одолжение, дай-ка мне огоньку — опять моя трубка погасла.

— Хватит морочить нам голову! — перебил Джордж. — Все знают, что ты балагур хоть куда, но теперь твоей болтовне конец. Ты смещен, поэтому слезай с бочки, а мы приступим к выборам.

— А я-то думал, ты действительно знаешь наши обычаи, — насмешливо возразил Сильвер. — Прежде чем приступить к выборам, вы обязаны изложить мне свои претензии и обвинения, а я должен на них ответить. А пока этого не случилось, я остаюсь вашим капитаном, и черная метка ваша стоит столько же, сколько заплесне-

велый сухарь. Приступайте!

— Дело тут ясное, — начал Джордж, — и говорить долго не придется. Во-первых, ты провалил дело — думаю, у тебя не хватит наглости это отрицать. Во-вторых, ты выпустил врагов из ловушки. Почему они захотели уйти отсюда, я не знаю, но совершенно ясно, что они к этому стремились. И, в-третьих, ты запретил нам их преследовать. О, я-то вижу тебя насквозь, Джон Сильвер! Ты ведешь двойную игру, и это подло. И наконец — проклятый мальчишка.

— У вас все? — спокойно спросил Сильвер.

— Разве этого мало? — возразил Джордж. — Из-за тебя мы все можем оказаться на рее.

— Отлично! А теперь послушайте меня. Я отвечу по всем пунктам обвинения. Вы говорите, я провалил дело? Но ведь вам известен мой первоначальный план! Если б вы послушались меня, то все мы сейчас находились бы на «Эспаньоле», целые и невредимые, а золото лежало бы в трюме. Черт побери, и кто же мне помешал? Кто торопил меня и подталкивал? Кто вручил мне черную метку в первый же день нашего прибытия на остров и начал эту сумасшедшую пляску? О, это превосходная пляска, хотя она немного напоминает пляску скелетов, болтающихся в петле. И

кто всему этому виной? Болван Эндерсон, Хендс и ты, Джордж Мерри! Из всех этих смутьянов и недоумков ты один остался в живых. И у тебя еще хватает наглости лезть в капитаны? У тебя, сгубившего две трети команды? Нет, это никуда не годится!..

Сильвер умолк, и по лицам слушателей я заметил, что его слова не пропали впустую.

— Таков мой ответ по первому пункту обвинения! — продолжал Сильвер, вытирая пот с лица. — Ей-богу, мне тошно говорить с вами. У вас нет ни капли здравого смысла, и я удивляюсь, куда смотрели ваши мамаши, отпуская вас в море! Разве вы моряки, джентльмены удачи? Лучше б вы стали портными или жестянщиками!

— Продолжай, Джон, — перебил Морган. — Ответь на остальные обвинения.

— А, остальные? Их немало, верно? Вы говорите, наша затея потерпела неудачу. Проклятье, вы даже не подозреваете, как плохи наши дела! Мы так близки к виселице, что у меня уже сейчас ломит шею. Мы будем болтаться, повешенные, с закованными в цепи руками и ногами, и над нами будут кружиться вороны и чайки. Моряки будут указывать на нас пальцами во время прилива. «Кто это?» — спросит один. «Да это Джон Сильвер

с приятелями, — ответит другой, — я знавал его в прежние времена». Вот что грозит каждому из нас из-за Джорджа Мерри, Хендса, Эндерсона и других остолопов! Что касается четвертого пункта, то есть этого мальчугана, то разве вы еще не догадались, что он у нас в заложниках и еще очень и очень пригодится? Поэтому убивать его я вам ни в коем случае не советую. По третьему пункту: может, вы ни во что не ставите ежедневные визиты доктора, который приходит лечить твою разбитую башку, Джон, и твою болотную лихорадку, Джордж Мерри, от которой у тебя глаза уже пожелтели, как лимонная кожура? Может, вам неизвестно также, что сюда скоро должен прийти на выручку истинным джентльменам другой корабль? Разве нам тогда не пригодится заложник? А что касается пункта второго, то есть сделки, то разве не сами вы упрашивали меня пойти на это? Разве вы не пали духом, когда вам грозила голодная смерть? Но я-то согласился на эту сделку вовсе не ради этого, а вот из-за чего!

И он швырнул на пол пожелтевший лист бумаги, который я тотчас узнал. Это была та самая карта с тремя красными крестиками, которую я обнаружил когда-то в сундуке Билли Бонса. Зачем доктор отдал ее Сильверу — этого я ни за что не

смог бы понять.

Пираты жутко обрадовались и набросились на карту, как коты на мышь. Они вырывали ее друг у друга из рук, смеялись и восторженно восклицали. Со стороны можно было подумать, что они уже не только завладели кладом, но и везут его домой на шхуне.

— Да, да! — воскликнул один. — Нет никаких сомнений — это карта Флинта! Вот и его подпись с росчерком, видите — «Д. Ф.»!

— Все это замечательно, — разочарованно заметил Джордж. — Но как мы увезем клад, если у нас больше нет шхуны?

Сильвер вскочил с бочки, как на пружинах, хватаясь за стену.

— Предупреждаю тебя в последний раз, Джордж! — рявкнул он. — Еще одно слово, и я вызову тебя на поединок. Ты спрашиваешь — как? А мне откуда знать? Это должен сказать мне ты и другие, которые потеряли шхуну и погубили все на свете, разрази их гром! Конечно, ты ничего путного не выдумаешь! У тебя не хватит на это пороху. Но, по крайней мере, будь учтив со мной, Джордж Мерри!

— Что правда, то правда, — поддержал Сильвера старый Морган.

— Еще бы не правда! — фыркнул Сильвер. — Он потерял шхуну, а я отыскал сокровища. Кто из нас больше достоин быть капитаном? Но я снимаю с себя это звание. Выбирайте кого хотите. С меня хватит!

— Сильвера! Пусть Окорок останется капитаном во веки веков! — заорали в один голос пираты.

— Ага! — воскликнул Сильвер, — вот вы как теперь запели! Ну что ж, Джордж, придется тебе дождаться другого подходящего случая! Повезло тебе, что я не злопамятен и не собираюсь мстить. Но что делать, парни, с этой черной меткой? Она ведь больше ни на что не годится, верно? Да и Дик напрасно испортил свою Библию и загубил свою душу.

— Может, она еще сгодится для присяги? — спросил суеверный Дик.

— Ну нет! — насмешливо возразил Сильвер. — Присягнуть на Библии с вырванными листами? Да в ней святости не больше, чем в простом песеннике!

— И все же я ее сохраню, — сказал Дик.

— А это, Джим, сохрани на память, — сказал Сильвер, подавая мне черную метку.

Она представляла собою кружок величиной

с монету в одну крону. На одной ее стороне сохранился кусочек текста из Апокалипсиса (я разобрал только два слова: «псы» и «убийцы»), другая была измазана углем, испачкавшим мои пальцы. На чистой стороне было нацарапано углем: «Смещен». Я храню эту черную метку как большую редкость, хотя ныне от надписи углем остались только следы как от ногтя.

Так завершились события этой ночи.

После непродолжительной и не слишком бурной выпивки пираты завалились спать. Карательные меры Сильвера ограничились тем, что он назначил Джорджа Мерри в караул, пригрозив ему смертью за ослушание.

Я долго не мог сомкнуть глаз. Мне вспоминался Израэль Хендс, которого я прикончил, сам находясь на краю гибели. А еще я думал о своем ужасном положении, но еще больше — о той опасной игре, которую вел Сильвер, пытаясь одной рукой держать в повиновении пиратов, а другой хватаясь за любую, даже самую ненадежную соломинку для спасения своей жизни. Он спал неподалеку от меня и громоподобно храпел. Несмотря на то, что он причинил нам немало зла, мне все же было жаль его, и я не хотел, чтобы он угодил на виселицу.

Глава 30
Под честное слово

Мы все, и даже часовой, задремавший у крыльца, одновременно проснулись от громкого крика, донесшегося из леса:

— Эй там, в блокгаузе! Доктор идет!

Это и в самом деле был доктор Ливси. Хоть я и ужасно обрадовался, услышав его голос, но в то же время и смутился, вспомнив свое ослушание и бегство. Вдобавок, мне было стыдно, что доктор увидит меня в обличье пленника пиратов.

Должно быть, он поднялся затемно — еще только начинало светать. Подойдя к бойнице, я увидел доктора: он стоял на опушке, как некогда Сильвер, по колено в клубах утреннего тумана.

— Здравствуйте, доктор! С добрым утром, сэр! — весело откликнулся Сильвер. — Раненько же вы поднялись! Но, как говорится, ранняя птица больше корма клюет. Джордж, очнись и помоги доктору подняться на судно. У нас все идет отлично, доктор, и ваши пациенты поправляются.

Сильвер, как всегда, балагурил, стоя на вершине холма с костылем под мышкой и опираясь одной

рукой о стену блокгауза. Он и вообще держался так, будто ровным счетом ничего не случилось.

— У нас для вас сюрпризец, сэр! — продолжал он. — Один наш общий знакомый, хе-хе-хе! Так сказать, наш новый постоялец, шустрый паренек… Всю ночь проспал как сурок рядом со мной, да и сейчас, поди, сопит вовсю!

Доктор Ливси перелез через частокол и начал приближаться к Сильверу. Я слышал, как дрогнул его голос, когда он спросил:

— Уж не Джим ли это?

— Он самый, — продолжая посмеиваться, отвечал Сильвер.

Доктор на минуту остановился как громом пораженный, а потом проговорил:

— Ну и отлично! Но долг прежде всего, а уж потом развлечения, как вы сами любите повторять, Джон. Сначала осмотрим моих пациентов.

Доктор вошел в блокгауз и, угрюмо кивнув мне, принялся за осмотр больных.

Он держался с таким непередаваемым спокойствием, словно наносил визиты своим обычным пациентам в английских семействах, а не находился в окружении злодейской шайки, где ему в любую минуту могла грозить смерть. Такая манера действовала даже на пиратов, и они держались

с доктором так же, как и прежде на «Эспаньоле».

— У вас неплохо идут дела, приятель, — обратился доктор к пирату с забинтованной головой. — Должно быть, череп у вас крепче стали. Ну а вы, Джордж, как себя чувствуете? Цвет лица у вас нехорош — видно, печень вконец расстроена. Вы принимали лекарство, что я прописал? Эй, парни, принимал он лекарство?

— Да, сэр, буквально по часам, — отвечал Морган.

— Видите ли, с тех пор, как я стал врачом мятежников, или, вернее, тюремным врачом, — шутливо пояснил доктор Ливси, — я считаю своим прямым долгом не дать смерти похитить раньше срока ни одного из кандидатов на виселицу.

Пираты мрачно переглянулись, но проглотили опасную шутку доктора.

— Дик у нас что-то неважно себя чувствует, — сообщил один из пиратов.

— В самом деле? Ну-ка, подойдите, Дик, поближе и покажите язык! Ну, не удивительно, что вы чувствуете себя неважно. Таким языком можно напугать всю французскую армию. Боюсь, что у Дика тоже начинается лихорадка.

— Это все поэтому, что он вырвал страницу из

Библии, — заметил Морган.

— Библия тут ни при чем. Дело в том, что вы — настоящие ослы, — ответил доктор. — Не умеете отличить здоровый воздух от зараженного и сухую местность от гнилого и ядовитого болота. Вот за это вы все и поплатитесь малярией. Расположиться лагерем в болоте! Я поражаюсь вам, Сильвер! Ведь вы вдесятеро умнее их всех, а тоже не имеете ни малейшего представления о гигиене.

Закончив осмотр, сделав назначения и раздав лекарства пиратам, которые повиновались ему, как ученики воскресной школы, доктор сказал:

— Отлично! На сегодня довольно. А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы побеседовать с этим мальчуганом с глазу на глаз.

И он небрежно кивнул в мою сторону.

Джордж Мерри, стоявший у двери и отплевывавшийся после приема горькой микстуры, услыхав просьбу доктора, неожиданно побагровел и выругался:

— Ну уж нет, будь я трижды проклят!

Сильвер внезапно хватил кулаком по днищу бочонка.

— Молчать! — грозно проревел он, окидывая сообщников поистине львиным взором. — Док-

тор, — продолжал он обычным тоном. — Я уже думал об этом, зная ваше расположение к этому пареньку. Мы все признательны вам за ваши хлопоты и до того доверяем, что принимаем ваши снадобья, как ром. Мне кажется, я знаю приемлемый выход. Джим Хокинс, готов ли ты как юный джентльмен дать честное слово, что никуда не удерешь?

Я немедленно дал слово.

— Хорошо, — кивнул Сильвер. — Тогда вы, доктор, перебирайтесь через частокол и ждите. Я приведу парня туда, но он останется по эту сторону. Думаю, это не помешает вам побеседовать по душам. А теперь прощайте, сэр. Передайте мое почтение сквайру и капитану Смоллетту.

Как только доктор вышел, негодование пиратов вырвалось наружу. Они принялись обвинять своего капитана в двойной игре, а заодно и в том, что он хочет выгородить себя и пожертвовать всеми остальными. Короче говоря, они разгадали его истинные намерения. Все было настолько очевидно, что я и вообразить не мог, как Сильверу удастся выпутаться на этот раз.

Но недаром было сказано, что он вдесятеро умнее их всех, вместе взятых. Кроме того, ночная победа над сообщниками дала ему дополнитель-

ную власть над ними — они сами признали его авторитет.

Сильвер обозвал их идиотами и остолопами, добавив, что считает совершенно необходимым, чтобы я поговорил с доктором; затем он швырнул им карту и спросил, хотят ли они нарушить договор о перемирии как раз в тот момент, когда все они собираются отправиться на поиски клада.

— Нет, черт возьми! — выкрикнул он. — Разумеется, мы нарушим соглашение, но лишь тогда, когда это будет для нас выгодно. А до той минуты я буду всячески ублажать доктора, даже если мне придется дважды в день мыть его сапоги ромом!

Приказав своей команде развести костер, Сильвер запрыгал вниз по ступеням на костыле, опираясь на мое плечо. Пираты остались в полном замешательстве и недоумении, так как Сильвер заговорил им зубы, но ни в чем не убедил.

— Полегче, сынок, полегче, — вполголоса бормотал он. — Не спеши. Они могут наброситься на нас, если заметят, что мы торопимся.

Мы медленно спустились по песчаному откосу к тому месту, где за частоколом нас поджидал доктор. Приблизившись, Сильвер сказал, обращаясь к щели в частоколе:

— Пусть парнишка расскажет вам, доктор,

как я вчера спас ему жизнь, хотя меня хотели за это лишить звания капитана! Уж поверьте мне — когда человек играет в орлянку со смертью и подвергается такой опасности, ему хочется услышать хотя бы одно ободряющее слово, которое вернет ему надежду. И не забывайте — речь идет не только обо мне, но и о спасении этого мальчугана. Думаю, вы не лишите меня хотя бы слабой надежды на спасение.

Я заметил, как Сильвер изменился, едва повернувшись спиной к своим сообщникам. Щеки его ввалились, голос утратил уверенность, кожа посерела.

— Неужели вы боитесь, Джон? — спросил доктор из-за частокола.

— Доктор, я не трус! Но я говорю прямо и открыто: меня бросает в дрожь при мысли о виселице. Вы добрый и справедливый человек, я это знаю. Вы не забудете добра, сделанного мною, как, разумеется, и зла. А сейчас я отойду в сторону и оставлю вас с Джимом наедине. Надеюсь, и это мне зачтется, верно?

Отойдя на несколько шагов, Сильвер уселся на пень и, посвистывая, стал поглядывать то на нас, то на свою команду, которая разжигала огонь и тащила из блокгауза сухари и ветчину, собираясь

завтракать.

— Итак, Джим, — печально проговорил доктор, — ты угодил им в лапы и пожинаешь то, что посеял. Но у меня не хватает духу бранить тебя. Скажу одно: если бы капитан Смоллетт был здоров, ты бы не посмел удрать. А поскольку он лежал, страдая от раны, и не мог тебе помешать, ты и поступил, как презренный дезертир!

— Доктор, — взмолился я, едва сдерживая слезы, — не упрекайте меня. Я сам себя много раз проклял. Моя жизнь висит на волоске, и если меня не убили этой ночью, то лишь благодаря заступничеству Джона Сильвера. Поверьте, доктор, я не боюсь смерти, но меня страшат пытки. Если меня станут пытать…

— Послушай, Джим, — перебил меня доктор, и голос его снова дрогнул. — Я не могу этого вынести. Перебирайся через частокол и бежим!

— Но, доктор, я же дал честное слово!

— Да знаю я! — вскричал он. — Но что же делать? Я возьму на себя этот грех, но оставить тебя здесь я не в силах. Давай, прыгай сюда. Один прыжок — и ты на воле!

— Нет, — ответил я. — Вы знаете, сэр, что ни вы, ни сквайр, ни капитан не поступили бы так на моем месте. И я тоже не стану удирать. Сильвер

доверился мне, я дал слово и обязан вернуться. Но вы, доктор, не позволили мне договорить. Если меня станут пытать, я могу проговориться, где находится «Эспаньола». Ведь мне посчастливилось умыкнуть у них шхуну, и теперь она стоит на мели у южного берега Северной стоянки. Во время высокого прилива ее нетрудно оттуда вывести.

— Шхуна?! — вскричал доктор.

Я коротко рассказал ему о своих приключениях, и доктор безмолвно выслушал меня.

— Поразительно! — воскликнул он, когда я закончил свой рассказ. — Уже который раз ты спасаешь нас от гибели. И после этого ты полагаешь, что мы позволим тебе умереть под ножами грязных пиратов? Хороша была бы награда за все, что ты для нас сделал! Ты обнаружил заговор на шхуне, ты нашел Бена Ганна — лучшего дела, пожалуй, ты не сделал за всю свою жизнь, хоть этот Бен Ганн выглядит сущим демоном!.. Сильвер! Сильвер! — вдруг крикнул он, а когда бывший кок приблизился, продолжил: — Я хочу дать вам совет — не тратьте силы на поиски сокровищ.

— Я и без того стараюсь по возможности оттянуть это дело, — отозвался Сильвер. — Но сейчас я не вижу другого средства для спасения своей жизни и жизни этого мальчугана, кроме поисков

клада.

— В таком случае, Сильвер, — продолжал доктор, — ищите. Но я дам вам еще один совет: когда будете искать клад, обращайте внимание на крики.

— Сэр! — покачал головой Сильвер. — Вы сообщили мне или слишком много, или слишком мало. Я не понимаю, почему вы покинули блокгауз и отдали мне карту; а теперь я вообще ничего не понимаю. А между тем, я выполнил все, чего вы требовали, хотя в награду не получил даже обещаний. Но то, что вы говорите теперь — это уже слишком! Если вы не поясните мне, в чем тут дело, я просто откажусь держать в узде своих негодяев.

— Очень жаль, — задумчиво проговорил доктор, — но я не имею права сказать больше. Это не моя тайна, Сильвер. Иначе, клянусь честью, я бы все вам рассказал. Но я готов превысить свои полномочия и дать вам надежду. Если мы все выберемся живыми из этой ловушки, я сделаю все, чтобы спасти вас от виселицы, даже если ради этого мне придется пойти на клятвопреступление!

Лицо Сильвера мгновенно просветлело.

— Даже родная мать не смогла бы утешить

меня так, как вы! — воскликнул он.

— Это первое, что я хотел вам сказать, — продолжал доктор. — А во-вторых, я советую вам держать этого мальчика поближе к себе, а если понадобится — зовите меня на помощь. В любых обстоятельствах я постараюсь помочь вам, и тогда убедитесь, что я не бросаю слов на ветер. А теперь — до свиданья!

Доктор пожал мне руку через частокол, кивнул Сильверу и торопливо зашагал к лесу.

Глава 31
Указующая стрела Флинта

— Джим, — обратился ко мне Сильвер, когда мы остались одни, — я спас жизнь тебе, а ты — мне. Этого я не забуду. Я ведь догадался, что доктор подбивает тебя удрать, и понял по твоим жестам, что ты отказался. Этого я тоже не забуду. Впервые после той неудачной атаки на блокгауз я увидел луч надежды. И это тоже по твоей милости. К поискам сокровищ, Джим, мы приступаем вслепую, и это мне очень не нравится, но мы с тобой будем крепко держаться друг за друга…

Из блокгауза нам крикнули, что завтрак готов. Вскоре все мы, рассевшись на песке, закусывали сухарями и ломтями поджаренной ветчины. Пираты развели такой костер, что на нем можно было зажарить целого быка, но они продолжали подбрасывать топливо. Вскоре огонь запылал так, что к нему можно было приблизиться разве что с наветренной стороны, да и то с осторожностью. С такой же бессмысленной расточительностью обращались пираты и с провизией: они нажарили солонины по крайней мере втрое больше,

чем было нужно. Один из них с бессмысленным смехом швырнул остатки трапезы в огонь, а ведь этой пищи хватило бы еще на десяток едоков. Никогда еще я не видел людей более беспечных, даже не помышляющих о завтрашнем дне. Они все делали кое-как, спустя рукава: истребляли запасы, напивались до полусмерти, спали на часах и, несмотря на всю свою бесшабашность и отвагу, не были способны ни на какие длительные военные действия.

Даже Сильвер, сидевший в стороне с попугаем на плече, не обратил ни малейшего внимания на расточительность своих людей — и это несмотря на его ум и предусмотрительность.

— Да, парни, — торопливо насыщаясь, принялся разглагольствовать он. — Ваше счастье, что у вас есть капитан Окорок, который думает за каждого. Я выведал, что «Эспаньола» у них. Пока я не знаю, где они ее прячут, но как только клад окажется у нас в руках, мы перевернем весь остров и снова ее захватим. У нас есть важное преимущество — шлюпки, а раз так, шхуна от нас никуда не денется…

Набив полный рот копченой грудинкой, Сильвер продолжал ораторствовать, восстанавливая свой пошатнувшийся авторитет и одновременно

подбадривая самого себя.

— Что касается этого нашего заложника, то, можете мне поверить, это его последнее свидание со своими. Из их разговоров я узнал все, что мне требовалось, и такова была моя цель. Но теперь — кончено. Мы потащим его с собой на веревке, когда двинемся на поиски клада и будем стеречь как зеницу ока. Этот парнишка для нас — дороже золота. Но как только мы доберемся до сокровищ, разыщем шхуну и отчалим, мистер Хокинс получит все, чего заслуживает. Уж мы его отблагодарим по-свойски!

Пираты только посмеивались, а я окончательно впал в уныние. Если план Сильвера в самом деле осуществится, то этот человек, ведущий свою двойную игру, ни секунды не будет колебаться, выбирая между богатством и свободой и обещанным ему помилованием — единственным, на что он может рассчитывать, перейдя на нашу сторону.

Но даже если обстоятельства вынудят Сильвера сдержать слово, данное доктору, нам с ним все равно будет грозить смертельная опасность. Если пираты обнаружат двурушничество Сильвера, то калеке и подростку не выстоять против пяти дюжих матросов!

Помимо этого, меня беспокоило и странное поведение моих друзей. Почему они бросили блокгауз и отдали пиратам карту? Что означают таинственные слова доктора, сказанные Сильверу: «Прислушивайтесь к крикам, когда станете искать клад»?

Словом, мне было не до завтрака, и я с тяжелым сердцем поплелся вслед за пиратами на поиски клада.

Наша экспедиция представляла собою весьма странное зрелище — все в замызганных матросских куртках и, за исключением меня, вооруженные до зубов. У Сильвера было два ружья — одно болталось на плече, другое висело спереди на шее; кроме того, он заткнул за пояс кортик и засунул в карманы штанов пару пистолетов. Вдобавок на плече у него восседал без умолку оравший и болтавший Капитан Флинт. Меня обвязали веревкой, конец которой Сильвер сжимал в свободной руке, и я чувствовал себя медведем на цепи. Кроме оружия, пираты тащили лопаты и ломы — их они выгрузили с «Эспаньолы» в первую очередь, запас сухарей, солонины, рома и бренди. Вся эта провизия, как я уже говорил, была из наших запасов. Видимо, Сильвер вчера говорил правду: если бы он не заключил некую

сделку с доктором, то пиратам, лишившимся шхуны, пришлось бы питаться только дичью и родниковой водой, которая вряд ли пришлась бы им по вкусу. Не говоря уже о том, что моряки редко бывают хорошими охотниками.

Снаряженные таким образом, мы все, не исключая раненого с перевязанной головой, которому следовало бы лежать в блокгаузе, направились к бухте. Там стояли две шлюпки, и обе имели жалкий вид: сплошь в глине и водорослях, две-три скамьи сломаны, внутри плещется невычерпанная вода. Пираты решили воспользоваться обеими, и мы, разделившись на два отряда, кое-как разместились и отчалили.

По пути вспыхнул спор по поводу карты. Красный крест, поставленный на ней, был слишком велик и не мог служить точным указанием. Пояснения на обороте карты тоже отличались крайней краткостью и неопределенностью. Они гласили, если читатель помнит, следующее:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы по направлению к С. от С.-С.-В.
Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов».

Итак, прежде всего надлежало отыскать высо-

кое дерево. Прямо перед нами бухту замыкало плоскогорье высотой в двести-триста футов, которое на севере соединялось с южным склоном Подзорной Трубы, а на юге переходило в ту скалистую вершину, что носила название Бизань-Мачта. Склоны повсюду покрывал сосновый лес. Кое-где высились отдельные исполинские сосны, поднимавшиеся над другими вершинами на сорок-пятьдесят футов. Но какое из этих деревьев имел в виду Флинт, можно было определить лишь наверху, причем с помощью компаса.

Несмотря на это, каждый из пиратов еще в шлюпке облюбовал какую-нибудь из сосен и принялся утверждать, что именно она и есть то самое «высокое дерево». Сильвер только пожимал плечами и советовал подождать, пока мы не окажемся на месте.

По его совету мы берегли силы и не слишком налегали на весла. Наконец после довольно продолжительного плавания мы причалили в устье второй речушки, вытекавшей из лесистого ущелья на склоне Подзорной Трубы. Оттуда мы и начали подниматься на плоскогорье.

Сначала нам пришлось пробираться в болотных зарослях, увязая едва не по колено в топкой грязи. Потом начался склон, почва стала сухой

и каменистой, а растительность более высокой и редкой. Теперь мы находились в самой живописной и здоровой части острова. Вместо травы по земле стлались цветущие кустарники. Среди зарослей вечнозеленого мускатника высились бронзовые стволы могучих сосен. Запах хвои и смолы смешивался с ароматом цветов и мускатного ореха. Свежий благоухающий ветерок, несмотря на полуденный зной, приносил бодрящую прохладу.

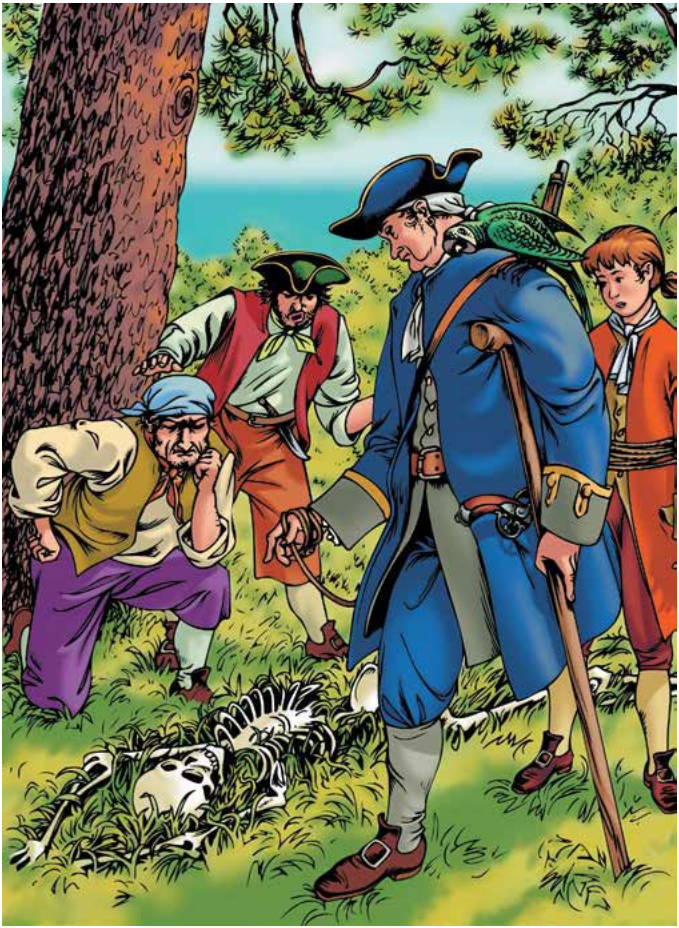
Пираты рассыпались цепью и пробирались в чаще, то и дело перекликаясь. Сильвер ковылял между ними. Вид у него был усталый, он с трудом взбирался по склонам, покрытым щебнистыми осыпями. Я следовал за ним на привязи, и мне не раз приходилось поддерживать калеку, иначе он покатился бы вниз.

Так мы прошли больше полумили и уже почти взобрались на вершину, как вдруг слева раздался сдавленный крик одного из пиратов. Все бросились к нему.

— Быть не может, чтобы он нашел клад! — заметил старый Том Морган, пробегая мимо нас. — Ведь мы еще даже не добрались до места.

Какие там сокровища! Подойдя поближе, мы увидели, что у подножья одной из старых сосен

лежит человеческий скелет, кое-где прикрытый истлевшими лохмотьями одежды и опутанный вьющимися травами. От этого зрелища просто мороз шел по коже.



— Это моряк, — сообщил Джордж Мерри. Он оказался смелее других и, первым приблизившись к скелету, принялся осматривать остатки одежды несчастного. — На нем морская куртка.

— Само собой, — ухмыльнулся Сильвер. — Ведь не епископа же ты ожидал тут найти! Но скажу я вам — лежит он как-то странно.

И в самом деле, скелет покоился в совершенно неестественной позе. По странной случайности (может, виной тому были птицы или опутавшие побелевшие кости ползучие растения) он был вытянут, как стрела. При этом ноги мертвеца указывали в одну сторону, а руки, поднятые над головой, как у готовящегося нырнуть пловца, — в другую.

— Дьявол, я, кажется, начинаю кое-что понимать! — проворчал Сильвер. — Этот костяк — вместо указующей стрелки на карте. Вон, гляди, Джим, — вершина Острова Скелета, выглядывающая из-за леса, словно зуб. Ну-ка, парни, проверьте по компасу.

И верно — покойник в самом деле указывал на Остров Скелета, а компас подтверждал направление на восток-юго-восток и на восток.

— Так я и думал! — воскликнул Джон Сильвер. — Указатель! А вон там Полярная звезда и

клад. Но будь я проклят! Просто волосы дыбом встают, как вспомнишь Флинта. Это, конечно, его дьявольские шуточки! С ним было шестеро, а он в одиночку перебил их всех. А этого, видно, притащил сюда и положил вместо стрелки. Похоже, у этого молодца длинные кости и желтые как солома волосы. Ба! Уж не Аллардайс ли это? Том Морган, ты помнишь Аллардайса?

— Еще бы не помнить, — отозвался Морган. — Он не вернул мне долг, а кроме того, отправляясь на берег с Флинтом, позаимствовал у меня нож.

— Если так, — подал голос другой пират, — то нож может валяться где-нибудь здесь. Кто-кто, а Флинт не стал бы шарить по карманам мертвеца, а птицам и белкам нож ни к чему.

— Черт возьми, верно! — воскликнул Сильвер.

— Однако при нем ничего нет, — заметил Джордж Мерри, пошарив среди костей и осмотрев почву вокруг, — ни медного пенса, ни кисета, ни трубки. Странно это!

— Действительно, странно, — согласился Сильвер. — Что-то тут не так. И скажу я вам, парни: будь Флинт жив, нам бы крепко не поздоровилось. Его спутников было шестеро, нас тоже шестеро; и от тех шестерых остались одни кости.

— Я своими глазами видел его мертвым в Са-

ванне, — проговорил Том Морган. — Билли сам водил меня к нему проститься. Флинт лежал окоченевший, с медяками на глазах.

— Ясное дело, он мертв, — подтвердил пират с перевязанной головой. — Но если только привидения существуют, Флинт наверняка шляется здесь в обличье призрака. Уж больно скверно он помирал.

— Да, благочестия в нем не было ни на грош, — согласился другой. — То сквернословил, то требовал рому, то орал свою любимую песню про сундук мертвеца. Сказать по правде, с тех пор я не больно-то люблю эту песню. Было жарко, как в аду, и безветренно, и я отчетливо слышал и слова песни, и предсмертный хрип Флинта.

— Вперед, вперед, парни! — скомандовал Сильвер. — Довольно болтовни. Флинт покоится в могиле, и опасаться тут нечего. А если б ему и вздумалось выбраться из своей могилы, так ведь привидения разгуливают только по ночам, а сейчас белый день. Оставьте покойника в покое — нас ждут пиастры и дублоны[41].

Мы двинулись дальше. Но, несмотря на яр-

[41] Сноски: 41

Дублон — испанская золотая монета, которую чеканили в XVI–XIX вв. в основном из золота, захваченного испанцами в период завоевания Южной Америки.

кий солнечный свет, теперь пираты держались кучкой и старались не повышать голос. Вот какой страх нагонял на них Флинт, даже будучи мертвым.

Глава 32
Таинственный голос

Оказавшись на плоскогорье, мы сделали привал, чтобы дать немного передохнуть Сильверу и раненому пирату. С того места, где мы уселись, открывался великолепный вид во все стороны. Вдали сквозь верхушки деревьев виднелся лесистый мыс, обрамленный пеной океанского прибоя. Сзади расстилалась бухта с Островом Скелета, за которым на востоке темнела полоса открытого моря. Прямо перед нами высилась Подзорная Труба, заросшая редкими соснами. На ее склонах темнели расселины и провалы. Глубокую тишину нарушали только отдаленный грохот прибоя да жужжание насекомых.

Полное безлюдье, ни паруса на горизонте. Такой бескрайний простор невольно вызывал ощущение одиночества.

Сильвер во время привала что-то прикидывал и делал засечки по компасу.

— Здесь три высоких дерева, — наконец произнес он, — и все они расположены на одной прямой с Островом Скелета. «Плечо Подзорной

Трубы», я думаю, — вон та впадина. Теперь и ребенок нашел бы этот клад. Поэтому я считаю, что нам следует перекусить.

— Что-то мне совсем неохота есть, — проворчал Морган. — Я как вспомнил о Флинте, так и всякий аппетит пропал.

— Счастье твое, приятель, — заметил Сильвер, — что он умер.

— Ох, до чего ж он был похож на демона! — вспомнил, содрогнувшись, один из пиратов. — Рожа сплошь синяя-синяя!

— Это все от рома, — подтвердил Морган. — Если пить, как он, так уж точно посинеешь…

Вид истлевшего скелета и воспоминания о грозном предводителе так подействовали на пиратов, что они говорили едва не шепотом. И вдруг тишина словно треснула пополам: за стеной деревьев чей-то высокий дребезжащий голос затянул хорошо известную всем песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!..

Пираты страшно перепугались. Лица их вмиг покрылись зеленоватой бледностью. Некоторые вскочили, судорожно цепляясь за товарищей.

Морган со страху повалился ничком на землю.

— Это Флинт, Флинт! — лепетал он.

Голос внезапно оборвался, словно певцу заткнули рот. Между тем, мне это пение показалось вполне приятным и даже мелодичным. Поэтому я не мог понять того, что творилось с моими спутниками.

— Вперед, — проговорил Сильвер, едва шевеля посеревшими от страха губами. — Не бойтесь ничего и держитесь стойко. Кто бы там ни был, это не призрак, а живой человек. И голос мне этот как будто знаком. Должно быть, кто-то насмехается над нами.

Сильвер приободрился, бледность с его лица исчезла. Остальные пираты тоже мало-помалу приходили в себя. Вдруг издалека снова послышался тот же голос. На сей раз это было не пение, а истошный крик, эхом отдавшийся в расселинах Подзорной Трубы:

— Дарби МакГроу! Дарби МакГроу! — вопил голос.

Затем он стал сыпать ругательствами, и вдруг завыл:

— Подай рому, Дарби-и-и!

Пираты остолбенели, пуча глаза. Таинственный голос умолк, а они все еще стояли, ошеломленно

переглядываясь.

— Дело ясное, это Флинт, — забормотал один. — Надо бежать отсюда!

— Точно вам говорю — это были его последние слова перед смертью! — прошелестел Морган.

Дик вытащил свою Библию и начал усердно молиться. Один Сильвер, хоть зубы у него и стучали от страха, не сдавался.

— Никто, кроме нас, на этом острове не мог слышать о Дарби… — пробормотал он, а затем, взяв себя в руки, вдруг гаркнул: — Эй вы, послушайте меня! Я пришел сюда за кладом, и никто — ни человек, ни дьявол — не остановит меня. Я не боялся Флинта при жизни и, будь я сотню раз проклят, не испугаюсь его и мертвого. Здесь, неподалеку, лежат семьсот тысяч фунтов стерлингов. Разве настоящий джентльмен удачи может повернуться спиной к такому богатству из страха перед синемордым пьяницей, да к тому же еще и дохлым?

Но эти слова не вернули пиратам мужества. Наоборот — теперь они осуждали Сильвера за непочтительное отношение к покойному.

— Брось, Джон, не надо! — прервал его Мерри. — Не стоит оскорблять привидение…

Остальные были до такой степени охвачены

страхом, что не могли вымолвить ни слова. Они охотно пустились бы наутек, но страх словно лишил их ног, и они, как овцы, жались к Джону Сильверу, полагая, что тот защитит их от неведомого. Глядя на это, Сильвер действительно слегка оправился.

— Привидение, говоришь? Допустим, — продолжал он, — но вот что выглядит странно. Все мы слышали эхо этих криков, верно? А видел ли кто, чтобы привидение отбрасывало тень? Нет, говорю я вам. А эхо — то же самое, что и тень. Откуда же оно тогда взялось, если голос принадлежал привидению?

Такой аргумент показался мне не слишком убедительным, но никогда не знаешь, что подействует на суеверных людей.

Первым опомнился Джордж Мерри.

— Верно! Ох и голова же у тебя, Джон! Успокойтесь, парни. Мы ошиблись, приняв этот голос за голос Флинта. Это не он; скорее, это похоже на голос…

— На голос Бена Ганна, сгореть мне в аду! — выкрикнул Сильвер.

— Точно, Бен Ганн! — вскричал, приподнимаясь, Морган.

— Да ведь какая разница? — возразил Дик. —

Флинт покойник, и Бен Ганн тоже мертв.

В ответ на это пираты заухмылялись.

— Да кто ж станет бояться Бена Ганна, хоть живого, хоть мертвого! — проговорил Мерри.

Все мигом приободрились. Переговариваясь между собой, пираты лишь время от времени прислушивались, но, не услышав ничего подозрительного или пугающего, окончательно успокоились и, взвалив на плечи инструменты, двинулись дальше. Джордж Мерри шел впереди всех, держа направление по компасу Сильвера. Очевидно, он сказал правду: никто из пиратов не опасался ни Бена Ганна, ни его призрака.

Только Дик цеплялся за свою Библию и продолжал пугливо озираться. Но на него никто не обращал внимания, а Сильвер даже посмеивался над его страхом.

— Я же говорил тебе, Дик, что Библия с вырванными страницами ни на что не годится. На ней нельзя даже поклясться, а уж привидению на нее и вовсе наплевать!

Однако на Дика насмешки Сильвера не действовали. Жара, усталость и страх окончательно лишили его сил, к тому же, как и предсказывал доктор, у него начинался приступ лихорадки.

Теперь мы двигались по открытой местности.

Плоскогорье было слегка наклонено к западу, там и сям на нем высились громадные сосны. Между зарослями мускатника и азалий попадались просторные, залитые солнцем поляны. Держа на северо-запад, мы постепенно приближались к плечу Подзорной Трубы. Внизу виднелась западная бухта, на берегу которой я совсем недавно спускал на воду сплетенный из лозы челнок.

Первая из исполинских сосен после сверки по компасу оказалась неподходящей. То же самое произошло и со второй. Третья сосна поднималась над зарослями почти на двести футов — это было дерево-патриарх со стволом в несколько обхватов, в тени которого мог бы укрыться от солнца целый кавалерийский отряд. Эта сосна наверняка была видна с моря, и именно ее Флинт нанес на свою карту.

Впрочем, величие этого исполина растительного мира нисколько не занимало пиратов — гораздо больше их волновала мысль о зарытом где-то поблизости кладе. Близкое золото развеяло все их страхи; глаза моих спутников горели, их движения стали порывистыми, шаги быстрыми и твердыми. Они думали только об одном — об ожидавшем их несметном богатстве, о беспечной и роскошной жизни, которую оно сулило.

Сильвер с удвоенной энергией скакал на своем костыле. Ноздри его раздувались. Он с руганью отмахивался от мух, липнувших к его разгоряченному лицу и яростно дергал за веревку, то и дело бросая на меня свирепые взгляды. Сейчас он больше не таился, и я ясно, как в книге, читал его мысли. Он думал только о золоте и позабыл обо всем остальном — и о своих обещаниях, и о предостережениях доктора. Он хотел завладеть кладом, а затем под прикрытием ночи отыскать и снова захватить шхуну, перерезать глотки моим друзьям и уйти в море с грузом сокровищ и новых преступлений.

Измученный тревожными предчувствиями, я с трудом поспевал за пиратами и поминутно спотыкался, вызывая целые шквалы брани Сильвера. Бедолага Дик тащился позади всех и в полубреду бормотал молитвы пополам с богохульствами. А перед моими глазами невольно вставали когда-то разыгравшиеся здесь жуткие сцены. Мне мерещился капитан Флинт с синим лицом, убивающий шестерых своих соратников и потом умирающий в Саванне, пьяный, с руганью и сиплым пением. Эти тихие заросли когда-то оглашали предсмертные крики, и мне казалось, что я все еще слышу их эхо.

Наконец мы вышли из зарослей.

— Эй, парни, живее! — выкрикнул Мерри, и все бросились бегом.

Однако, пробежав совсем немного, пираты вдруг остановились, из их ртов вырвался общий горестный вопль. Сильвер все скакал на своей деревяшке, дергаясь, как марионетка, и вскоре мы поравнялись с остальными. Они стояли на краю большой ямы, вырытой, очевидно, давным-давно, так как края ее осыпались и поросли травой. На дне ямы валялся сломанный черенок от лопаты и несколько гнилых досок — из таких сколачивают ящики для хранения провианта на судах. На одной из них виднелась выжженная каленым железом надпись «Морж». То было имя корабля капитана Флинта!

Тут и раздумывать не приходилось: клад кем-то обнаружен и похищен. Семьсот тысяч фунтов стерлингов растаяли как дым!

Глава 33
Падение главаря

Какое страшное разочарование! Шестеро пиратов застыли, словно пораженные громом. Первым пришел в себя Сильвер. До сих пор все помыслы его были направлены на поиски сокровищ. Всей душой он стремился к этим деньгам — и вот в мгновение ока все рухнуло. Однако он не потерял голову, справился с собой и, сохраняя полное хладнокровие, моментально изменил план своих действий.

— Джим, — шепнул он мне, — возьми это и будь наготове!

Он сунул мне двуствольный пистолет и тут же потащил на противоположную сторону ямы, чтобы она отделяла нас от остальных пиратов. Затем он дружески кивнул мне, словно хотел сказать: «Положение наше неважное», и тут я не мог с ним не согласиться. Теперь он снова был на нашей стороне, но такое откровенное двуличие меня ужасно возмутило. Я не удержался и шепнул бывшему коку с упреком: «Вы снова изменили своим!»

Сильвер не успел ответить: пираты с руганью и проклятиями попрыгали в яму и принялись шарить по ее дну. Морган обнаружил в песке золотую монету в две гинеи. Извергая ругательства, он показал ее своим товарищам, и монета начала переходить из рук в руки.

— Две гинеи! — взревел Мерри, швыряя монету к ногам Сильвера. — Вот они, твои семьсот тысяч фунтов! Выгодную же сделку ты заключил, нечего сказать! И еще хвастался своим умом, дубовая твоя башка!

— Поройтесь еще, ребята, — с холодной насмешкой ответил Сильвер. — Может быть, найдете там еще пару земляных орешков. Свиньи от них просто без ума!

— Земляных орешков! — бешено проорал Мерри. — Слышите, что он говорит, парни? Клянусь, он заранее знал обо всем! Поглядите на его лицо, и убедитесь сами!

— Ох, Мерри! — издевательски вздохнул Сильвер. — Ты, видно, опять собрался в капитаны? Настойчивый ты малый, этого не отнимешь!..

Тем не менее все пираты явно были на стороне Мерри. Выбираясь из ямы, они бросали на нас свирепые, полные ненависти взгляды. Впрочем, на наше счастье, все они снова собрались на про-

тивоположной стороне.

Так мы и стояли — двое против пяти. Никто не решался начать первым. Сильвер не двигался и, опираясь на костыль, спокойно выжидал; мужества и хладнокровия ему было не занимать.

Наконец Мерри решил поторопить развязку.

— Парни! — крикнул он. — Ведь их только двое: один — старый калека, обманщик и предатель, который привел нас сюда на верную гибель, а другой — щенок, у которого я готов своей рукой вырвать сердце из груди. О чем тут раздумывать?

Он шагнул вперед и вскинул руку с зажатым в ней кортиком, готовясь напасть на нас. Но в это мгновение из чащи разом грянуло три выстрела. Мерри оступился и рухнул в яму. Пират с перевязанной головой завертелся волчком и тоже упал, содрогаясь в агонии. Оставшиеся трое бросились бежать.

Сильвер тут же разрядил свой пистолет в еще шевелившегося Мерри и, встретившись глазами с умирающим, спокойно проговорил:

— Ну что, Джордж, теперь мы в расчете?

Из зарослей мускатника показались доктор, Эйб Грэй и Бен Ганн.

— Вперед! — закричал доктор. — Быстрее! Мы

должны отрезать их от шлюпок!

Мы бросились в погоню напролом через заросли, не разбирая дороги. Сильвер, стараясь не отстать, так работал своей деревяшкой, что не всякий двуногий поспел бы за ним. И все же, когда мы достигли откоса, откуда начинался спуск к бухте, он отстал от нас ярдов на тридцать.

— Доктор, доктор! — кричал он, задыхаясь. — Поглядите! Спешить больше некуда!

И действительно: трое оставшихся в живых пиратов бежали совсем не к берегу, а к возвышенности Бизань-Мачта. Таким образом, мы уже отрезали их от шлюпок и вполне могли позволить себе передохнуть. Сильвер, вытирая заливавший его глаза пот, подошел к нам.

— Благодарю вас от всего сердца, доктор, вы поспели как раз вовремя, чтобы спасти нас обоих… Ба! Кого я вижу! Да это и в самом деле ты, Бен Ганн! Как поживаешь?

— Да, это и в самом деле я, — ответил бывший пират, странно извиваясь, словно угорь. — А как вы себя чувствуете, мистер Сильвер? Правда, я неплохо с вами посчитался за все, что вы сделали со мной?

— Ох, Бен! — сокрушенно покачал головой Сильвер. — Подумать только, какую шутку ты

сыграл с нами всеми…

Доктор отправил Грэя назад, чтобы тот прихватил кирку, брошенную пиратами. Затем мы спустились по откосу к шлюпкам, а по пути доктор коротко поведал мне обо всем, что случилось за время моего отсутствия. Сильвер с жадным интересом прислушивался к этому рассказу, главным героем которого оказался слегка спятивший островитянин Бен Ганн.

Давным-давно, во время своих одиноких скитаний по острову, он случайно наткнулся на скелет под сосной. Это он забрал нож покойного и его кисет с табаком, а со временем отыскал и выкопал сокровища Флинта. Затем в несколько приемов Бен перенес все золото в пещеру, находившуюся у подножия двуглавой вершины в северо-восточной части острова. В этом безопасном месте он его и спрятал. Случилось это примерно за два месяца до прибытия «Эспаньолы».

Все это доктор узнал от него при первой же встрече — сразу после злополучной атаки на блокгауз. На следующий день, обнаружив, что шхуна исчезла, доктор решил отдать Сильверу карту Флинта, ставшую ненужной, и наши припасы в обмен на то, что их оставят в покое. Тут он ничем не рисковал — у Бена Ганна имелся такой

запас солонины из козлятины, что его хватило бы на большой отряд. Таким образом, мои друзья покинули блокгауз и перебрались на вершину двуглавой горы. Там им не грозила тропическая лихорадка, а сокровища отныне находились под их охраной.

— Я догадывался, Джим, — добавил доктор, — что наше переселение окажется для тебя полной неожиданностью, и ты можешь попасть в беду. Но, несмотря на все мое расположение к тебе, я вынужден был сначала позаботиться о тех, кто исполнял свой долг. Ведь ты сам удрал от нас, не правда ли?

Однако в то утро, когда доктор обнаружил меня в плену у пиратов, он тотчас понял, какой опасности я подвергнусь, когда злодеи обнаружат, что клад исчез. Первым делом они выместят свою ярость и разочарование на мне. Поэтому доктор едва ли не бегом бросился в пещеру, прихватил с собой Грея и Бена Ганна и направился к исполинской сосне. Сквайр остался наверху — ухаживать за капитаном и охранять сокровища. Но еще на полпути доктор заметил, что пираты уже двинулись на поиски и тащат меня с собой. Тогда он послал вперед быстроногого и хорошо знающего местность Бена Ганна, а тот решил на-

пугать суеверных пиратов. Вышло это у него так убедительно, что пираты замешкались, и доктор с Греем успели устроить засаду у опустевшей ямы еще до нашего прибытия.

— Слава Всевышнему, что со мной оказался Джим Хокинс! — воскликнул Сильвер. — Не будь его, вы бы, доктор, и пальцем не пошевелили, даже если б меня изрубили в фарш!

— Разумеется, — весело посмеиваясь, ответил доктор Ливси.

Когда мы добрались до берега, доктор заступом пробил в нескольких местах днище одной из шлюпок. Мы все погрузились на другую и отчалили, взяв курс на Северную бухту. Путь предстоял неблизкий — миль восемь — десять, но Сильвер, несмотря на усталость, сел на весла и греб наравне со всеми. Вскоре мы вышли из пролива и оказались в открытом море. Снова стоял штиль, и мы беспрепятственно обогнули юго-восточный выступ острова — тот самый, который «Эспаньола» огибала всего четыре дня назад.

Когда мы проходили мимо горы с двумя утесами на вершине, с моря стал виден вход в пещеру Бена Ганна. Рядом с ним виднелась крохотная фигурка человека, опирающегося на мушкет. Это был сквайр Трелони. Все мы, в том числе и Силь-

вер, приветствовали его радостными криками.

Пройдя на веслах еще три мили, мы обнаружили шхуну, но вовсе не там, где я ее оставил, а у входа в бухту Северной стоянки. Прилив снял ее с мели, и теперь она свободно странствовала по всей бухте. Будь ветер сильней или течение более быстрым, не видать бы нам нашей «Эспаньолы», как своих ушей: ее унесло бы в открытое море или разбило в щепки о берег. Но сейчас судно было в целости, если не считать порванного грота. Мы вытащили из трюма запасной якорь и поставили шхуну на якорную стоянку, а сами на шлюпке отправились к пещере Бена Ганна. Несколько позже на «Эспаньолу» вернулся Эйб Грэй, чтобы охранять судно ночью.

Наверху, у входа в пещеру нас встретил сквайр. Со мной он обошелся любезно и приветливо, ни словом не упомянув о моем бегстве, но при виде Джона Сильвера его лицо вспыхнуло. Он сказал:

— Джон Сильвер! Вы гнусный негодяй и лжец. Меня убедили даровать вам прощение, и я дал слово джентльмена, что не стану вас преследовать. Но кровь всех, кто погиб в результате вашей преступной затеи, падет на вашу голову!

— Премного вам благодарен, сэр, — низко склонился Джон Сильвер.

— Вы не смеете благодарить меня за это! Из-за вас я вынужден нарушить свой долг. Ступайте с моих глаз!

Мы вошли в пещеру. Она оказалась очень просторной и хорошо проветриваемой, с чистым песчаным полом и родником поблизости, прячущимся среди резных листьев папоротника. У костра в углу пещеры лежал капитан Смоллетт, а в сумрачном дальнем углу я приметил тусклый блеск золотых слитков и лежавших грудами монет. Вот оно — сокровище Флинта, цель нашей экспедиции и причина гибели семнадцати моряков из экипажа «Эспаньолы». А сколько крови, мук и кошмарных злодеяний стояло за этим богатством, сколько абордажных атак и морских сражений, сколько потопленных вместе с экипажами судов — об этом знали только трое соратников капитана Флинта: Джон Сильвер, Том Морган и Бен Ганн.

— Входи, Джим, — слабым голосом проговорил капитан. — Ты славный парень, но только я едва ли снова возьму тебя в плаванье. Уж больно ты своенравен и вечно все делаешь на свой лад. А это кто? Вы, Джон Сильвер? Каким же это ветром вас сюда занесло?

— Я вернулся к исполнению своих обязанно-

стей, сэр, — отвечал Сильвер.

— Угу, — проговорил капитан.

И больше не проронил ни звука.

И до чего же славно мы отужинали в тот вечер в кругу друзей, собравшись у огня! Даже соленая козлятина Бена Ганна показалась мне лакомством, тем более что запивали мы ее старым вином, которое прихватили на «Эспаньоле». Джон Сильвер весь вечер сидел в уголке, подальше от света, но ел с отменным аппетитом, смеялся вместе со всеми и мигом вскакивал, если что-нибудь требовалось подать. Одним словом, вел себя так, словно ничего существенного не произошло.

Глава 34
Последняя глава

С раннего утра мы взялись за работу. Надо было доставить сокровище на берег и переправить его в шлюпке на шхуну. А поскольку от пещеры до берега было не меньше мили, попотеть нам пришлось изрядно. Трое уцелевших пиратов, до сих пор бродивших в дебрях острова, нас не слишком беспокоили, но на всякий случай мы выставили часового на вершине холма.

Работа кипела. Грей и Бен Ганн перевозили золото на шхуну, а все остальные доставляли его к берегу. Золотом наполняли мешки из-под сухарей; они были совсем невелики, но два таких мешка, связанных между собой прочной веревкой, едва мог поднять взрослый и крепкий мужчина. Поэтому меня как самого слабосильного оставили в пещере, где я и должен был укладывать и упаковывать золото.

Клад Флинта состоял из монет самой разнообразной чеканки — таких же, какие я обнаружил в сундуке Билли Бонса. Мне доставляло удовольствие разбирать их и сортировать. Тут были

английские, французские, испанские и португальские монеты, гинеи и дублоны, кроны, луидоры[42] и цехины. На них были изображены короли всех стран Европы, правившие в последние два столетия. Попадались и необычные восточные монеты — круглые и четырехугольные, некоторые были продырявлены посредине, чтобы носить их как ожерелье. Словом, я насмотрелся на все деньги, какие только есть на свете. Монет было такое множество, что от возни с ними у меня разболелась спина и стали неметь пальцы.

Так продолжалось несколько дней, и нам уже стало казаться, что этой работе не будет конца. Трое оставшихся в живых пиратов куда-то пропали и больше не показывались. Впрочем, однажды ночью, когда мы с доктором прогуливались по вершине горы, из глубины леса до нас донеслись не то крики, не то пение. Но как следует разобрать, что это за звуки, нам так и не удалось.

— А ведь это, наверное, пираты, — заметил доктор.

— Опять перепились, сэр, — послышался позади нас голос Джона Сильвера.

---

[42] Сноски: 42

Луидоры — французские золотые монеты XVII–XVIII вв. Чеканить их начали в 1640 г., в период правления короля Людовика XIII.

Сильвер пользовался полной свободой и, несмотря на холодность с нашей стороны, держался непринужденно и даже фамильярно. Он был предупредителен и услужлив и словно не замечал нашего презрения. Лучше остальных к Сильверу относились двое: Бен Ганн, по старой памяти побаивавшийся грозного квартирмейстера капитана Флинта, и я, чувствовавший к бывшему коку некоторую признательность за свое спасение. При этом я, конечно же, не мог забыть его предательское поведение по отношению ко мне во время поисков клада.

Ничего удивительного, что доктор ответил Сильверу довольно пренебрежительно:

— Может, перепились, а может, больны и бредят в лихорадке.

— Возможно, сэр, — отвечал Сильвер, — но разве нам не все равно?

— Думаю, вам не стоит претендовать на звание гуманного человека, Джон, — с усмешкой заметил доктор, — поэтому мой ответ вас, пожалуй, удивит. Но если бы я был действительно уверен, что эти люди больны и страдают, то немедленно, даже рискуя собственной жизнью, отправился бы к ним на помощь.

— Прошу прощения, сэр, но вы бы поступили

крайне неразумно, — возразил Сильвер. — Вы потеряли бы собственную жизнь, только и всего. Теперь я душой и телом на вашей стороне, и мне бы не хотелось, чтобы ваш отряд лишился такого человека, как вы. Тем более что я многим вам обязан. Но эти люди никогда не смогли бы сдержать своего слова, даже если бы и захотели. Больше того: они не поверили бы и вашему честному слову.

— Ну, мы-то знаем, как вы, Джон, умеете держать свое слово, — проворчал доктор.

Больше о трех пиратах мы ничего не слышали. Лишь однажды до нас донеслись отдаленные ружейные выстрелы, и мы решили, что они занялись охотой. Посовещавшись, мы приняли решение покинуть их на острове, чему особенно обрадовались Эйб Грэй и Бен Ганн. Для них были оставлены солидный запас пороха и пуль, две бочки солонины, лекарства, плотницкие инструменты, одежда, запасной парус, две бухты тонкого троса и, по настоянию доктора, табак.

Других дел на Острове Сокровищ у нас не было. Золото находилось в трюме, запасы пресной воды и солонины на случай длительного плавания были пополнены. В одно прекрасное утро мы снялись с якоря и вышли из бухты Северной

стоянки под тем же флагом, который капитан Смоллетт когда-то прихватил со шхуны и поднял над блокгаузом.

Тут-то и выяснилось, что пираты следили за нами гораздо пристальнее, чем нам казалось. Когда мы вышли из пролива и приблизились к южной оконечности острова, то увидели все троих: они стояли на коленях у самой полосы прибоя и с мольбой простирали к нам руки. Нам нелегко далось решение оставить их на необитаемом острове, но другого выхода у нас не было. Объединившись с Сильвером, они могли бы снова попытаться устроить бунт на «Эспаньоле». Да и везти эту троицу в Англию, где ее ничего не ждало, кроме суда и виселицы, было бы еще более жестоко.

Доктор, перегнувшись через фальшборт, крикнул им, где лежат оставленные припасы, но они продолжали умолять нас не бросать их на этом ужасном острове. Когда же они поняли, что шхуна и не думает останавливаться, один из пиратов вскочил, вскинул мушкет и выстрелил. Пуля просвистела прямо над головой Джона Сильвера и пробила грот.

Но вскоре и пираты, и сам Южный мыс скрылись из вида. А к полудню, к моей нескрываемой

радости, в голубой дымке тумана растаяла и Подзорная Труба — главная вершина Острова Сокровищ.

Наш экипаж был так малочислен, что каждому приходилось работать сразу за нескольких матросов. Один капитан лежал на матрасе у кормы, отдавая приказания. Несмотря на то что он мало-помалу поправлялся, ему по-прежнему нельзя было ни вставать, ни двигаться. Мы взяли курс на один из ближайших портов Латинской Америки, где рассчитывали пополнить экипаж опытными моряками, ибо без этого мы не смогли бы пересечь океан и добраться до Англии. Нас и без того основательно потрепало переменчивое море, и все мы отчаянно устали…

Солнце уже садилось, когда мы наконец вошли в живописную уютную гавань. «Эспаньолу» тотчас окружили лодки и каноэ чернокожих, индейцев и метисов, торговавших фруктами и овощами. Вид их добродушно улыбающихся лиц, удивительные на вкус тропические фрукты и, главное, огни, загоревшиеся в сумерках на набережной, — все это было так восхитительно, что заставило нас на время позабыть об угрюмом и политом кровью Острове Сокровищ.

Отправляясь на берег, доктор и сквайр прихва-

тили с собой и меня. В порту мы свели знакомство с капитаном английского военного судна, побывали в гостях на его корабле и так засиделись, что вернулись на «Эспаньолу» лишь на рассвете.

На палубе нас встретил Бен Ганн и с обычными своими странноватыми ужимками и околичностями сообщил, что Джон Сильвер сбежал. Эйб Грэй честно признался, что сам помог ему спуститься в нанятую лодку, так как был убежден, что пока на борту находится этот одноногий дьявол, всем нам угрожает опасность. Но Сильвер покинул шхуну не с пустыми руками: проломив трюмную переборку, он утащил один мешок с золотом — триста или четыреста гиней, которые ему наверняка весьма пригодятся. Мы все были страшно довольны, что так дешево от него отделались.

Ну а теперь остается сказать совсем немного. Мы набрали новый экипаж и благополучно вернулись домой. «Эспаньола» вошла в Бристольский порт как раз в то время, когда мистер Блендли уже снаряжал второе судно, которое должно было отправиться нам на выручку. От былого экипажа шхуны в живых осталось всего пять человек. Впрочем, «Эспаньоле» повезло больше, чем тому судну, о котором поется в ста-

рой пиратской песне:

Все семьдесят пять не вернулись домой –

Они потонули в пучине морской.

Каждый из нас получил свою долю клада Флинта и распорядился ею по своему, кто с умом, а кто не очень. Капитан Смоллетт оставил морскую службу. Эйб Грэй не промотал эти деньги, а серьезно занялся изучением морского дела. Теперь он совладелец и шкипер отличного торгового судна, женат и обзавелся детьми. Что касается Бена Ганна, то он за три недели, а точнее, за девятнадцать дней пустил на ветер свою тысячу фунтов и уже на двадцатый день явился к нам без гроша в кармане. В результате ему пришлось поступить на службу к сквайру. Он в приятельских отношениях со всеми деревенскими мальчишками, а по праздникам поет в церковном хоре.

О Сильвере мы больше никогда ничего не слышали, и образ этого жуткого одноногого моряка постепенно начал стираться в моей памяти. Должно быть, он отыскал свою чернокожую супругу, и оба они безбедно живут где-нибудь вместе со своим неизменным попугаем. Зарытые Флинтом серебро и оружие так и остались на Ост-

рове Сокровищ. Пусть, кто хочет, отправляется за ними. Меня-то больше ничем не заманить в это проклятое место. Я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, когда во сне мне являются его угрюмые скалы, белая пена вечно грохочущего прибоя и дребезжащий голос попугая по имени Капитан Флинт, выкрикивающий неизменное: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!!!»